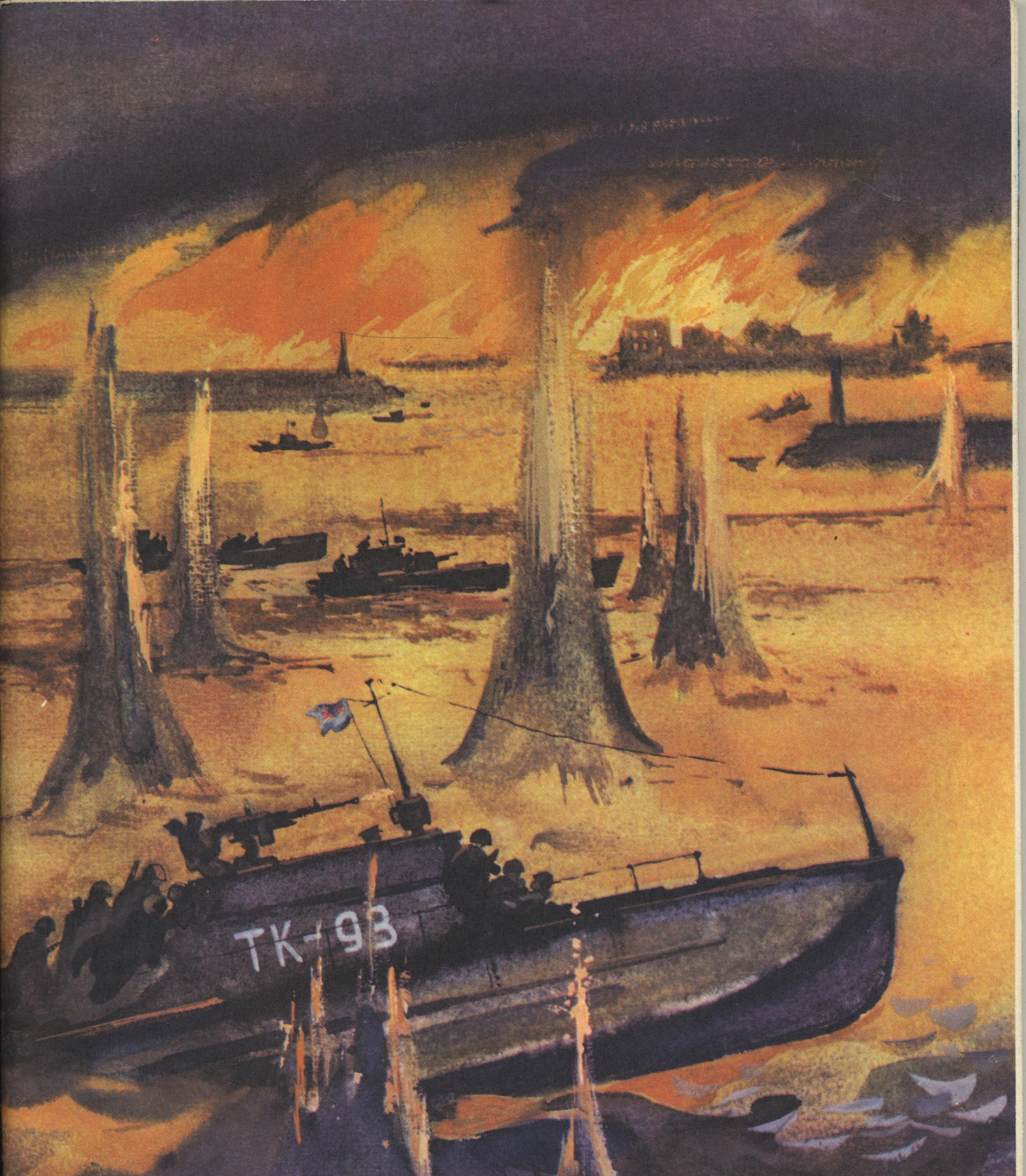


37 80

ПИОНЕР 9

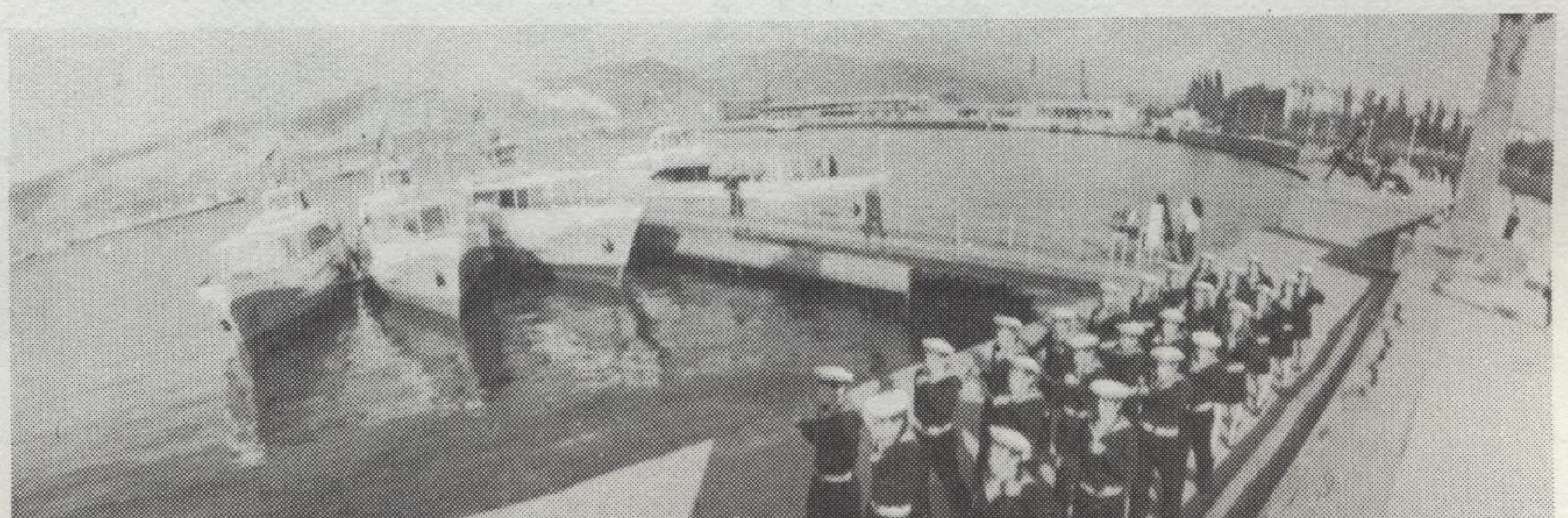
СЕНТЯБРЬ ● 1978 ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ПАМЯТЬ

Сергей ИВАНОВ

— Мы помним вас, герои Новороссийска! — говорят ребята. Пионеры верно хранят славу родного города.

Фотографии В. АРСИРИЯ



В Новороссийске удивительно чистый воздух, хотя город это немаленький, промышленный. Пыхтят цементные заводы (продукция их, кстати, известна на всех пяти континентах земного шара)...

И все же воздух здесь удивительно чист. Потому что гуляют по городу бесконечные морские ветра, мчат невидимой конницей, обгоняя троллейбусы, ероша листву бульваров.

Ветер, вечный ветер. То ласковый «морячок», прилетающий с юга, со стороны Геленджика и Анапы, то суровый норд-ост, ветер зимы и штормов.

Вечный ветер...

А это вечный огонь. Чугунный светильник необычно поднят над землею. Новороссийские ветра треплют и склоняют огонь. А он опять вырастает упруго, собирает разлетевшиеся свои языки в прозрачный красный цветок.

Вечный огонь, площадь Героев. Здесь могила Неизвестного Солдата, обелиски защитникам и освободителям города. Тем, кто отдал за Новороссийск свою жизнь.

Остановимся. Минута молчания. Звучат торжественные аккорды, склонив голову, замер почетный караул.

*

Вот обелиск, посвященный революционерам... Новороссийская республика — слышали вы о такой? Это было в 1905-м, в декабре. Рабочие захватили власть в свои руки и объявили Новороссийск свободной Республикой равенства и братства. Четырнадцатое — двадцать пятое декабря, вот и вся ее недолгая жизнь. Но память останется навечно!

Память.

Листаем пожелтевшие документы.

Восьмичасовой рабочий день, квартира для каждой рабочей семьи, детские сады и ясли... Все это кажется нам само собой разумеющимся. Новороссийские рабочие в боях отдавали за это жизнь.

Комсомольско-пионерский Пост Номер Один. Здесь, у могилы Неизвестного Солдата, у обелисков тем, кто защищал и освобождал город-герой Новороссийск, стоят на часах ребята — лучшие из лучших!

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

СЕНТЯБРЬ 9

Москва 1978 г.
Издательство «Правда»

Республика была разгромлена. На баррикадах, на жестоких каторгах погибли многие и многие новороссийцы.

Вспомним же о них... Минута молчания... Память...

*

На площади Героев нет обелиска в честь воинов, защищавших Новороссийск осенью сорок второго года. Но каждый, кто приходит сюда, вспоминает о них.

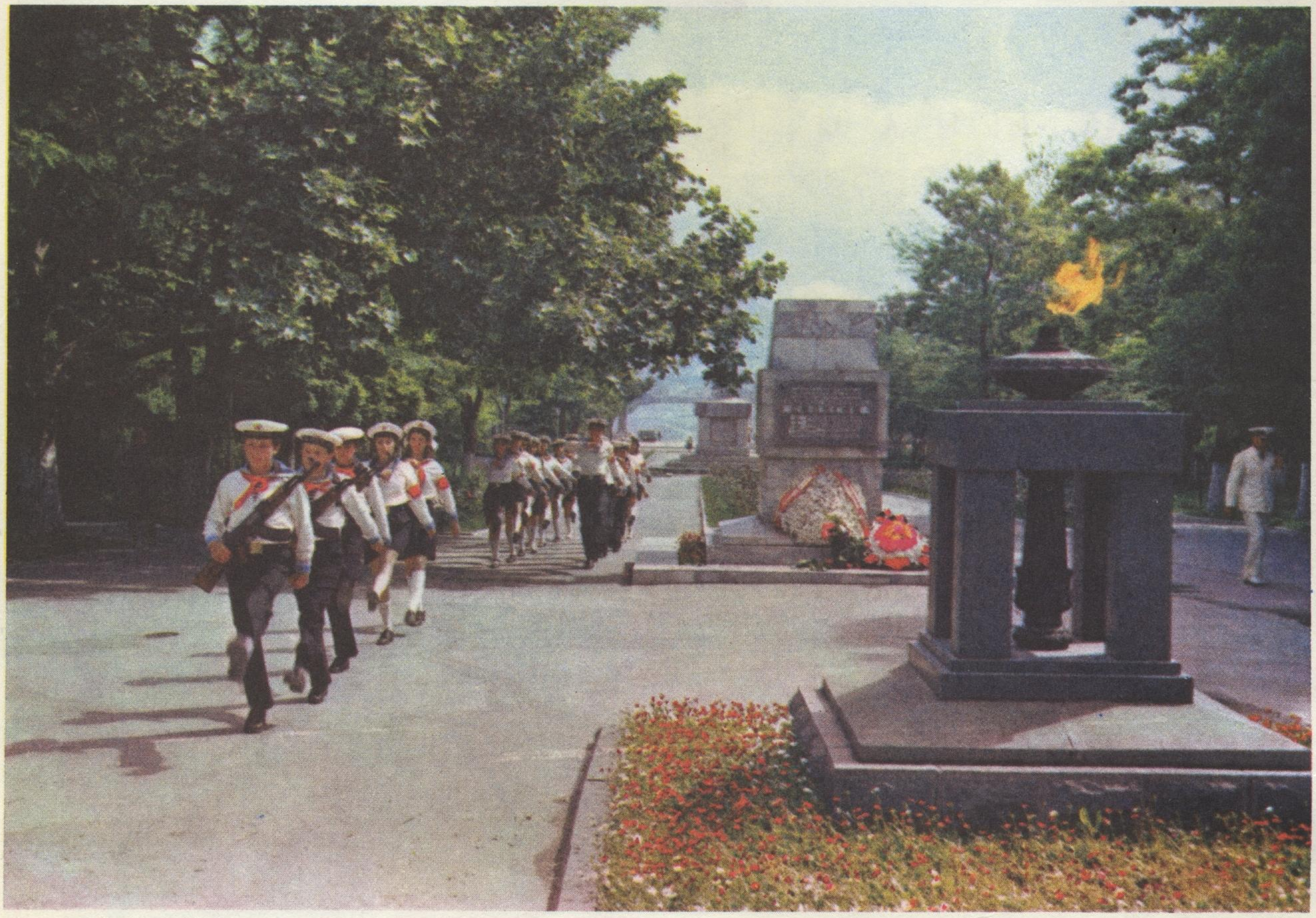
Они сражались за каждый двор, за каждый домик этого небольшого тогда приморского города. Отступали, умирая, сражаясь до последнего патрона, до последней гранаты.

Небывалое упорство защитников остановило продвижение врага. Помогло нашим войскам, уступив большую часть города, все-таки не отдать Новороссийск, закрепиться на северной его окраине у цементных заводов.

1942 год. О ком же тут рассказать? Может быть, о летчике Леониде Севрюкове, который отдал жизнь в день своего двадцатилетия, совершая таран фашистского самолета. Или о девятнадцатилетнем военном переводчике, бойце и поэте Павле Когане, геройски погибшем под Новороссийском, у вершины Сахарная голова.

Помните: «В флибустьерском дальнем синем море бригантина подымает паруса». Это его слова, его песня, солдата Павла Когана. Стоя на площади Героев, подумаем о нем...

Или, может быть, рассказать о пятнадцатилетнем (вернее, ему было неполных пятнадцать) Вите Новицком... Шел уличный бой. Да, уличный, хотя развалины, груды битого кирпича, воронки и расстрелянные деревья вряд ли можно было назвать улицей... Все же некоторые здания сохранились. Вот, например, водонапорная башня. Там засели наши пулеметчики. Отличная позиция. Она фашистам как бельмо на глазу... Но только силы слишком уж неравны!



Новороссийск. Площадь Героев. Шесть часов вечера.

Патронов еще три полные ленты, и «максим» в порядке. Да не осталось пулеметчиков! Все убиты до одного. Пока ранены были, продолжали стрелять. А теперь вот убиты.

И боязливо, робко враги стали вылезать из воронок, из-за разбитых стен — кто где прятался от свинцового дождя. Уже не таясь, пошли к изрубленной снарядами башне... Вдруг заговорил пулемет! Заговорил! Грозно, точно, коротко... И не пускал врага еще драгоценные два часа.

Потом патроны кончились.

И тогда фашисты ворвались в здание водокачки... Они увидели раненого, полуживого мальчишку.

Нет, не надейтесь. Они не пощадили его. Не убили выстрелом в упор. Они долго пытали его. Потом, еще живого, облили Витю бензином, подожгли и сбросили вниз.

Вечный огонь. Память...

*

Здесь похоронен и Герой Советского Союза Цезарь Львович Куников...

Имя это известно теперь всей стране.

Майор Куников был командиром того самого батальона морских пехотинцев, что в ночь с третьего на четвертое февраля 1943 года в непогоду, в лютый шторм высадился на южной, захваченной врагом части новороссийского берега.

Грохотали волны, но громче волн беспощадно били вражеские пушки, ахали мины, лаяли, захлебываясь от злости, пулеметы. А куниковцы шли и шли вперед в предательском свете висящих в воздухе ракет. Преодолели первую линию обороны. И многие из них остались лежать в траншеях или на дне Цемесской бухты. Но живые продолжали атаку. Отбивали у врага абсолютно голый, плоский, как сковородка, каменистый, обледенелый клок берега. Вгрызались в него саперными лопатками, зубами... Как угодно, но выстоять, закрепиться здесь.

Так начиналась Малая земля. О ней, о ее героях мы расскажем в следующих номерах «Пионера».

А пока постоим молча у могилы Куникова. Вспомним тех, кто погиб вместе с ним на Малой земле.

Память. Горит на ветру упругий цветок вечного огня.

*

Вечный огонь, могила Куникова. Чуть дальше, у строгой белой стены, могила Неизвестного Солдата. Замерли часовые.

Печатая шаг, марширует новый наряд почетного караула. Бескозырки, ослепительно белые матроски. Теперь мы ясно видим, что это ребята, школьники. Ежедневно с девяти до восемнадцати несет караул комсомольско-пионерский наряд одной из школ Новороссийска.

Вот уже три года как здесь учрежден Пост № 1.

Недалеко от площади Героев, на тихой боковой улочке, располагается караульное помещение, штаб Поста... В дверях дежурная с красной повязкой на рукаве. Вежливо, но решительно останавливает нас. Просим доложить о нашем приходе начальнику Поста.

И вот мы сидим в небольшом кабинете начальника. Зовут его Виталий Андреевич Лесик... В прошлом моряк, разведчик, боевой офицер. Военная судьба бросала его то под Ленинград — в самые жаркие дни лютой блокадной зимы, то на 4-й Украинский фронт.

Закончил войну Виталий Андреевич в августе сорок пятого на самом Дальнем Востоке...

Подтянутый, статный, мускулистый, многократный чемпион края по ГТО. На парадном его кителе вместе с боевыми наградами поблескивает и несколько спортивных медалей. На одной из них — изображение увесистой боксерской перчатки.

Ему шестьдесят один год. Каждое утро поднимается — не поздно, не рано — в пять тридцать. И каждое утро кросс, гимнастика на снарядах, ледяной душ... Сказать, что ребята относятся к нему с уважением, — это сказать очень и очень мало!

— В почетном карауле у нас стоят лучшие, — говорит Лесик. — Лучшие из лучших. Это ведь огромная честь! Часовой Поста отдает долг памяти погибшим и в то же время он полпред города-героя. После выхода книги «Малая земля» Леонида Ильича Брежнева, который сражался здесь, в Новороссийск приезжает с каждым днем все больше иностранных и советских делегаций, тысячи туристских групп, по существу, со всего света.

Да, действительно, быть часовым на Посту № 1 в городе Новороссийске — дело очень почетное. И ответственное и трудное. За девять часов несения караула каждый часовой четыре часа «чистого времени» должен простоять по стойке смирно (смена длится двадцать минут). Это действительно сложно. Попробуйте-ка, кто не верит!

— Пост, — говорит Виталий Андреевич, — становится для каждого часового испытанием физической и моральной закалки. Многие именно после Поста стали заниматься спортом.

Но, конечно же, Лесик отлично понимает, что дело не в спортивных разрядах и грамотах, а в том высоком, боевом духе, который воспитывает в себе каждый член почетного караула.

Шел конец февраля 1976 года. Погода морозная. Норд-ост валит с ног деревья... Штормовые громадные волны вдребезги разбиваются о гранит. Брызги, не успев упасть, замерзают, летят в город пулями, пылью, ледяной трухой. На улицах выросли соленые сугробы... Воет, крутит — носа не высунешь. Так, может быть, несение караула на сегодня отменить? К чему этот риск — время мирное...

— И не отменил! — Лесик задумчиво улыбается. — Настояли на своем ребята. Как и положено, несли службу с девяти до восемнадцати! — Он хмурит брови, что-то припоминая. — Седьмая школа, да... Это была седьмая. Хотя я лично уверен в каждом своем постовце.

Но работа штаба не только в несении караульной службы... В школе объявлена Мемориальная неделя. В классах проходят уроки мужества, ребята встречаются с ветеранами, выезжают на работу в подшефные совхозы, на вечерах рассказывают о своей следопытской работе.

Они бывают иной раз просто замечательные, эти вечера. Вот, например, тот, что провела 30-я школа, — «Спасибо, потомки, за память!».

Здесь были рассказы о героях погибших и живых. Ветераны, не скрывая слез, выходили на сцену. Без вести пропавшие и отысканные пионерами. Расстрелянные, но оставшиеся в живых. Потом был рассказ о бесценном (а иной раз страшном — если «похоронка») треугольнике-письме военных времен. И пожилые вспоминали те летучие письма. А молодые чувствовали сердцем... Тихо звучит мелодия далекой и незабываемой в нашем народе песни «Священная война». По залу идут ребята, одетые в форму военных почтальонов, разносят треугольники писем. Зрители чуть удивленно раскрывают их, там стихи:

«Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой...»

Строго, стройно звучит тысячеголосый хор поднявшегося зала...

Удивительный этот праздник придумал и организовал Владимир Ильич Грезин. Сам родом из Новороссийска, в шестнадцать лет партизанский разведчик, стрелянный в упор из парабеллума, десять раз уходивший от карателей и громивший их, умиравший от голода и жажды... Да всего не расскажешь!

Сейчас он военрук. Вместе с Грезиным, вместе с директором 30-й школы Виктором Степановичем Образцовым, вместе с учительницей истории Аллой Ильиничной Чадной ребята проводят огромную и очень полезную военно-патриотическую работу. А в первых рядах опять воспитанники Виталия Андреевича Лесика.

*

Шесть вечера. Задолго до этого часа на площади Героев стал собираться народ. Тормозят экскурсионные автобусы. Ни смеха, ни громкого разговора, ни дымка папиросы. Мужчины стоят с непокрытыми головами.

Без двух минут шесть. Из боковой аллеи на площадь выходят ребята. На этот раз не караул из четырех человек, а все двадцать пять — все, кто нес сегодня почетную службу.

Замерла шеренга, в струнку вытянулись часовые. В центре построения занял свое место Виталий Андреевич Лесик. И в ту же секунду заиграли куранты, мальчики опустились на одно колено, сняли бескозырки.

Нарастает мелодия. Забыв про свой фотоаппарат с огромным объективом, стоит навытяжку пожилой англичанин. Через всю щеку его и висок тянется багровый шрам... Уткнувшись в плечо мужа, плачет какая-то женщина. На груди ее орденские колодки. Вечный ветер перебирает седые волосы.

Сосредоточенны, торжественны лица ребят. Мы помним вас, герои Новороссийска. Никто не забыт, ничто не забыто!

Не забыто!

Под вечным ветром журчит листва новороссийских чудесных парков, пылает вечный огонь. Пионеры верно хранят славу родного города.

РАССКАЗЫ О КОНСТИТУЦИИ

М. И. КОНДАКОВ,
вице-президент
Академии педагогических наук СССР

ТЫ можешь, должен учиться

На всю жизнь запоминает каждый из нас свою первую учительницу, первый урок, первый учебник — букварь.

Книжка небольшая, а дела творит великие. С нее начинается школа.

Начало учебного года в нашей стране — большой всенародный праздник. Советское государство заботится о том, чтобы каждый ребенок учился, чтобы все дети **обязательно,** подчеркиваю, **обязательно** получили среднее образование. Об этом мечтал Владимир Ильич Ленин.

В самом начале XX века, в 1903 году, он писал о том, что только бесплатное и обязательное обучение **всех детей** может избавить народ от темноты. Он считал, что власть трудящихся за годы, за десятилетия должна вернуть народу долг столетий.

Долг этот был очень велик. Из каждой сотни ребят не посещало школу восемьдесят, из каждой сотни взрослых неграмотными были семьдесят пять. Свыше сорока народов царской России не имели своей письменности. Даже передовые педагоги считали, что всеобщее, доступное всем обучение может быть введено в России только через 250 лет, а национальным окраинам для этого потребуются многие сотни лет.

«Люди из образования сделали забор, мешающий трудящимся идти вперед,— говорил В. И. Ленин.— Этот забор будет сметен». И этот «забор» был сметен.

Только за первое десятилетие Советской власти **обучены миллионы неграмотных**.

В 1930 году было введено всеобщее начальное, четырехлетнее образование. Максим Горький считал, что, приняв этот закон, мы дали всем детям одинаковые возможности для развития.

Стране требовались хорошо подготовленные, образованные специалисты, чтобы построить новые заводы и фабрики, поднять сельское хозяйство. Тут недостаточно было одной грамотности. Вот почему вслед за начальным введено **восьмилетнее обучение всех детей — всеобщее.**

Так была создана основа для перехода ко **всеобщему среднему — десятилетнему — образованию.**

Даже в самых развитых капиталистических странах сейчас только две трети молодежи получают среднее образование. А в нашей стране практически каждый молодой человек выходит в жизнь со средним образованием. Один получает его в школе, другой — в техникуме, третий — в среднем профессионально-техническом учебном заведении, а четвертый — в школе рабочей молодежи.

Так сбылась мечта Ленина о том, чтобы вся наша молодежь была образованной, культурной и готовой к труду.

В статье 45 Конституции СССР записано, что граждане нашей страны имеют право на образование. Это право обеспечивается:

бесплатностью всех видов образования;

обязательностью среднего образования для всей молодежи;

широким развитием **профессионально-технического,** среднего **специального** и высшего образования;

выплатой государственных **стипендий** и **льгот** учащимся и студентам;

бесплатностью школьных учебников;

обучением в школе на родном языке;

созданием условий для **самообразования.**

Почему же так важно, чтобы все получали образование? Почему государство так строго следит за тем, чтобы все учились, чтобы дети и взрослые обязательно пользовались этим правом? Да потому, что куда бы вы ни пошли работать — в промышленность, сельское хозяйство или в армию,— везде вы встретите очень сложные машины. Без широкого образования, без прочных навыков самостоятельной и даже творческой работы ими не овладеть. Знание физики, химии, математики, биологии сейчас нужно не только для того, чтобы поступить в институт, но и для того, чтобы по-настоящему хорошо работать в самых различных отраслях хозяйства.

Пройдет немного времени, и судьба нашей науки, техники, всего народного хозяйства окажется в ваших руках. Вот почему это не только ваше **право** — получить среднее образование, но и **обязанность.** Это позволит вам раскрыть все ваши творческие силы и способности на пользу обществу.

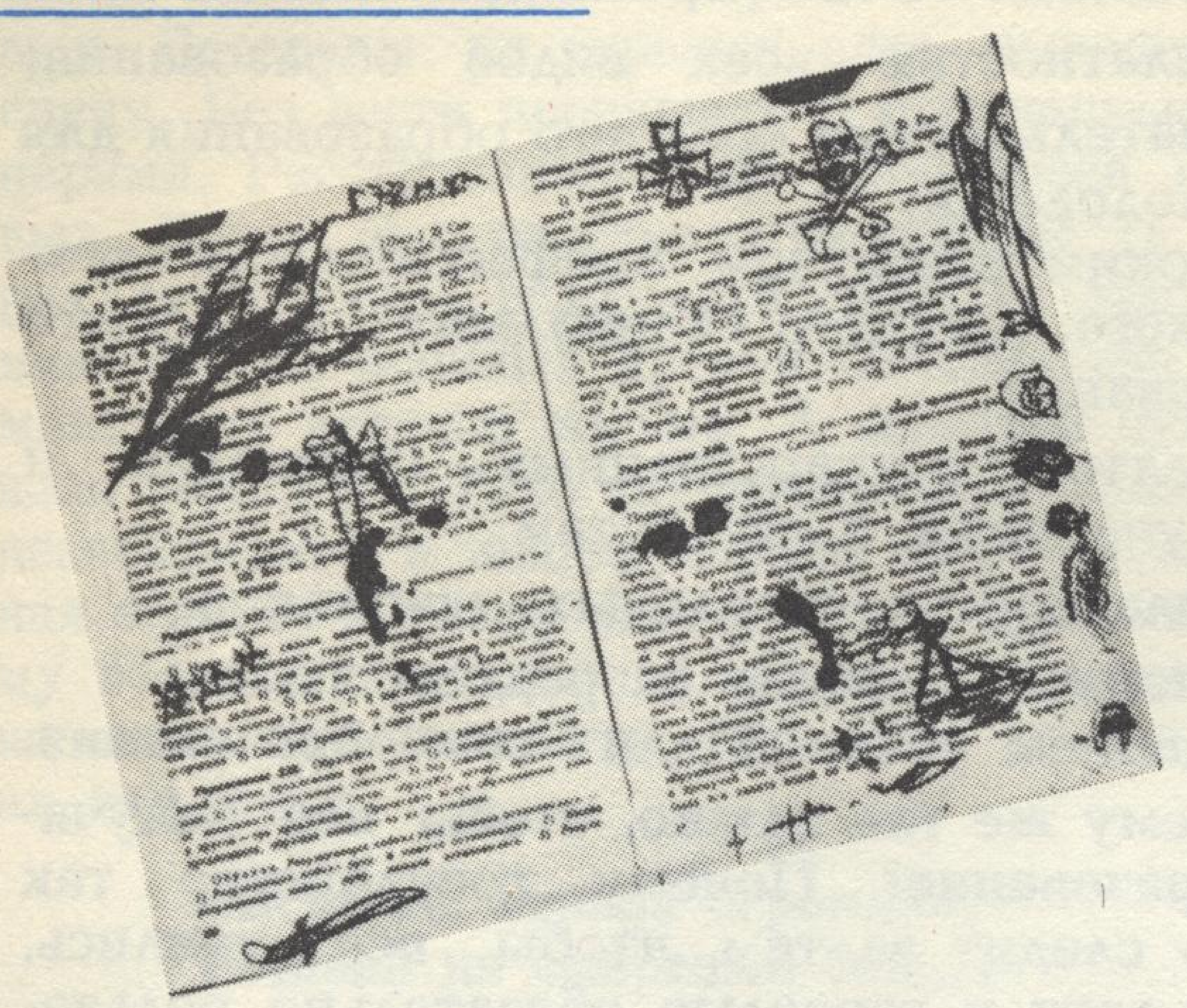
Говоря об этом, давайте вспомним о том времени, когда в стране были голод и разруха, а В. И. Ленин, выступая на III съезде комсомола, призвал молодежь учиться, обогащать свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество. Вот его слова, ставшие крылатыми: **«Если я знаю, что знаю мало, я добьюсь того, чтобы знать больше».**

Право на образование — это право на полное всестороннее развитие творческих возможностей личности, право на свободный выбор профессии.

Из шестисот комсомольцев, слушавших Владимира Ильича на III съезде комсомола, высшее образование имели 11 человек, среднее — 221, низшее — 300, домашнее и прочее — 70, то есть у половины делегатов съезда (а ведь это была самая передовая часть молодежи) было низшее образование.

Среди делегатов XVIII съезда комсомола 94,3% имели высшее, незаконченное высшее и среднее образование, 75 из них были докторами и кандидатами наук.

Наша Родина реально обеспечила великое право на образование каждому своему гражданину.



Учебник— береги

Погляди на эту исчирканную, истрепанную, изуродованную книгу. С трудом признали мы в ней учебник русского языка.

Кто уничтожил его?

Кто посмел варварски издеваться над книгой?

Наверное, это был человек, который НЕ ПОДУМАЛ о том, что в учебнике живет мудрость нескольких поколений.

Возможно, это был человек, который НЕ ПОНЯЛ, сколько труда многих людей разных специальностей вложено в один только учебник.

Скорее всего это был человек, который НЕ ЗНАЛ: для того, чтобы сделать учебник русского языка для всех ребят нашей страны, приходится срубить примерно 7480 красавиц елей. А за всю школьную жизнь каждому школьнику понадобится почти сотня учебников!

твой друг, его!

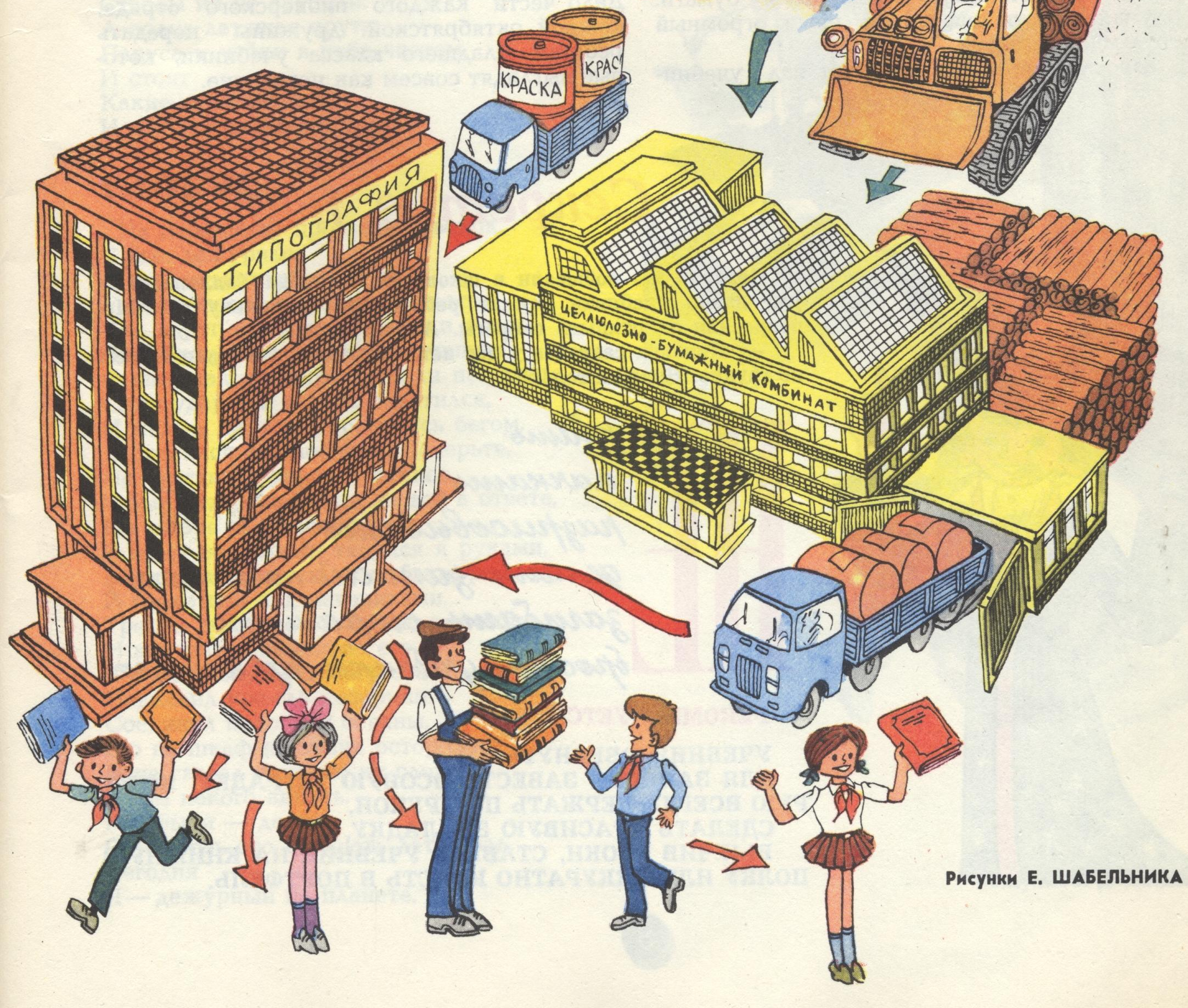
Партия и правительство приняли постановление выдавать школьникам учебники бесплатно. Это очень важное решение, и

Этот рисунок рассказывает тебе, о чем НЕ ПОДУМАЛ, чего НЕ ПОНЯЛ, НЕ ЗНАЛ человек, который так жестоко обошелся со своим другом — учебником. Посмотри, сколько здесь людей работает: писатели, ученые — авторы школьных учебников, редакторы, художники, корректоры, машинистки.

Готовую рукопись отправляют в типографию, там должны напечатать миллионы учебников. За дело берутся наборщики, печатники, переплетчики.

Стоп! Но ведь для учебника нужна бумага, миллионы тонн. Валят лес лесорубы, плотогоны сплавляют его по рекам, химики на бумажных комбинатах превращают древесину в хрустящую белую бумажную ленту.

Наконец, учебник в твоих руках. Учись на здоровье! И береги, обязательно береги учебник для тех, кто возьмет его в руки после тебя.



Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА

нам хотелось бы, чтобы ты понял и осознал, сколько людей работает над твоим учебником. Художник рассказывает тебе об этом.

Теперь ты понимаешь, как дорого стоит твой учебник государству. Обидно, если им будешь пользоваться только ты один. Береги учебник! И передай его в целости и сохранности своим младшим товарищам.

— Самая нужная в стране книга — учебник, —

говорит **Тамара Алкссеевна КУЦЕНКО,** заместитель председателя Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.— Только в РСФСР в этом году напечатали 184 миллиона учебников по разным предметам, на разных языках. А для этого понадобилось 60 тысяч тонн бумаги. Вдумайся в эти цифры! За ними огромный труд многих людей.

Взрослые, которые работают над учебниками, стараются, чтобы год от года они становились интереснее и красивее. Пишут учебники большие ученые, лучшие педагоги, оформляют их самые хорошие художники.

В нашей стране, где все без исключения дети учатся, учебники выпускают несколько издательств.

Печатаются они на крупнейших полиграфических комбинатах.

Скоро ты будешь получать учебники бесплатно: принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О переходе на бесплатное пользование учебниками учащихся общеобразовательных школ». С этого учебного года по бесплатным учебникам начали учиться первоклассники. В будущем году вторые и третьи классы станут учиться тоже по бесплатным учебникам. А к 1983 году ученики всех классов получат учебники бесплатно.

Учебник — социалистическая собственность. Твой гражданский долг—сберечь свои учебники.

Ученые установили, что один учебник, если с ним аккуратно обращаться, может жить не меньше четырех лет. Постарайся сделать так, чтобы он прожил еще дольше. Дело чести каждого пионерского отряда, каждой октябрятской дружины — передать ребятам младшего класса учебники, которые выглядят совсем как новенькие.

Секретов нет

Недавно мы побывали в школе № 6 города Таллина. Там уже давно учебники служат ребятам по нескольку лет. Мы попросили их открыть секреты. А они говорят:

— Никаких секретов у нас нет. Сохранять учебники совсем не трудно. Надо их только

НЕ рвать,
пачкать,
разрисовывать,
делать записей на полях,
загибать страницы,
бросать учебники где попало!

РЕКОМЕНДУЕТСЯ:

УЧЕБНИК ОБЕРНУТЬ,

ДЛЯ ЗАПИСЕЙ ЗАВЕСТИ ОСОБУЮ ТЕТРАДКУ, КОТОРУЮ ВСЕГДА ДЕРЖАТЬ ПОД РУКОЙ,

СДЕЛАТЬ КРАСИВУЮ ЗАКЛАДКУ,

ВЫУЧИВ УРОКИ, СТАВИТЬ УЧЕБНИК НА КНИЖНУЮ ПОЛКУ ИЛИ АККУРАТНО КЛАСТЬ В ПОРТФЕЛЬ.

Раим ФАРХАДИ,
лауреат премии
Ленинского комсомола Узбекистана

ШКОЛЬНОЕ ОКНО

Три сосны из школьного окна,
Три ствола мечтательному взгляду
Открывались. Светлая волна
Пробегала и ложилась рядом...
Рисовал я на тетрадке парус,
Капитана с трубкой у руля.
Мне стволы сосновые казались
Мачтами большого корабля.
Волны тихо палубу качали,
Поднимался парус, невесом.
Белые невидимые чайки
Полонили синий горизонт.
И пока еще не очень ясный,
Начинал все напряженней дуть
Необъятный, гулкий ветер странствий,
Увлекая за собою в путь.
Школа.
Вон за тем углом она —
Мы давно под парусом уплыли.
Что теперь в ней видно из окна?
Три сосны!
Стволы их не срубили.
А волна летящая крута.
Паруса и чайки в небе чистом.
И стоят
Какие-то мальчишки,
И плывут неведомо куда!

ГЛОБУС

...На переменку прозвенел звонок.
Я был дежурным.
И огромный глобус
Уже собрался вынести из класса,
Как вдруг меня ребята сбили с ног.
Я глобус уронил, и тут мальчишки
С ним, как с мячом, решили поиграть.
Один удар — и глобус покатился,
И между парт все бросились бегом.
Я бросился за глобусом, поверьте,
Не чувствуя ударов и пинков.
Я был дежурный. Был за все в ответе,
Но глобус укатился далеко,
К нему неловкими тянулся я руками,
В тот миг вставали на дыбы моря
И грохотали над материками...
Трещал по швам и разрывался глобус.
И все-таки я выхватил его.
В учительскую комнату отнес.
Подклеил кое-где материки.
Соединил полоской океаны.
Его на шкаф поставил осторожно.
И не сказал учителю ни слова.
В том некого винить.
Мы были — дети.
Случилось это двадцать лет назад.
Сегодня
Я — дежурный по планете.

Рисунок В. ДУДКИНА

Зоя ВОСКРЕСЕНСКАЯ

Рисунки С. ТРОФИМОВА

МАТЬ И СЫН

РАССКАЗ

Как-то один товарищ рассказал мне о своей встрече с матерью великого сына болгарского народа Георгия Димитрова — Параскевой Досевой-Димитровой, которую болгарский народ нежно и любовно называет бабой Параскевой.

Мне захотелось побольше узнать о матери этого замечательного человека. Я вглядывалась в ее фотографии, читала воспоминания людей, знавших ее, перелистывала газеты тех дней. Все это дополнялось воображением и личными впечатлениями от посещения Болгарии. И теперь мне кажется, что я сама встречалась с бабой Параскевой, слышала ее тихую речь, держала в своих руках ее руку. Поэтому я и веду рассказ от первого лица.

...Это было в самом начале апреля 1944 года.

Я приехал в Болгарию, когда весна была в самом пышном и ярком цветении. Трудовые руки народа в содружестве с доброй землей и теплым солнцем превратили ее в роскошный сад. Казалось, что сама природа создала этот край для вольной жизни, песен и танцев. Но в эти годы замолкли песни. Молодежь, если и собиралась на вечеринки, то только для того, чтобы, соединившись в хоровод; ночью уйти в горы уничтожать врага. На болгарской земле хозяйничали гитлеровцы. Их мало интересовали цветущие розовые долины и сады, они вывозили драгоценное розовое масло, табак, виноград, обильные урожаи садов, грабили страну.

Гора Витоша, у подножия которой расположилась столица София, в то утро была окутана туманной дымкой и походила на огромное розовое облако, опустившееся на землю. И таким страшным контрастом с цветущими садами предстала передо мной София. Два месяца до

этого на столицу был совершен жестокий налет американских и английских бомбардировщиков. Улицы еще не были расчищены от развалин. Уцелевшие яблони и вишневые деревья пробились сквозь щебень и обломки и выглядели как целительные повязки на израненном городе. Бомбы повредили и здание Советского посольства, над которым развевался красный флаг. Флагом Надежды называли его болгары. Гитлеровцы грабили страну, монархо-фашистский режим царя Бориса попирал свободу народа, англо-американцы сбрасывали смертоносные бомбы на жилые кварталы. Болгарский народ все свои надежды возлагал на Страну Советов, ее армию.

Перед отъездом из Москвы я встретился с Георгием Михайловичем Димитровым. Он рассказал мне об обстановке в Болгарии. Антифашистские силы народа объединились в Отечественный фронт, действовали боевые группы и партизанские отряды. Фашистское правительство приняло закон, по которому даже дети карались смертной казнью за участие в антифашистской борьбе. Против партизан была направлена стотысячная армия солдат и жандармов.

Товарищ Димитров не раз обращался по радиостанции «Христо Ботев» к болгарскому народу, рассказывал о положении на советском фронте, призывал болгар сражаться с врагом так же стойко и мужественно, как это делают советские партизаны. Георгий Михайлович был очень хорошо осведомлен о том, что делается в каждой из двенадцати оперативных зон в Болгарии, знал по именам командиров партизанских отрядов.

В тот вечер он выглядел усталым и больным, а в его горячих черных глазах притаилась боль. Я знал, что он недавно потерял своего семилетнего сына, умершего от дифтерита, и тяжело переживал его смерть. Прощаясь со мной, он протянул мне руку, а другую, с конвертом, прижал к груди, и в глазах его затеплилась нежность и несвойственная ему застенчивость.

— Просьба у меня к вам большая, — сказал он, — я давно не имею сведений о моей маме. Как она там? Не могли бы вы навестить ее и передать вот это письмо. С ней должна быть моя сестра Магдалина. Маме о смерти внука не говорите.

Я с готовностью согласился выполнить просьбу Георгия Михайловича и через несколько дней по приезде в Болгарию, наняв такси, отправился в город Самоков, где, по словам Георгия Михайловича, она должна была проживать.

Машина шла по плохой, разбитой дороге. Рябило в глазах от белых столбиков, к которым были прикреплены виноградные лозы. Столбики ровными рядами взбегали на пригорки и пропадали где-то в туманной дали. Дорога была усыпана лепестками опадающих цветов яблонь и груш. Воздушные бело-розовые сугробы колыхались у обочин и в колеях, как тополиный пух в июньской Москве.

В одном месте шофер резко затормозил машину. Навстречу шел отряд гитлеровских солдат, а впереди нашей машины ослик усердно тащил воз с поклажей. Пожилой болгарин шел рядом. Гитлеровский ефрейтор знаком руки потребовал освободить дорогу. Но ослик, прядая ушами, упрямо шагал посредине дороги, выставив вперед лоб, словно собираясь таранить колонну.

Болгарин не пошевелил вожжами. Ефрейтор подбежал к нему и, размахивая руками, ругался по-немецки самыми непотребными словами. Болгарин метнул взгляд на гитлеровца, и в этих выкатившихся от гнева глазах было столько презрения и решимости, что ефрейтор как-то сник и велел солдатам обойти повозку. Не такое было время, чтобы расправиться с дерзким болгарином: совсем близко, за Дунаем, шли бои, Советская Армия громила фашистов в Румынии, приближаясь к болгарской границе. Гитлеровцы все чаще подумывали о своей судьбе.

Когда солдаты, вздымая сапогами пыль, прошли, болгарин дернул за поводья, ослик по-

слушно свернул на обочину, чтобы дать дорогу нашей машине. Шофер, высунувшись из окна, весело крикнул: «Твой ишачок врагу дорогу не дает. Умная скотина». Пожилой болгарин смачно плюнул и рассмеялся.

У въезда в город я расплатился с таксистом и пошел пешком. У первого дома на скамейке сидела старая болгарка, грелась на солнышке, вокруг нее, как снежинки, порхали белые лепестки.

— Скажите, пожалуйста,— обратился я к ней на плохом болгарском языке,— где живет баба Параскева?

Старуха недоверчиво посмотрела на меня. Помолчала.

— Не знаю такой,— ответила сурово.

Я пошел дальше. На полянке мальчишка запускал змея, быстро разматывая клубок, глядя восхищенными глазами, как белый квадрат, покачиваясь, набирал высоту. Во всем мире мальчишки стремятся в небо. Я подождал, пока змей лег на воздушный поток и вытянул свой мочальный хвост, и спросил у мальчишки про бабу Параскеву. Он сдвинул густые брови, глаза его забегали, он показал неопределенно куда-то рукой, а сам быстро стал сматывать бечевку и припустился бежать в противоположную сторону.

Люди, к которым я обращался, не спешили с ответом, но каждый показывал дорогу по-разному. Я чувствовал себя футбольным мячом, который гоняют по полю. А на улицах стали попадаться люди с кольями и топорами в руках. Мальчишек все больше гоняло по улице, одни скакали верхом на палочке, другие просто бежали, а один, в зеленой рубашке, на велосипеде, то обгонял меня, то мчался навстречу, то перерезал мне дорогу. Наконец, он неожиданно выехал из переулка, соскочил с седла и, показав рукой на угловой дом, на котором висела вывеска «Корчма», сказал:

— Иди туда, там тебе скажут, где найти бабу Параскеву.

В тоне мальчишки мне почудилась угроза и недоброжелательство. Кто там, в этой корчме? Друзья или недруги?

Я подошел к дверям и заглянул вовнутрь. За круглым столом сидело несколько стариков в черных шапочках, на столе стояли кружки с пивом, тарелка с нарезанной брынзой.

Старики, видно, ждали меня.

— Присаживайся, незнакомец,— сказал один из них.— Коли с открытым сердцем пришел, гостем будешь.

Я проникся доверием к ним и без всяких предисловий сказал:

— Я советский дипломат. Из Москвы. Хочу навестить бабу Параскеву. Скажите, где она живет?

— А чем ты докажешь, что ты наш брат? — спросил старейший.

Я предъявил свой «серпастый, молоткастый» паспорт.

Книжица переходила из рук в руки. Старики придирчиво сличали фотографию с моей внешностью. Затем старейший уважительно погладил паспорт рукой и вернул его мне. Все старики встали и поклонились.

— Напугал ты нас,— сказал старейший.— Появление иностранца всполошило весь наш городок. Иностранец ищет бабу Параскеву! Хоть ты и один, а кто знает, кто у тебя остался за околицей. Мы здесь, в штабе,— обвел он рукой сидящих за столом,— голову ломали, кому и зачем понадобилась наша баба Параскева, наша всехняя мама.

— Расскажи нам, скоро ли братушки придут. Скоро ли раздавят коричневых гадюк? Мы здесь ведь тоже не сидим сложа руки.

— Победа будет наша, теперь это каждому ясно,— сказал я,— а вот долго задерживаться мне у вас нельзя. Покажите мне дорогу.

Я попрощался с милыми стариками, а старейший, посасывая трубочку, не спеша повел меня по улице. Мальчишке в зеленой рубашке он кивнул головой: мол, все в порядке, ты свободен. Так же кивал он головой сидевшим на крылечках женщинам и старикам.

Мы подошли к небольшому домику, утопавшему в цветущей белой сирени, а из кустов выходили вооруженные вилами, топорами мужчины. Старейший велел всем разойтись и оставить только дежурных.

Я понял, что эти люди охраняли бабу Параскеву, что это я вызвал переполох и заставил вооружиться людей. Баба Параскева была под надежной охраной.

На крыльце нас встретила пожилая женщина в очках. Очень похожая на Георгия Михайловича. Я понял, что это была его сестра.

Старик очень торжественно представил меня:

— Встречай, Магдалина, дорогого гостя из самой Москвы. Советский дипломат. Мы проверили его документы. Это наш братушка.

Магдалина Михайловна приложила руку к сердцу.

— Добро пожаловать!

Я вошел в дом.

— Мама,— заглянула за перегородку Магдалина.— Гость к нам из Москвы. От Георгия.

За перегородкой раздался легкий кашель.

Магдалина Михайловна вывела под руку мать.

Маленькая старая женщина с бледным лицом и черными, не потерявшими блеска глазами казалась легкой и хрупкой, как засушенный цветок. Она с трудом переставляла ноги.

— Ах, старость, она прежде всего за ноги хватает,— пожаловалась она.

Я склонился и почтительно поцеловал старушке руку.

— Правда от Георгия? — спросила она.— Как живет мой сын? Он здоров?

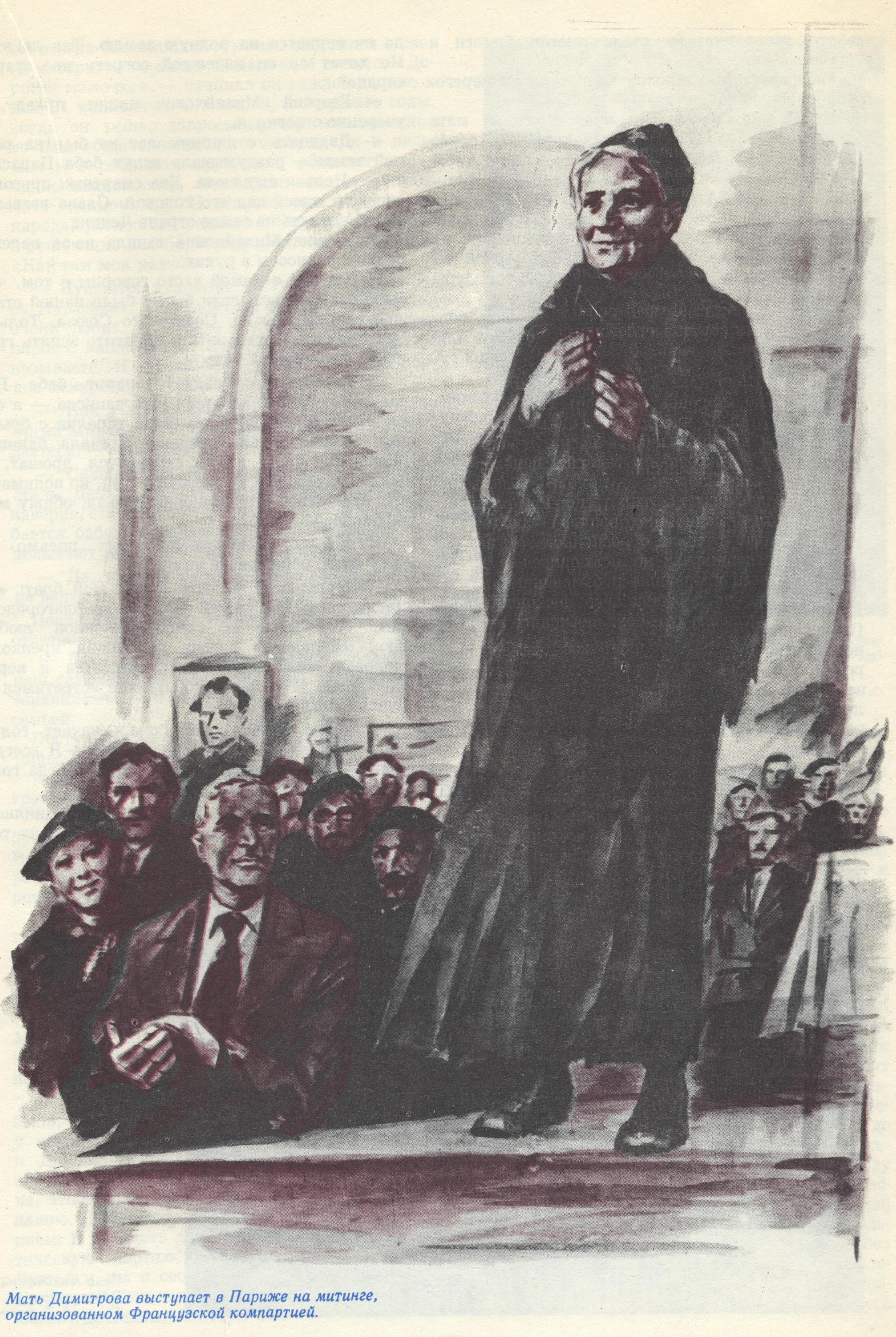
— Да, вполне здоров,— покривил я душой,— просил передать вам сердечный привет и вот это письмо.

— Я сразу же почитаю его. Можно?

— Да, да.

Магдалина Михайловна принесла очки.

Баба Параскева ножом вскрыла клапан кон-



Мать Димитрова выступает в Париже на митинге, организованном Французской компартией.

верта, расправила на столе листок бумаги и принялась читать.

Магдалина Михайловна хлопотала за перегородкой, звякала посуда.

Я был взволнован. Вот она, отважная мать отважного сына. И передо мной возник образ другой матери, матери Ленина — Марии Александровны Ульяновой. Дома у меня есть фотография. Мария Александровна сидит в плетеном кресле на веранде. Такая же маленькая и хрупкая. Снята за несколько месяцев до смерти, на 82-м году жизни. Белые волосы под черной наколкой, мудрый взгляд темных глаз, а губы сложились в добрую усмешку.

Бабе Параскеве 83-й год. Черные глаза полны живого блеска, любознательности. Вот она читает письмо, и улыбка играет на ее тонких губах. Так может улыбаться только мать.

Баба Параскева читает письмо шепотком, словно разговаривает с сыном, водит согнутым сухим пальцем по строчкам, не спеша, наслаждаясь, читает. Белая прядь волос крылом ласточки выбилась из-под черного платка. Морщинки, ровные, тонкие, как линеечки, то соберутся на лбу, то разгладятся, и тогда разбегаются от глаз веером лучики. Наверное, по морщинам на лице можно прочитать жизнь человека, пережитые горести и радости, все содеянное им. Жизнь — беспристрастный и правдивый гример. Все морщинки на лице бабы Параскевы излучали бесконечную доброту, но не было ни одной, которая бы говорила о смирении, покорности. Горькие складки у рта, но нет в них безысходности и отчаяния. Глаза пытливые, заинтересованные, и в них такая же нежность, какую я прочитал в глазах Георгия Михайловича.

Вот она смахнула кончиком платка слезы со щек, аккуратно сложила письмо и положила на него руку, как бы положила на руку сына.

— Георгий пишет, что недалек тот час, когда он вернется на родную землю. Так ли это? Не хочет ли он надеждой согреть мое старое сердце?

— Георгий Михайлович пишет правду, — уверенно ответил я.

— Двадцать с лишним лет не был на родной земле, — раздумывала вслух баба Параскева. — Нельзя ему сюда. Два смертных приговора висят здесь над его головой. Слава всевышнему, что есть на земле страна Ленина.

Магдалина Михайловна вышла из-за перегородки с подносом в руках.

— Да! Мы с мамой часто говорим о том, что было бы с миром, если бы не было нашей старшей сестры России, Советского Союза. Только ему под силу остановить и обратить вспять грязевой фашистский сель.

— Почитай-ка письмо, — говорит баба Параскева, — там и для тебя есть записка, — а сама стала расставлять на столе тарелки с брынзой, маринованным перцем, нарезала баницу. Маленькие руки плохо слушаются, дрожат. Я сижу, смущенный этими хлопотами, но понимаю, что отказаться от угощения нельзя, обижу милых хозяек.

Магдалина Михайловна читает письмо и, сняв очки, обращается ко мне:

— Послушайте-ка, что пишет мой брат: «Я всегда гордился нашей мамой, ее благородством, стойкостью и самоотверженной любовью... Желаю ей долгих лет жизни, крепкого здоровья, жизнерадостности, мужества и веры в будущее. Я уверен, что мы еще встретимся и будем счастливы».

— Будем, будем счастливы, — качает головой в знак согласия баба Параскева. — Я всегда была счастлива со своими детьми и всегда гордилась ими. Хорошие у меня дети.

«Я горжусь своими детьми», — вспомнились мне слова матери Ленина. Владимир Ильич то-

Село Ковачевцы. Здесь родился Георгий Димитров.

же всегда беспокоился и нежно заботился о своей матери, тоже писал ей ласковые письма. «Дорогая мамочка»,— начинал он каждое письмо к ней. И мальчиком, и юношей, и в зрелые годы, когда он решал вопросы преобразования мира во имя общечеловеческого счастья, он в письмах и в семейном кругу и в обществе своих единомышленников неизменно называл свою мать «мамочкой». И великий сын болгарского народа, убеленный сединами Георгий Димитров в решающие дни борьбы думает о своей матери: «Как там моя мама?»

— Кушайте, кушайте — потчевала меня баба Параскева.— Вот свежая баница. Георгий ее очень любит, а Лина — мастерица ее печь. Это пирог с кашкавалом, или с брынзой, как вы ее называете. И чесноком не гнушайтесь. Он первое лекарство от всех болезней.

— Как у вас с продуктами, с деньгами? Георгий Михайлович просил узнать, в чем вы нуждаетесь? — спрашиваю я.

— Скажите моему сыну, что у нас всего вдосталь. Деньги мы получаем, от кого неизвестно, наверно, старшая сестра посылает,— лукаво улыбается баба Параскева.— Нам люди огород возделывают и за виноградом ухаживают.

— Да, я уж убедился, что в обиду вас тут не дадут.

После обеда баба Параскева садится писать ответное письмо.

— Пока мама пишет, давайте посмотрим наш семейный альбом,— предлагает Магдалина Михайловна,— познакомьтесь со всей нашей семьей.

Постукивая пером о дно стеклянной чернильницы, баба Параскева говорит:

— Я всегда благодарю бога, что научилась грамоте.

— Не бога надо благодарить, а себя,— вразумительно замечает Магдалина Михайловна.— Ведь грамоте научилась, когда у тебя уже куча ребятишек была. Я помню, как ты по ночам пером по бумаге скребла, выводила буквы.

— Да,— улыбается баба Параскева.— Работа по хозяйству куда легче, чем грамота. Ох, и уставала я за ней. А учителем был мой покойный муж. Он и букварь мне купил, и потом ко дню рождения он и дети дарили мне книги.

Баба Параскева принимается за письмо. Магдалина Михайловна отстегивает ажурную застежку на альбоме в потертом синем бархатном переплете.

— Видите, какая семья-то у нас большая была,— говорит она.— Шестеро сыновей было у мамы и две дочери. Старший — Георгий, потом я. Дружная была семья. И все тянулись к знаниям. Георгий избрал себе профессию наборщика, чтобы быть ближе к печатному слову, к познанию. Всю жизнь он занимался самообразованием. В двадцать лет вступил в социал-демократическую партию, а за ним пошли и другие братья и мы с сестрой. Второй брат, Константин, тоже был печатником и активным профсоюзным деятелем. А потом началась Балканская

Георгий Димитров с матерью. 1934 год.

война, его призвали в армию, и в 1912 году наша мама получила извещение, что сын погиб на фронте. Не успела снять траура по сыну, как умер наш отец... А вот третий брат, Никола. Он тоже был печатником, поехал работать в Одессу, там вступил в партию большевиков. Был активным и горячим, как все Димитровы. Царская полиция выследила его, арестовала и сослала в Сибирь. Там, в ссылке, он, не привыкший к суровому климату, зачах и умер... Четвертый брат — Тодор.— Показывает Магдалина на фотографию пышноволосого, ясноглазого молодого человека.— Он вместе с сестрой Еленой вступил в коммунистическую партию. Не однажды к нам в дом врывалась полиция с обыском. Но мы все были обучены правилам конспирации. И наша мама. У нее на кухонном фартуке были двойные карманы: два маленьких спереди и два больших с изнанки. Вот в больших карманах она хранила запрещенную литературу, и полиция никогда не добиралась до этих маминых карманов. Тодора хорошо знали и любили рабочие Софии. Но в 1925 году его схватила болгарская охранка. Мама напрасно ходила и просила свиданий с ним. Его пытали и истязали, требовали, чтобы он выдал подпольную организацию. Брат молчал. Его убили без суда и следствия в подвалах охранки,— уже совсем шепотом говорит мне Магдалина Михайловна.— Вы представляете, сколько бед свалилось

на голову нашей мамы? И она никогда не попрекнула нас. Наоборот, всю жизнь была нашим помощником: распространяла листовки, бегала оповещать о конспиративных собраниях, прятала запрещенные книги. Больше всего тревог доставлял ей Георгий...

И как ни тихо говорила Магдалина Михайловна, баба Параскева услышала и строго сказала:

— Что ты говоришь, Лина. Георгий всегда дарил мне радость, а я молила бога, чтобы он сохранил сыну жизнь и здоровье.

— А вспомни, мама — возразила Магдалина Михайловна, — наши бессонные ночи, когда Георгий работал в Коминтерне и жил нелегально в разных странах. Тогда уже не одна болгарская, а все охранки капиталистических стран Европы охотились за ним. А помнишь...

— Помню, помню, — говорит задумчиво баба Параскева. — Одиннадцатого марта 1933 года купила на улице газету, глянула на заголовок и еле доплелась домой. Георгий в гитлеровской тюрьме! Его обвиняют в поджоге рейхстага. Вот это были страшные дни. Мы понимали, что над его головой занесен фашистский топор.

Магдалина Михайловна порылась в папке и вынула из конверта письмо.

— Георгий писал тогда из тюрьмы: «Особенно обрадовало меня письмо нашей любимой мамы. Несмотря на все, она держится молодцом, полна мужества и надежды, и это утешает меня, дает мне большое моральное облегчение».

Вот тогда мама и решила поехать в Германию, чтобы быть рядом с сыном, видеться с ним в тюрьме, быть в зале заседаний на судебном процессе.

Я слушаю рассказ Магдалины Михайловны, и в памяти встают события тех лет.

72-летняя баба Параскева, никогда не покидавшая Болгарии, сама отправилась в германское посольство, чтобы получить визу на поездку в Германию. На пороге посольства ее схватили болгарские жандармы и поволокли в тюрьму. Но гитлеровцы распорядились иначе — они дали разрешение матери и сестре Димитрова поехать в Германию, надеясь, что мать, опасаясь за жизнь сына, уговорит его дать нужные гитлеровцам показания.

Баба Параскева снарядилась в дорогу по-деревенски: захватила теплое домотканое одеяло для сына, связку чеснока, напекла баницы, приготовила свежую кашкавалу.

В Париже сделали остановку. От местных болгар узнали, что Французская компартия организует большой митинг в защиту Димитрова и просит мать выступить на этом собрании. Никогда не выступала баба Параскева перед народом, даже на сельских сходках. Но здесь речь шла о спасении жизни ее сына, и она решилась. Ее привезли в зал Булье, где собралось семь тысяч парижских рабочих. Гул многотысячных голосов оглушил ее, когда она, опираясь на руку переводчика, вышла на сцену. У нее перехватило дыхание, закружилась голова. Но она быстро овладела собой, понимая, что должна, обязана сказать этим людям правду о своем сыне. Маленькая женщина в черном платье и черном платке поклонилась на все стороны, и зал затих. Стало так тихо, что звенело в ушах. «Здравствуйте, люди добрые, дети мои, — начала свою речь баба Параскева. — С материнской просьбой пришла я к вам: защитите, спасите моего сына, отведите руку палачей от его головы. Фашистские газеты пишут, что он поджег в Германии парламент. Не верьте. Неправда это. Мой сын Георгий не может быть поджигателем, преступником. Я говорю это вам как мать. А кто лучше матери знает своих детей? А? Он своим горячим словом может зажечь сердца людей на добрые дела. Он любит вас, люди. Он добрый и хочет счастья всем обездоленным. За это ему фашистский болгарский суд вынес два смертных приговора, а теперь германские фашисты занесли над его головой свой топор. Я уже потеряла трех своих сыновей, погибших в борьбе. И я прошу вас, моих дорогих детей: встаньте на защиту Георгия. Встаньте и скажите свое слово...»

И весь зал поднялся как один человек. «Свободу Димитрову! Долой фашизм... Вива Димитров! Вива достойная мать, всехняя мама...» — гремело в зале.

Баба Параскева низко поклонилась.

И еще не раз выступала она в Париже. В эти ноябрьские дни 1933 года все парижские газеты писали об отважной болгарской крестьянке, матери коммунистов.

Баба Параскева приехала в Берлин, где Георгий Димитров был заключен в Моабитскую тюрьму. Сидел, закованный в тяжелые железные наручники. И по восемнадцати часов в сутки работал, изучая германское право, готовясь к следствию и процессу. Читал Гете, Байрона, Шекспира, совершенствовал свой немецкий язык, чтобы без переводчика слушать, понимать и анализировать ход судебного процесса, парировать обвинения молниеносными репликами.

Димитров готовился к жестокой схватке с врагом и... тосковал по матери. Ему нужен был друг рядом. А мать была самым близким человеком. Незадолго до этого умерла жена Георгия — Люба, верный друг и товарищ, которую он нежно любил и глубоко уважал.

Мать пришла в Моабитскую тюрьму, в комнату свиданий. Надзиратель ввел Георгия. Худой, желтый, поседевший, с запавшими глазами, он обнял мать и долго не выпускал, и она прижалась щекой к его груди и слушала, как бешено колотится его сердце. Она разомкнула его руки, глянула на них и ужаснулась: запястья были покрыты черными струпьями и ранами. «Это от кандалов, — сказал он. — Пять месяцев писал закованными руками. Ничего, ничего, такие раны быстро заживают», — успокаивал он мать. Она целовала эти руки, прижимала к груди и не выронила ни слезинки. «Знаешь, мама, — говорил ей Георгий, — однажды в камере мне приснилось, что ты сидишь рядом и по-

Встреча матери с сыном в Моабитской тюрьме.

ешь колыбельную. Я проснулся и увидел за решеткой окна на ветке дерева птаху. Она заглядывала ко мне в камеру и пела. Звонко, звонко, как ты пела в молодости. И мне безумно захотелось обнять тебя. Я так благодарен тебе, что ты в тяжелый час рядом».

— Вот я и приехала, сынок. И останусь здесь до конца. Пока тебя не освободят. Да-да, должны освободить. Весь честный мир поднялся на твою защиту. Ты мой сын, ты рожден для вольной жизни и счастья.

В сентябре начался знаменитый Лейпцигский процесс над Димитровым и его товарищами. Антикоммунистический процесс — так назвали его гитлеровцы. Это будет суд над фашизмом — так решил Димитров.

Мать пришла на судебное заседание. Георгия привели под конвоем и усадили на скамью подсудимых. Загорелись «юпитеры», защелкали фотокамеры. Георгий, прищурившись, искал глазами мать. А ее усадили в последних рядах. «Юпитеры» слепили ему глаза, но он знал, что мать здесь. Улыбнулся ей и вступил в борьбу.

Три месяца длилось это судилище. Гитлеровцы объявили заседания суда открытыми, не сомневаясь в успехе. Они решили расправиться с Димитровым, обвинить Коммунистическую партию Германии, коммунистические партии всего мира в подрывной, преступной деятельности. Но Димитров превратил этот процесс в суд над фашизмом. Он доказал, что рейхстаг подожгли сами фашисты. Он защитил коммунистическую партию от клеветнических обвинений, он защищал свою любимую Болгарию и ее народ. Назначенный гитлеровцами «защитник» Димитрова пытался через мать повлиять на него: «Ваш сын должен защищать себя, а не нападать на гитлеровское правительство. Это может плохо для него кончиться». «Мой сын умнее меня, он знает, что делает»,— ответила «защитнику» баба Параскева.

16 декабря 1933 года Георгий Димитров произнес свою знаменитую обвинительную речь против фашизма, которую закончил словами:

— Мы, коммунисты, можем сейчас не менее решительно, чем старик Галилео Галилей, сказать: «И все-таки она вертится!!!» Колесо истории вертится, движется вперед... Оно вертится и будет вертеться до окончательной победы коммунизма!

«Твои слова звучали, как набат, сынок»,— сказала потом ему мать.

Димитров победил в этом поединке. Фашизму было нанесено серьезное поражение. Суд вынужден был оправдать Димитрова, но гитлеровцы не собирались выпустить его из тюрьмы. Баба Параскева пошла в министерство внутренних дел с требованием освободить ее сына, которого оправдал суд. Но там ей сказали, что болгарское правительство отказалось принять Димитрова, а «разрешить ему свободно ходить по Берлину мы не можем. Он слишком опасен».

Тогда Димитров попросил мать пойти в Советское посольство.

Она вернулась оттуда, вытирая счастливые слезы. Советское правительство объявило Георгия Димитрова своим сыном, гражданином Союза Советских Социалистических Республик, и потребовало освободить его, чтобы он мог уехать в Москву.

Димитрова привезли в полицейской машине на аэродром и посадили в немецкий самолет. «Матери и сестре не разрешили лететь вместе с ним»,— насмешливо произнес полицейский чиновник. «До встречи в социалистической Германии!» — ответил Димитров.

— Это был самый страшный день в моей жизни,— слышу я голос бабы Параскевы.— Мы опасались, что гитлеровцы убьют его по дороге, что не долетит он до Москвы. Мы с Линой сидели в Советском посольстве. Я видела, что все волнуются, хотя и стараются это скрыть от меня. Каждая минута ожидания отнимала силы. Я думала, что мое бедное сердце не выдержит. И вот к вечеру к нам в комнату вбежал посол: «Георгий Михайлович в Москве! Жив, жив!» Крики «ура» неслись по всем комнатам посольства. Собрался митинг. И вскоре мы с Линой отправились в Москву.

Георгий Михайлович встречал мать на Белорусском вокзале, и сам вынес ее на руках из вагона. Перрон и площадь перед вокзалом были запружены народом.

Вся Москва вышла встречать мать Димитрова. Пришли на вокзал и старые работницы с Трехгорной мануфактуры. Слабые руки бабы Параскевы не могли удержать всех цветов, которые ей подносили люди. Надежда Константиновна Крупская и Алексей Максимович Горький прислали в гостиницу для бабы Параскевы корзины с цветами и поздравительные письма. А потом они встретились лично.

Наступили счастливые месяцы. Мать не расставалась с сыном. Они встречались с московскими рабочими, вместе были на первомайском параде на Красной площади, были в гостях у Надежды Константиновны и Марии Ильиничны, вместе отдыхали на курорте в Абхазии.

А затем баба Параскева с Магдалиной уехали в Болгарию. Георгий Михайлович остался в Москве и стал одним из руководителей Коминтерна. Каждую неделю баба Параскева получала письмо от сына. Но началась вторая мировая война... И вот уже десять лет опять в разлуке...

Баба Параскева закончила письмо.

— Скажите Георгию, что мы слушаем его голос каждую неделю. У нас есть радиоприемник. И каждый раз после его выступления взлетают на воздух казармы гитлеровцев, летят бутылки с зажигательной смесью под гусеницы фашистских танков... Только почему-то мне кажется, что у Георгия в голосе появились последнее время горькие нотки. Уж не случилось ли чего?

— Нет, нет, все благополучно,— отвечаю я и дивлюсь материнскому ясновидению: ведь бабе Параскеве неизвестно, что Георгий Михайлович похоронил своего сына...

— О моих хворостях Георгию не говорите. Скажите, что живу надеждой обнять его на родной земле.

Я вышел из дома бабы Параскевы уже под вечер. Старый болгарин, который привел меня, сидел на крыльце, ждал.

— Спасибо тебе, брат, что не забываете нашу всехнюю маму, нашу мудрую бабу Параскеву. А сыну передайте, что мы оберегаем покой его матери, а вот гитлеровцам покоя не даем...

Я шел по темнеющей улице. Луна освещала белые купы деревьев. Они пахли яблоками, абрикосами, персиками — будущими плодами этой очаровательной земли.

Взволнованный, я думал о том, как схожи судьбы матерей Ленина и Димитрова. Обе были многодетными матерями, обе остались вдовами в пятьдесят лет, и обе пошли дорогой своих детей. Мария Александровна Ульянова также поспешила в Петербург, когда узнала об аресте сына Александра и дочери Анны... Своим присутствием на суде вселяла бодрость и уверенность в Александра и отказалась от оскорбительных предложений царских жандармов повлиять на своего сына, заставить его раскаяться. Но не было тогда такой общественной силы, как коммунистическая партия, не было материка Свободы и Надежды, каким является теперь Советский Союз. И Александр погиб на виселице. Мария Александровна пошла дорогой своих детей, верила в правоту их дела и стала их верным помощником, умным ходатаем. Сын Владимир тосковал по матери в многолетней вынужденной эмиграции, и Мария Александровна в 75 лет поехала на свидание с ним за границу, в Стокгольм, и поняла величие дела, за которое он боролся. Но не дожила нескольких месяцев до победы.

Доживет ли баба Параскева?

И еще я думал о том, что люди, посвятившие себя великой цели, борьбе за счастье народное, бесстрашные и несгибаемые борцы, были преданными и заботливыми сыновьями. Огромная сила воли, целеустремленность в борьбе так счастливо сочеталась в них с нежностью к матерям.

...Баба Параскева не дожила до победы всего несколько месяцев. Она умерла 20 июля 1944 года. А 9 сентября восставший болгарский народ при поддержке Красной Армии свергнул монархо-фашистскую диктатуру в Болгарии.

Когда советские танки пересекли болгарскую границу и вступили на болгарскую землю, под гусеницы танков летели букеты цветов. Братскими объятиями встретил болгарский народ армию-освободительницу. Партизанские отряды примкнули к Красной Армии и вместе очищали землю от фашистских захватчиков.

И в День Победы на могиле бабы Параскевы вырос холм из роз, которые возложили болгарские патриоты и советские воины в знак признательности и глубочайшего почтения великой матери великого сына болгарского народа.

Илья ДАВЫДОВ

Девятое сентября

Туман предрассветный
Цеплялся за склоны,
За лист виноградный,
За грабы и тиссы...
Сжимая оружие,
Шли батальоны
В балканские дали,
В балканские выси.
А жаркое солнце
Сушило туманы,
Усталым солдатам
Дарило улыбку.
И нам открывались,
Как в сказке,
Балканы —
Сверкающий Пирин
И древняя Шипка.
По тем же дорогам,
Где шли наши деды
В далекое братство,
В лихую годину
Несли мы болгарам
Счастье Победы,
На склонах балканских
Врага опрокинув.
А горными тропами
Шли нам навстречу
Полки партизан,
Закаленные битвами
Юнаки,
Не знавшие отдыха в сечах,
Ботева внуки
И дети Димитрова.
И горное солнце
Светило,
Светило,
Играло на лицах,
На танках,
На пушках...
В то утро
Мы поняли
Новую силу
Бессмертного
Теплого слова:
«Брату́шка».

Сентябрь 1945 г.
София

Он выстоял, он победил!

Сорок пять лет назад в Лейпциге начался судебный процесс. Гитлер и его приверженцы, захватившие в 1933 году власть, решили расправиться с Коммунистической партией Германии и организовать судилище над бесстрашным болгарским коммунистом Георгием Димитровым.

27 февраля 1933 года в германском рейхстаге вспыхнул пожар. Радио сообщило, что рейхстаг подожгли коммунисты, что задержан поджигатель Ван дер Люббе и что при обыске у него найден членский билет коммунистической партии. Через несколько дней вместе с двумя болгарами был арестован Георгий Димитров. Их обвиняли в том, что они помогали поджигать рейхстаг.

Девяносто три дня длился процесс. Девяносто три дня фашисты пытались доказать то, чего не было, а Георгий Димитров стойко и мужественно защищал честь коммуниста, честь человека, который всю свою жизнь посвятил борьбе за народное счастье.

Гитлеровские палачи просчитались. Не они судили Димитрова, а Димитров судил фашизм.

Весь мир, все советские люди с волнением и тревогой следили за этим процессом. 19 декабря 1933 года во многих странах прошел Международный день в защиту Георгия Димитрова. Вместе со всеми людьми доброй воли свой голос в защиту отважного коммуниста подняли и советские пионеры. В Лейпциг были отправлены сотни писем ребят с гневным протестом против фашистских палачей.

И Димитров победил: он доказал, что рейхстаг подожгли фашисты. Он еще раз доказал всему миру, что коммунисты борются до конца за справедливое дело.

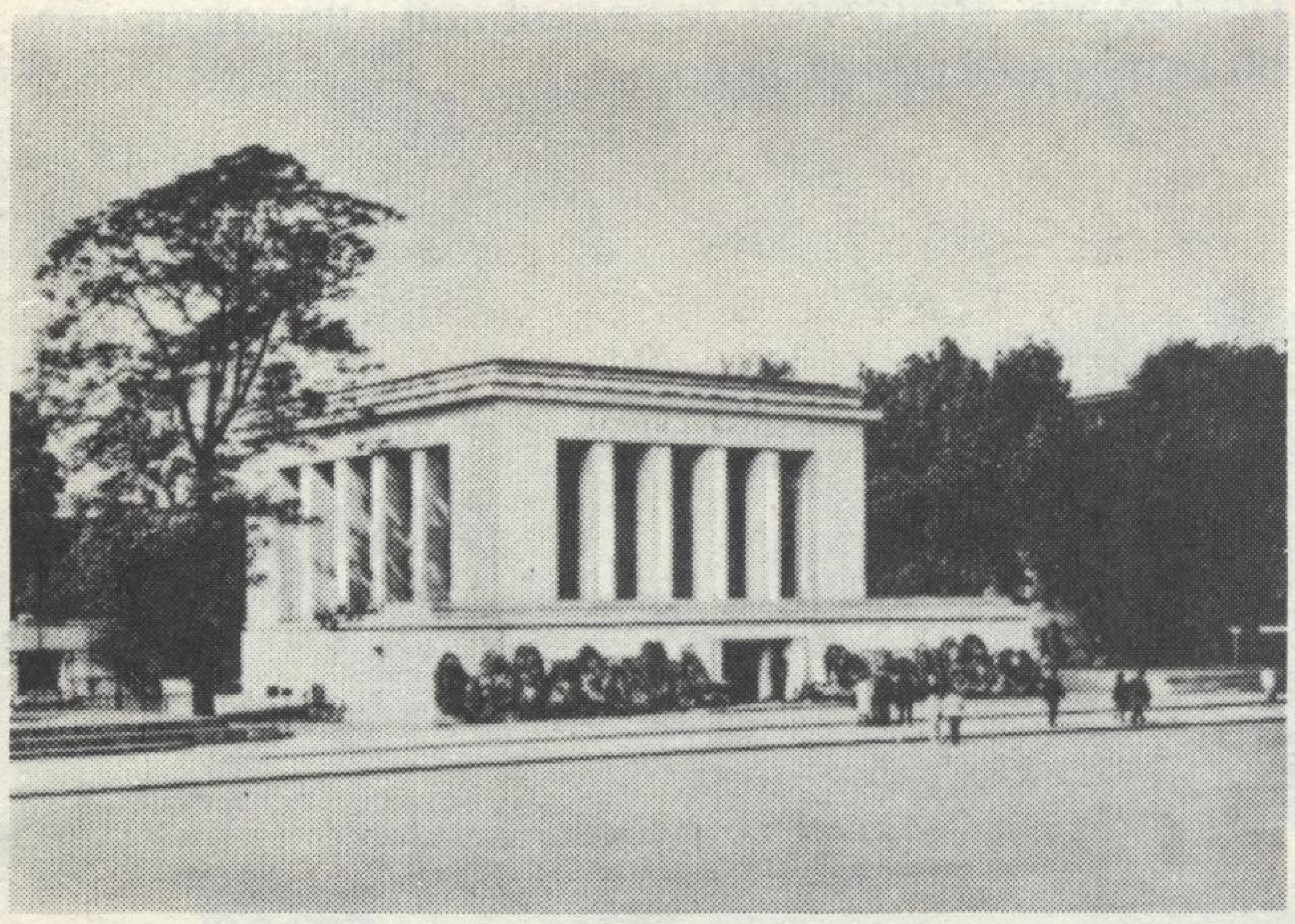
После освобождения Димитров продолжал работу в Коминтерне, а после победы народа Болгарии он все свои силы отдавал строительству новой жизни в своей свободной стране.

Имя Георгия Димитрова носят города и улицы, заводы и фабрики. Самый высокий орден в Болгарии — это орден Георгия Димитрова. Болгарская пионерская организация «Септемврийче» носит имя Георгия Димитрова.

Встреча Георгия Димитрова с сентябрятами 16 мая 1947 года.

Георгий Димитров на скамье подсудимых на Лейпцигском процессе.

На заседании суда Георгий Димитров задает вопросы свидетелям.



Мавзолей Георгия Димитрова в Софии.

В СЕНТЯБРЕ ИСПОЛНЯЕТСЯ 35 ЛЕТ
СО ДНЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ
НОВОРОССИЙСКА

ОГНЕННЫЙ

ГЛАВЫ ИЗ ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ

Двести двадцать пять дней и ночей наши десантники героически удерживали Малую землю — клочок суши под Новороссийском, захваченным фашистами. И каждую ночь выходили к Цемесской бухте наши торпедные катера, чтобы отгонять фашистов от Малой земли...

Весной сорок третьего года, после одного из таких боев, наш ТК-93 — я был его командиром — пришлось отвести на ремонт в Батуми. Там мы и встретили Валерия Лялина, осиротевшего тринадцатилетнего паренька. Он рвался в море и отчаянно просил нас помочь ему стать моряком.

Я вспомнил свое детство: я хорошо знал, что такое жизнь беспризорника, и на флот пришел из детского дома. А Вальке было еще тяжелее — кругом шла война...

И мы взяли Вальку на катер. Думали, пока идет ремонт, приоденем, накормим его, а придет пора уходить в море — отправим в школу юнг или в детдом.

Валька помогал нам ремонтировать катер и хорошо изучил сложное моторное хозяйство. При случае мог заменить моториста.

Мы подружились со славным пареньком. И когда пришло время расстаться, нарушили установленный порядок и оставили его на своей «Девятке».

Во время решающего сражения за Новороссийск наш Валька с честью принял свое боевое крещение. О подвиге нашего юнги в ночь с девятого на десятое сентября 1943 года я и хочу вам рассказать...

Время за полночь. Цемесская бухта погружена в темноту. На море ни огонька, ни искорки. Спит черная полоска берега, спит глубоким сном порт. Или только кажется, что спит? Каждый камень, каждая доска причала таят под собой смертоносный груз — фашисты укрыли там тысячи килограммов взрывчатки и мин. Еще дальше берег опоясали вражеские батареи и огневые точки. Трудно пройти сквозь их кольцо. Но враг сторожит не только берег. Прочные стальные сети на огромных бочках-поплавках преграждают вход в порт.

У входа в Новороссийскую бухту под покровом ночи застыли наши торпедные катера. Среди них и ТК-93 («Девятка»). Через несколько мгновений катерам предстоит прорвать гигантскую стальную паутину. Торпеды, выпущенные с их бортов, проложат путь кораблям десанта.

Время близится к трем часам ночи. Сотни командиров, участников операции, на мостиках кораблей, за штурвалами самолетов, у орудий на берегу следят за секундной стрелкой.

И все вокруг загрохотало, будто обрушились горы и лавина камней ринулась в море. Город и порт вспыхнули, словно гигантский костер. Огромными факелами запылали нефтебаки на Нефтяной пристани. А за городом наши самолеты бомбили вражеские штабы.

И над всем этим морем огня гигантскими люстрами повисли сброшенные нашими самолетами осветительные бомбы.

Внезапно все померкло — порт и Цемесскую бухту заволокло едким дымом и пылью. Страшный взрыв распорол воздух — это сделали свое дело торпедные катера, разметав в стороны стальные сети. Вход в порт был свободен!

Первыми в открытые ворота на полном ходу ворвались торпедные катера, за ними потянулись корабли с десантниками — морские охотники, сейнеры, мотобаркасы, мотоботы.

Не успел опасть гигантский водяной смерч, поднятый в воздух торпедами, прорвавшими заграждение, как «Девятка» легла на новый боевой курс. Нужно было атаковать огневую точку врага, расположенную на молу. Оттуда враг уже начал обстрел наших кораблей, идущих в порт с десантниками.

Вторая торпеда с «Девятки» понеслась в цель, и через несколько секунд в воздух взлетели камни разрушенного мола и дота. Вражеское орудие замолчало.

Катер отошел в сторону и застопорил ход. Пользуясь минутной передышкой, команда стала выглядывать из люков.

А. ЧЕРЦОВ,
Герой Советского Союза

РЕЙС

ПОВЕСТИ

Бой ушел вперед. Он полыхал в порту, на причалах, на улицах.

Опомнившись от неожиданного удара, враг начал обстреливать из дальнобойных батарей всю Цемесскую бухту вплоть до Кабардинки, куда направилась «Девятка». Она должна была забрать новое пополнение десантников.

ТК-93 ошвартовался там бок о бок с «морским охотником». Началась погрузка ящиков с минами и снарядами. Моторист Кузнецов и боцман занялись размещением десантников. Через несколько минут, зарываясь носом в воду, перегруженная «Девятка» тяжело отвалила от причала.

Механик выжимал из моторов все. Катер несся полным ходом. Навстречу все чаще и чаще попадались суда, возвращавшиеся из Новороссийска.

«Первый эшелон десантников уже в городе, второй грузится на корабли. Выходит, мы сейчас одни будем прорываться в порт. Горяченько придется»,— успел подумать командир, прежде чем на катер обрушилась водяная стена и он резко накренился набок.

Десантники, уцепившись за поручни, едва удержались на палубе.

Море вокруг катера закипело. По обшивке застучал град пуль и осколков. Умолк выведенный из строя пулемет. Заглох левый мотор. Из машинного отсека в рубку поползла серая змейка дыма. Среди десантников появились первые раненые и убитые. Тяжело ранило и боцмана.

Катер приходилось вести почти вслепую — порт был закрыт фонтанами воды от рвущихся снарядов и мин.

Но вот огневая завеса осталась позади.

«Кажется, прорвались, — с облегчением подумал командир. — Теперь только бы проскочить мимо западного мола!»

Но тут заговорили автоматические пушки со стороны элеватора. Пришлось застопорить ход. Снаряд ударился в стенку мола. «Девятка» резко рванулась с места.

Командир прислушался — работал только один мотор, работал глухо, с перебоями, как бы задыхаясь от быстрого бега. Прошло несколько минут. Все тише и тише слышался перестук, и вскоре мотор совсем заглох.

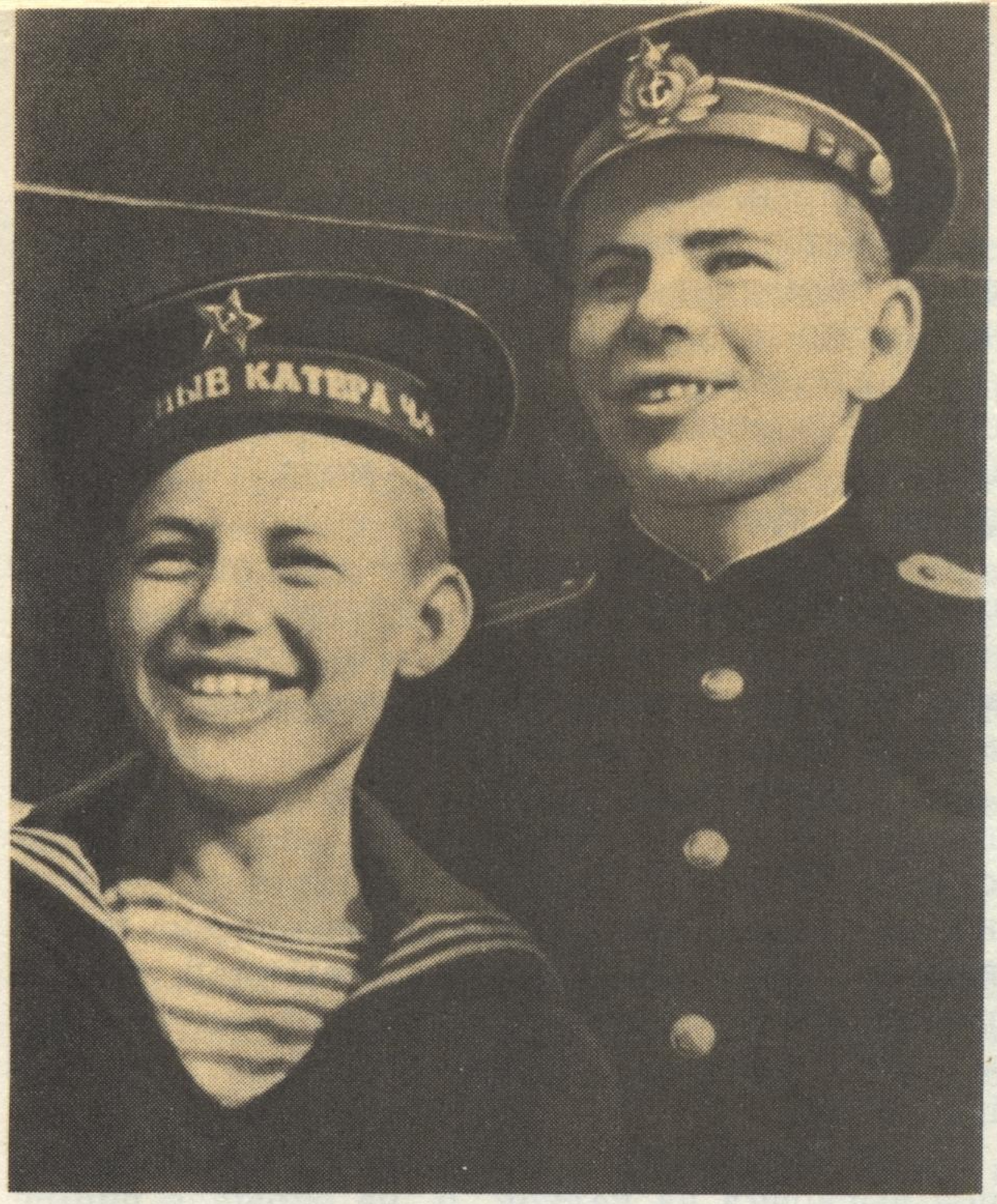
В наступившей тишине командир слышал тревожный стук собственного сердца. Вдруг страшный удар сбил его с ног. Падая на дно рубки, он увидел, что из бензинового отсека вырываются узкие языки пламени. «Пожар. Сейчас рванет!» — обожгла его страшная мысль. Командир поднялся, превозмогая боль, встал к штурвалу.

Внизу уже кипела работа. Моторист Кузнецов выскочил на палубу и, не обращая внимания на свистевшие вокруг осколки и пули, стал затыкать ветошью пробоины, чтобы прекратить доступ воздуха в горящий отсек.

Катер снова шел под одним мотором. Теперь молчал правый.

Со стороны западного мола по «Девятке» бил крупнокалиберный пулемет. Пулемет «Девятки» молчал. И вдруг командир увидел у пулемета электрика Сашу Петрунина, который, устранив повреждение, разворачивал пулемет в сторону вражеского. Две огненные струи скрестились у борта «Девятки» и тут же оборвались: вражеский пулемет, подавленный очередью Петрунина, умолк. И сам Петрунин, тяжело раненный, упал на дно рубки.

«Кажется, угроза взрыва миновала! Молодцы мотористы! Как они там не задохнулись от дыма? — подумал командир, выводя катер на прежний курс — к Каботажной пристани. — А



Юнга и его командир — Валерий Лялин и лейтенант Андрей Черцов. Снимок 1943 года.

кто же сейчас в машинном? Мотористы на пожаре, механик ранен...»

В этот момент из люка показался юнга с лицом, покрытым копотью и кровью.

— Товарищ командир, повреждение в правом моторе устранено, разрешите заводить? — доложил юнга.

«Ах ты салажонок! — с нежностью подумал командир. — Исправил мотор. Один!» И дал команду:

— Заводить мотор.

Валька скрылся в люке. Вскоре правый мотор заработал. Катер набирал скорость.

Когда мотористы бросились тушить пожар, Валька остался один в машинном отделении.

Он занял место командира отделения и, подражая ему, внимательно взглянул на щиток с контрольными приборами. Стрелка прибора, показывающая обороты левого мотора, дрожала у цифры «1100». Взглянув на тахометр правого мотора, Валька похолодел: стрелка замерла на нуле. Он понимал, что это значит: правый мотор не работает. Что случилось?

Юнга осмотрел мотор. Ясно: пробит маслопровод. Масло было обжигающе горячим. «Голыми руками ничего не сделаешь, и края у трубки вон какие острые», — соображал Валька. Он снял рубаху, замотал ею маслопровод, сверху наложил резину и туго затянул проволокой.

Повреждение было устранено, и Валька побежал наверх докладывать командиру.

Когда он вернулся, стрелка тахометра правого мотора дрожала у цифры «1200». Валька сел на прежнее место, поглядывая на приборы.

Из люка показался Кузнецов. Он внес на руках Петрунина и положил его на пол.

— Следи за мотором, а я к командиру! — крикнул он Вальке.

Петрунин пытался достать из кармана перевязочный пакет.

— Помочь? — Валька с ужасом глядел на окровавленные Сашины ноги.

— Я сам, а ты смотри за приборами. До берега всего ничего осталось...

Тут катер сильно тряхнуло, осколки, как шмели, прогудели в отсеке.

— Коллектор загорелся! — закричал Петрунин. — Накрывай брезентом!

Дрожащими руками Валька схватил чехол и стал сбивать язычки пламени с правого мотора.

В пробоину с силой била вода. Петрунин взялся забивать отверстие, а Вальку отослал к приборам.

Открылся люк бензинового отсека, и ввалился черный от копоти, обгоревший Шаманский, командир отделения мотористов.

Валька, едва сдерживая слезы, вцепился в рычаг, переключающий скорости, и следил за стрелками.

Лежащий в луже крови Саша Петрунин, мечущийся от мотора к мотору обгоревший Шаманский, языки пламени на стенках отсеков, зловещее бульканье воды в пробоинах, вой и грохот снарядов над головой... Было страшно, но мальчишка крепился изо всех сил.

До места высадки оставалось не больше тридцати метров. Катер, искусно лавируя, преодолевал последние метры.

У самого носа «Девятки» разорвалась мина. Оба мотора заглохли сразу. Катер уже по инерции ткнулся носом в разрушенный причал.

Десантники бросились на берег, с ходу вступая в рукопашный бой с фашистами, прижимавшими наших бойцов к воде.

Задание, поставленное перед экипажем «Девятки», было выполнено. Теперь предстоял обратный путь.

Но не успел катер выйти на середину бухты, как прямым попаданием был разбит — теперь уже окончательно — левый мотор. В пробоину хлынула вода.

Все, кто мог передвигаться, бросились в машинный отсек, пытаясь заделать пробоину. У штурвала стоял тяжело раненный командир.

«Только бы дотянуть до мола — тогда каменная стена прикроет», — думал командир.

Но враг, видимо, задался целью утопить дерзкое суденышко. Всю силу своего огня он перенес на катер. Вода кипела от разрывов мин и снарядов. Разорвавшийся под носом снаряд разворотил скулу катера. Вода с шумом заполняла таранный отсек. Катер зарылся носом в воду и почти совсем потерял ход.

Командир временами терял сознание, и тогда из красного тумана, застилавшего глаза, выплывало строгое лицо контрадмирала, слышался его голос: «Мальчика с собой не брать ни в коем случае».

Командир приходил в себя и напряженно думал: «Вывести катер из порта, спасти жизнь личному составу и Вальке! Где он сейчас, Валька?»

А в это время Шаманский и Валька укрывали уцелевший мотор пробковыми поясами, бушлатами, чехлами. Кузнецов, упершись ногами в переднюю часть мотора, спиной удерживал переборку между таранным и машинным отсеками, прогнувшуюся от напора воды.

В это время с катером снова что-то произошло. Он резко накренился на левый борт, и вода хлынула в отсек с новой силой.

— Узнай, что там наверху? — крикнул Вальке Шаманский.

Выбравшись наверх, Валька увидел, что у штурвала никого нет. Катером никто не управлял. Командир неподвижно лежал на дне рубки.

Юнга кинулся к штурвалу и, напрягая все силы, выровнял катер на заданный курс. Прижав штурвал тяжелым ящиком с боцманскими инструментами, Валька бросился к командиру. Как мог перевязал его и снова стал к штурвалу, выравнивая кружившийся на месте катер.

Враг, видя, что «Девятка» хотя и медленно, но уходит из порта, перенес на нее огонь дальнобойных батарей.

А в командирском люке, вцепившись обеими руками в штурвал, стоял тринадцатилетний юнга, удерживая катер на курсе.

Уже был ясно виден маяк на обрывистом берегу мыса Дооб.

«Держать к мысу Дооб» — таков был последний приказ командира, и Валька старался выполнить его.

Израненный катер, медленно идущий посреди Цемесской бухты, привлек внимание нашего командного пункта. От берега к «Девятке» спешили два торпедных катера. Они прикрыли катер дымовой завесой и легли на параллельный курс, запрашивая, нужна ли помощь. Валька кричал что-то в ответ, но за шумом моторов его не слышали.

Радист Полич выскочил наверх, сигналами объясняя, что стопорить мотор для переброски людей на другой катер нельзя: при остановке уровень воды в машинном отсеке поднимется и мотор заглохнет окончательно.

На базу была послана радиограмма: «ТК-93 в тяжелом положении. Весь экипаж ранен. Катер продолжает идти своим ходом».

Между тем вода в трюмах угрожающе поднималась. Выбившись из сил, люди уже не справлялись с ней. Отяжелевший таранный отсек все больше зарывался во встречную волну.

Шаманский, высунувшись из машинного люка, закричал Вальке:

— Давай к берегу, моторный заливает!

Волна накрыла катер. На мгновение Вальке показалось, что они идут ко дну. Он упал на дно рубки и с отчаянием крикнул:

— Товарищ командир, тонем!

Командир очнулся и увидел искаженное от ужаса лицо мальчика. Приподняв голову, он глянул в иллюминатор и увидел, что волна уже захлестывает палубу — катер в любую минуту может уйти под воду. По левому борту над судном навис высокий, обрывистый берег мыса Дооб.

— Выбрасывайся на камни, — прошептал командир.

И Валька повернул катер к берегу. Под днищем раздался треск. Сильный удар потряс катер. Посыпались осколки разбитых стекол. Валька, не удержавшись на ящике, слетел вниз. Мотор заглох.

Из машинного отсека на палубу выскочили мотористы и Полич. У всех была одна мысль: «Что будет с «Девяткой»? Потонет или останется на плаву, сидя носом на камнях?»

Заглянув в таранный отсек, Шаманский увидел камни, как огромные серые клыки, торчащие из днища.

— Сел плотно, не потонет.

Валька тоже выскочил на палубу. Его оглушила тишина. Было так тихо, что слышался плеск волн и щебетание птиц наверху у маяка.

К «Девятке» уже шли резиновые шлюпки. Из машинного отделения вынесли раненого Сашу Петрунина, из рубки вытащили командира, механика и боцмана.

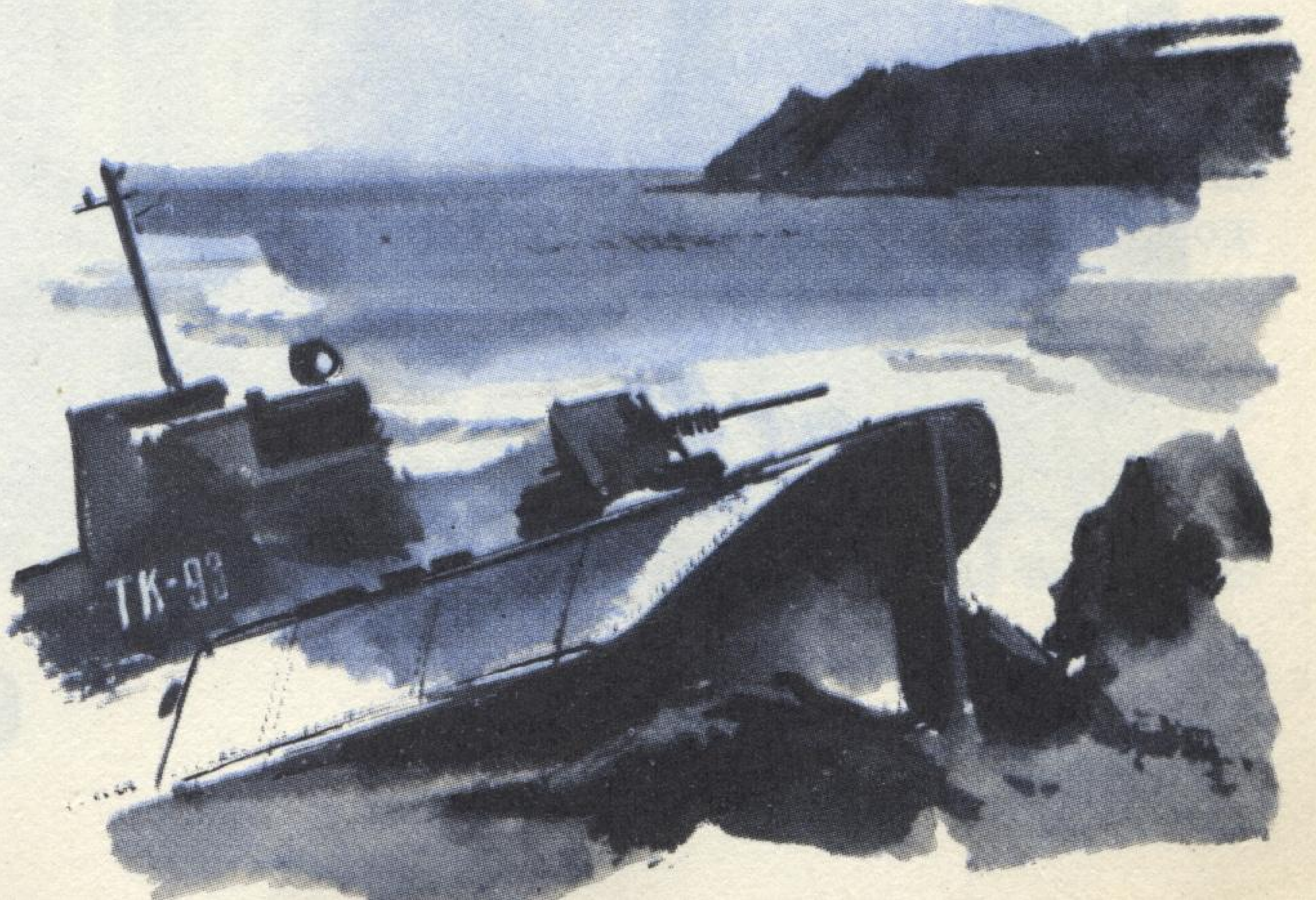
На судне остались те, кто мог дождаться аварийно-спасательного катера. «Спасатель» снял «Девятку» с камней и отбуксировал в Геленджик.

И когда покрытый пластырями катер вводили в бухту, у штурвала под боевым военно-морским флагом стоял тринадцатилетний капитан.

На другой день Валька вместе с комбригом приехал в госпиталь навестить раненых товарищей. Он передал командиру сверток, в котором был израненный осколками и пулями боевой флаг катера — флаг, под которым они прорывались в Новороссийск (сейчас он хранится в Центральном музее Вооруженных Сил СССР).

Валька надеялся, что скоро они вместе с командиром поднимут этот боевой флаг на своей «Девятке». Но катер поставили на ремонт, раненых перевезли в другие госпитали, а Вальку направили на учебу в Тбилисское Нахимовское училище. В подтянутом подростке с боевыми наградами на груди трудно было узнать босого мальчишку, которого моряки приютили на своей «Девятке»...

После войны Валька окончил морское училище в Калининграде. Работал в Ленинградском порту.



А. АМПЕЛОНОВ

НОВОСЕЛЬЕ

ПОВЕСТЬ

Окончание. Начало в № 7.

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА

Утром пришел Акила.

— Ты, правда, вчера ребятам машину показывал?..— спросил он, едва переступив порог. В голосе его звучала обида.

— Они сами подошли, когда отец двигатель смотрел.

— А мне покажешь?

— Пошли!

Антон побежал в большую комнату, где в ящике серванта у отца лежали запасные ключи от машины.

— А куда ты вчера ушел?— спросил Акила на лестнице.— Я тебя на пляже искал...

Антон помрачнел. Он вспомнил вчерашнее утро, мопед и сумку... А вспоминать об этом не хотелось...

Во дворе не было ни души. Антон открыл ключом кабину, уселся за руль и, отворив вторую дверцу, позвал Акилу:

— Садись!

— А тебе от отца не попадет?

— Не бойся.

Акила нерешительно опустился на сиденье.

— А ты умеешь водить?

— Немного. Только сцепление у меня плохо получается. Его нужно плавно отпускать и одновременно нажимать на газ.— Антон показал, где находится сцепление, тормоз и газ...

— А рулить трудно?— загорелся Акила.

— Да нет. Я с одного раза научился. Хочешь попробовать?

Ребята поменялись местами. Акила неуверен-

но повернул руль влево, но баранка вырвалась у него из рук.

— Не крутится! — огорченно вымолвил Акила.

— Все нормально! На месте крутить трудно.

— А как заводить? — спросил Акила, когда Антон снова сел за руль.

— Очень просто! — Антон вставил ключ в замок зажигания. Ласково, чуть слышно загудел мотор. Стрелки приборов зашевелились.

— Работает! — радостно воскликнул Акила.

— Давай немного проедем!

Антон промолчал. Делать это ему строго-настрого запрещалось, да и трогался с места он всего один раз, и то, когда рядом сидел отец...

— Чуть-чуть проедем, — упрашивал Акила.

С замирающим сердцем Антон выжал сцепление и, поставив рычаг на первую передачу, стал медленно отпускать педаль, одновременно прибавляя газ. Машина чуть сдвинулась с места и вдруг, рванувшись вперед, замерла на месте: мотор заглох.

— Что, сломалось? — побледнев, воскликнул Акила.

— Нет, просто заглохла. Я сцепление резко отпустил.

Они вылезли из кабины. Машина сдвинулась примерно на метр.

— Надо ее немного повернуть, а то отец заметит, — сказал Антон.

— Снова будем заводить? — испугался Акила.

— Нет, мы ее на нейтралку поставим и толкнем. — Поменяв передачу, Антон уперся руками в бампер.

— А, старые знакомые! — раздался строгий мужской голос. — Экскаватор обобрали, теперь машинами занялись.

Антон поднял голову и узнал экскаваторщика.

— Это их собственная, — насупившись, объяснил Акила.

— Тогда прошу прощения, — развел руками экскаваторщик. — А я вот по вашей милости второй день без дела загораю.

— Почему? — спросил Антон.

— Свеча полетела. В сумке у меня целых две запасных было — и обе испарились вместе с инструментами. Валяются теперь где-нибудь в луже...

— А мы откуда знаем? — Акила пожал плечами.

Экскаваторщик махнул рукой и пошел прочь.

— Запчасти тоже у Витьки? — упавшим голосом спросил Антон.

— Свечей у него нет, — вздохнул Акила. — Он себе только ключи взял, а остальное выбросил.

— Куда?

— Не знаю. Где-то на стройке бросил.

*

В полдень у подъезда остановился грузовик. Из кабинки вышли мама и бабушка. Началась разгрузка. Отец с шофером спустили на землю пылесос, тазы, ведра, разную мелочь. Антон побежал наверх, открыл настежь дверь квартиры. Первым рейсом приехали мама с бабушкой.

— Ну и грязь! — покачала головой мама, входя в квартиру.

— Где грязь? — обиделся Антон. — Я утром всю квартиру подметал.

— А сам-то ты в чем ходишь? — ахнула мама.

— В тренировочном, — сказал Антон.

— А где черные брюки?

— Они... они немного разорвались.

— Закончим разгрузку — дай бабушке починить и сразу же переоденься, — приказала мама.

Настроение у Антона упало. Когда, когда же этот противный Рюха вернет ему ремень?..

— Бабуль, на минутку! — Антон позвал бабушку в свою комнату.

— Не волнуйся, управимся с вещами, зачиню, — сказала бабушка.

— Я не про то, — стараясь говорить как можно тише, объяснил Антон.

— Ну что тут у тебя стряслось?

— Ты только никому не говори.

— Никому, никому.

— Брюки у меня целы, чинить не надо... просто, понимаешь, без ремня они сваливаются...

— Так ты ремень надень!

— У меня его отобрали.

— Как это отобрали? Кто?

— Парень тут один, Рюха.

— Рюха! Имя-то какое нехорошее, — покачала головой бабушка.

— Ба, ты только не волнуйся. Он мне скоро отдаст. Ты только с брюками потяни.

— Ну хорошо, хорошо... — успокоила его бабушка.

*

Утром, когда все еще спали, в прихожей прозвенел звонок. Антон выскочил в коридор, но мама уже захлопнула дверь.

— Ма, кто это?

— Откуда я знаю? Открыла дверь, смотрю — никого нет.

Антон поплелся обратно в комнату. Кто же это мог быть? Акила никогда не пришел бы в такую рань!

Позавтракав, мама с бабушкой ушли в магазин. Антон вышел на лестницу, чтобы выбросить мусор, и вдруг услышал за спиной шорох! На ступеньках сидели Рюха и Витек.

— Привет! — воскликнул Витек, вскакивая на ноги. — Мы тебя ждем...

— Чего надо? — сухо спросил Антон.

— Я ремень принес. — Рюха вытащил руку из-за спины.

Антон шагнул ему навстречу, но Рюха держал в руке светлый, совершенно новый ремень с большой блестящей бляхой.

— А где мой? — спросил Антон.

— Я ремень принес.— Рюха вытащил руку из-за спины.

— Этот же лучше. Такой бляхи здесь ни у кого нет!

— Чужой я не возьму! — твердо сказал Антон и подумал: «Наверно, тоже отобрал у кого-нибудь».

— Как хочешь! — развел руками Рюха и спрятал ремень в карман. Он искренне не понимал, почему Антон отказывается от такого шикарного ремня.

— Где его ремень? — спросил Витек.

— Я же тебе говорил!

— А ты поменяй обратно!

— Попробую, — пообещал Рюха, — если тот парень согласится.

Антон взял ведро и пошел обратно в квартиру.

Ты что, вчера Акилу на машине катал? — остановил его Витек.

Внизу кто-то чихнул. Антон глянул в пролет лестницы и обнаружил Акилу. Он стоял, прижавшись к стене, и виновато улыбался.

— А нас покатаешь? — попросил Рюха.

Всю жизнь мечтал!

— А меня? — Витек сделал шаг вперед.

Тебя можно, — подумав, согласился Антон. — Но при одном условии.

— Идет, — согласился Витек. Он решил, что условие будет несложным.

— Верни запчасти и инструменты от экскаватора...

— Издеваешься?! — изумленно спросил Витек.

Пошли отсюда! — Рюха потянул Витька за руку. Мальчишки с воем и гиканьем помчались вниз по лестнице.

Антон, прикусив от досады губу, вернулся в квартиру. Ну почему, почему Витек подчиняется какому-то Рюхе? Ведь он же добрый и справедливый, а при Рюхе начинает выставляться, валять дурака. Эх, не надо было говорить про запчасти при Рюхе!

На площадке остановился лифт.

— Это не к тебе ребята приходили? — войдя в квартиру, спросила мама. — Чуть с ног нас не сбили.

Антон промолчал.

А масло-то мы не взяли! — выложив покупки на стол, спохватилась мама.

Тоша, сбегай, голубчик, — попросила бабушка.

— И батон заодно купи, — добавила мама. Антон взял рубль, спустился во двор, у подъезда наткнулся на Акилу.

Я к тебе...

— А где ребята? — спросил Антон.

— Я от них отвязался. Они на стройку пошли.

— А почему сразу не остался?

— Сразу не мог, — помрачнев, пояснил Акила. — Они вчера меня чуть не побили. Рюха выдумал, что это я тебе про инструменты сказал...

Антон насупился. Значит, Акила собирается дружить с ним тайком от ребят?

До самого магазина они шли молча. Акила

чувствовал, что Антон на него обиделся, но почему, не понимал.

— Ты на меня из-за машины злишься? — спросил он робко.

— Зачем ты их привел? — спросил Антон.

— Я Витька звал, а Рюха привязался. Он Витька против тебя настраивает...

Во дворе возле «Жигулей» крутились Рюха с Витьком.

Антон прибавил шаг. По дороге в магазин машины он не заметил и теперь не знал: то ли отец вернулся, то ли уехал на работу на автобусе.

Акила отстал. Он решил спрятаться за трансформаторной будкой, чтобы не появляться во дворе вместе с Антоном.

Рюха, заметив Антона, тотчас вскочил на правое крыло «Жигулей».

— Эй, ты куда! — закричал Антон.

— Рюха, слезай, ты что, чокнулся! — Акила, позабыв про конспирацию, бросился следом за Антоном.

Подбежав к машине, Антон изо всех сил рванул Рюху за ногу.

— Ты что, псих? — оказавшись на земле, прошипел Рюха и, вскочив на ноги, замахнулся на Антона, но Акила стремительно нырнул в щель между противниками.

— Кончайте!

— Акила, третий лишний, пусть стыкнутся, — поморщился Витек.

Антон нагнулся, чтобы поднять с асфальта сетку, которую он выронил. Масло почти не пострадало, но, прыгая с машины, Рюха батон раздавил ногой.

— Что, может, пройдемся? — тяжело дыша, предложил Рюха.

— Пройдемся, — кивнул Антон.

— Антон! Антон! — откуда-то из поднебесья, а вернее, с балкона прилетел требовательный клич.

— Сейчас! — крикнул Антон и направился к подъезду.

— Что, испугался? — зло усмехнулся Рюха.

— Он придет! Не бойся, — твердо сказал Акила.

Антон, не оборачиваясь, пошел в подъезд, бросил мятый батон в бачок с надписью «пищевые отходы» и, не дожидаясь лифта, побежал вверх по лестнице.

Мама встретила его на площадке.

— Что им от тебя надо? Почему они к тебе пристают?

— Никто не пристает, — стараясь говорить как можно спокойнее, объяснил Антон. — Я просто сказал им, чтоб машину не трогали.

— Тоша! Он же на тебя кулаком замахнулся. Я же видела, — настаивала бабушка.

— Ну и пусть замахивается, я его не боюсь, — сказал Антон и, положив масло в холодильник, снова направился к двери.

— Никуда я тебя больше не пущу, — преградив ему дорогу, сказала мать.

— Я ж хлеб забыл купить! — взмолился Антон.

— Что за шум? — Из комнаты вышел отец.

— Какие-то мальчишки во дворе к Тоше пристали.

— Мальчишки?

— Это Рюха, который, помнишь, не знал, где карбюратор. Он на машину с ногами залез.

— На машину?.. — Отец взялся за дверную ручку.

— Па! Не надо, я сам... они больше не полезут...

— Один ты никуда не пойдешь! Они тебя изобьют, — твердо сказала мама.

— Кто? Рюха? Он же слабак. Я его ничуть не боюсь! — закричал Антон.

— Пусть идет, — вдруг тихо сказал отец.

— Как это идет? — ахнула мама.

Конца разговора Антон не услышал. Выскочив на улицу, он остановился. Рюха и Витек сидели на скамейке под козырьком. Рюха заметно обмяк. Стыкнуться он предложил Антону сгоряча, рассчитывая, что тот не согласится. Новичок Рюхе страшно не нравился. Его злило, что за каких-то три дня Антон уже успел подружиться с ребятами. А что будет, если поединок вдруг закончится в его пользу?

— Как будете драться? — спросил Витек. — Бокс или борьба?

— Борьба, — выбрал Антон.

— Бокс, — заявил Рюха.

— Кинем жребий! — разрешил спор Витек.

— Я брошу. Если «орел», то борьба, — мигом нашелся Акила. В руке у него блестел двугривенный...

— А почему ты?..

— Я первый сказал, — стоял на своем Акила. Он знал: если монету будет бросать Витек, то он обязательно словчит и выйдет решка.

Монета легла гербом вверх.

— Ура! Орел! — радостно закричал Акила.

— Пошли! — сказал Витек и двинулся по дорожке к трансформаторной будке. Рюха поплелся следом за ним.

Антон шел, небрежно помахивая сеткой, на расстоянии от ребят, чтобы мама и бабушка, наверняка наблюдавшие за ним из окна, не догадались, что он направляется совсем не в ту сторону, где находится магазин.

За трансформаторной будкой Витек остановился и жестом пригласил соперников «на ковер».

— Ты что, здесь же из окон все видно, — запротестовал Акила.

— Тогда пошли в детсадик, — предложил Витек.

Дуэлянты перелезли через невысокий бетонный забор. Детский сад закрылся на лето. Зеленые шторы на окнах были задвинуты, на дверях большой замок. На площадке для игр рядом с песочницей лежала куча свежего желтого песка.

Акила принялся разгребать ногами песок, чтобы «ковер» был пошире...

— Начинайте! — приказал Витек.

Рюха не спешил, он уселся на скамейку и стал тщательно перешнуровывать кеды.

Антон терпеливо ждал.

Наконец Витек взмахнул рукой, и противники, обменявшись вместо рукопожатия холодными жесткими взглядами, стали сходиться...

Антон видел перед собой бесцветные, злые, как у сиамской кошки, Рюхины глаза. Рюха приближался к нему на полусогнутых, в борцовской стойке.

— Борьба! — скомандовал Витек. Ему страшно нравилась роль рефери.

Рюха стремительно рванулся вперед и, выбросив вперед ногу, стукнул Антона по коленке. Тот, побледнев от боли, запрыгал на одной ноге...

— Ты что, психованный! — Акила оттащил Рюху в сторону.

— Все по правилам! — оправдывался Рюха. — Это подсечка...

Витек помалкивал.

Крепко сжав зубы от боли, Антон вернулся в круг. Схватка возобновилась. Теперь Рюха вел себя иначе: он топтался на месте, выжидая, когда противник перейдет в наступление.

Антон приноравливался к Рюхе. Ему удалось даже сделать замок на тонкой куриной шее Рюхи. Он собирался провести подсечку, но в последний момент Рюха увернулся и, отбежав на два шага, снова стал в низкую стойку.

Рюха ушел в оборону. Почуяв, что Антон кое-что понимает в борьбе, он прилагал все усилия к тому, чтобы не попасться на прием.

Антон упорно наступал. Приемов никаких он, конечно, не знал. Просто однажды летом в деревне у бабушки отдыхал тренер по самбо. Он учил бороться деревенских ребят, и они тренировались, отрабатывали приемы, а Антон наблюдал за ними.

Рюха вилял, пятился назад, перебегая в центр пятачка, и все начиналось сначала. Наконец Антон изловчился и, нырнув противнику в ноги, резким рывком оторвал их от земли. Рюха рухнул на песок. Антон навалился на него всем телом. Рюха брыкался из последних сил, молотил кулаками Антона по спине, сдаваться он не хотел, ох, как не хотел...

— Все! Все, на лопатках! — присев на корточки, радостно крикнул Акила.

— Еще нет, — пыхтел Рюха, пытаясь сделать мостик и перекатиться на бок, Антон снова придавил его к земле.

— Все, Рюха, ты проиграл, — сказал Витек.

Антон отпустил Рюху и отошел в сторону. Радости он никакой не чувствовал, только отвращение и злость.

Рюха, жалкий, взъерошенный, вытряхивал из волос песок и оправдывался перед приятелями.

— Если бы я вчера руку не вывихнул...

— Ладно, продул и не квакай, — оборвал его Акила, сияя так, будто он сам был победителем.

— Ты борьбой занимался, что ли? — спросил Витек, присаживаясь на скамейку рядом с Акилой и Антоном.

— Немного, — сухо ответил Антон.

— А меня поборешь? — поинтересовался Витек.

Антон промолчал.

— У него поджилки трясутся, — съязвил Рюха. Поднявшись с земли, он, прихрамывая, подошел к скамейке.

— Ну что, лады? Поборемся? — взглянув на Антона, переспросил Витек.

— Сперва скажи, куда ты сумку с запчастями дел?

— Куда надо, — огрызнулся Рюха. — Ты что, следователь?

— А тебе она зачем? — спросил Витек.

Антон молчал. Ничего объяснять ему не хотелось.

— Там запчасти, Экскаватор без свечей уже два дня стоит, — взглянув на Антона, пояснил Акила.

— Сумка в подвале, можете взять, — сказал Витек.

— Пошли вместе, когда строители уйдут, — загорелся Акила.

— А больше ты ничего не хочешь? — как всегда, поспешил сказать свое слово Рюха. — Сами попали в милицию, а теперь хотите, чтобы Витька загребли...

Антон встал со скамьи.

— Погоди! Я с тобой! — крикнул Акила и, оставив приятелей, побежал за Антоном.

*

Строители кончали работу в пять. Солнце медленно опускалось за дом-башню, которая вырастала у магазина. Когда Антон переехал, тут было шесть этажей, а теперь строители монтировали восьмой.

Стройка затихала. Перестал тарахтеть бульдозер, подтянув в небо крюк, замер подъемный кран. Экскаватор стоял посреди стройплощадки, бессильно уронив стрелку на ковш. Рядом чернела незаконченная траншея.

Антон и Акила сидели на крыше сарая — длинного-предлинного, — на этом участке он заменял строителям забор. Торцом к нему стоял одноэтажный магазин. Слева виднелись вагончики. Двери их беспрерывно открывались и закрывались. Переодевшись, строители спешили к автобусной остановке.

— Уже без пяти, — взглянув на часы, сказал Антон.

— Сейчас полезем. — Акила вздохнул. Внутрь магазина он лазил с ребятами всего один раз и теперь мучительно пытался вспомнить, с какой стороны вход.

— А где искать будем, в подвале? — забеспокоился Антон.

— Может, я лучше за Витьком сбегаю? — предложил Акила.

— Ну его, — махнул рукой Антон. — Что мы, сами не справимся?

— Тсс! — вдруг шепнул Акила.

Вдоль забора шел сторож.

Антон прижался к крыше. Сторож обогнул магазин и скрылся в вагончике.

Скользнув по скату крыши, мальчишки спрыгнули на кучу песка и, вскочив на ноги, прислушались. Под ногами журчала вода. Из ржавой трубы, проведенной к вагончикам, бил крохотный, едва заметный фонтанчик.

Акила, крадучись, приблизился к бетономешалке, взбежал на крыльцо и, рванув на себя ручку, нахмурился: дверь оказалась запертой.

— Полезли сюда.— Антон показал на узкую щель в стене в метре от земли.

Антон подставил коленку, и Акила, вскочив на нее, ухватился за железный штырь, скользнул в щель и подал руку Антону.

Из маленькой комнатки, в которой они оказались, виднелся залитый солнечным светом торговый зал. Отделка здесь только началась, под ногами вместо пола лежал песок, всюду валялись доски, обломки кирпичей...

Из зала они попали в коридор, где чернела уходящая в подвал шахта лифта. Справа и слева шли комнаты. Почти в каждой из них можно было легко обнаружить следы пребывания строителей: то корыто с остатками раствора, то лопату или лом.

— А подвал где?—спросил Антон.

— Тут где-то лестница.— прошептал Акила, почему-то озираясь.

Они несколько раз прошли по коридору туда и обратно, но лестница как сквозь землю провалилась.

Они снова вернулись в торговый зал. Антон понял, что Акила позабыл дорогу, и решил искать ее сам. В дальнем углу баллоны с газом, а дальше... Подбежав ближе, Антон замер: в тупичке за баллонами виднелись перила. Они исчезали в темноте. Затаив дыхание, Антон нащупал ногой ступеньку.

— Что, лестница?—спросил Акила.

Держась за перила, Антон шагнул ниже.

— Ты что-нибудь видишь?—испуганно спросил Акила, шаря рукой в темноте. Голос его звенел, как в пещере.

— Держись за меня,—приказал Антон, продолжая спускаться вниз.

Когда лестница кончилась, Антон сделал два шага вперед и наткнулся на стену. Справа, где-то далеко-далеко, брезжил свет. Чуть пообвыкнув, глаза разглядели длинный, как железнодорожный туннель, коридор.

Акила потащил Антона в конец коридора.

— Пошли скорее! Мы с Витьком в тот раз здесь были.— Акила привел Антона в огромную мрачную комнату. С потолка через дырки, оставленные строителями для труб, сочился дневной свет.

Акила шагнул вперед и тут же, наткнувшись на большую лужу, попятился.

— Давай я босиком пройду,— сказал Антон.

— Ты что, а вдруг на дне стекла,—остановил его Акила.—Давай лучше мост построим.

Он принялся строить мост. Антон подносил кирпичи, а Акила бросал их в воду и, ступая по кирпичам, ощупывал палкой пол.

Надежды на успех было немного. Подвал был бесконечен. Как тут найти сумку?

Но тут случилось чудо. Антон нагнулся, чтобы поднять с пола старый, почерневший от сырости кирпич, и увидел ключ. Разводной ключ с ромбом на головке, точно такой же, как в портфеле у Витька.

А пошарив вокруг, он обнаружил и сумку. Она валялась в луже под лестницей.

— Леш, Леш, нашел! — крикнул Антон и заглянул внутрь сумки. Запчасти лежали на самом ее дне в промасленной бумаге и ни капельки не пострадали.

Не чувствуя под собой ног от радости, мальчишки бросились наружу. Экскаватор стоял в двух шагах от них, и довести задуманное дело до конца не представляло никакого труда. Оставалось обогнуть магазин, проскочить мимо будки сторожа и...

Далеко-далеко на шоссе два раза пропела сирена милицейской машины. Акила оглянулся по сторонам и, пригнувшись к земле, помчался с сумкой к экскаватору.

— А что это вы тут делаете?

Антон поднял голову. На сарае—руки в карманах, грудь колесом—возвышался Витек.

Рюха, стоявший рядом с ним, сунул два пальца в рот и пронзительно засвистел. Раз, другой... Антон похолодел: сейчас придет сторож. Акила обернулся и застыл в нерешительности на полпути к экскаватору.

— Кончай свистеть! — крикнул Антон.

Рюха взглянул на Витька, ожидая дальнейших распоряжений.

— Зря стараетесь,—усмехнулся Витек. Акила побежал обратно.

— Давай сумку,—тихо сказал Антон.

— Ты что? — прошептал Акила.— Пошли, вон там перелезем через забор...— Он схватил Антона за руку, пытаясь утащить его от ребят.

— Подожди!—Антон, освободив руку, медленно направился к Витьку и Рюхе.

Витек выжидал, что будет дальше. У забора, куда направлялся Антон, лежала пирамида из бетонных блоков, и Витьку ничего не стоило перебраться с крыши на эту пирамиду.

Антон, повесив сумку на забор, подтянулся вверх. Акила держался рядом. Он понимал, что наверху наверняка вспыхнет драка, но бросить Антона не мог.

Рюха, стремительно прогромыхав ботинками по крыше, перепрыгнул на пирамиду.

Антон встал во весь рост, закинул сумку на серый шершавый бетонный блок и стал взбираться на верхушку пирамиды.

— Давай сумку!—грозно приказал Витек.

— Не дам.— Антон стоял нос к носу с Рюхой.

— Считаю до трех,—предупредил Витек.

— Бросай мне сумку, бросай... — срывающимся от волнения голосом крикнул Акила. Он прошел по забору немного дальше и спрыгнул на кирпичи.

Антон помотал головой и еще крепче сжал ремень сумки.

Витек с Рюхой медленно приближались к Антону. Витек с наглой ухмылочкой, Рюха пу-

— Леш, Леш, нашел! — крикнул Антон и заглянул в сумку.

гливо, стрелял глазами по сторонам, опасаясь, как бы Антон не перешел в наступление на его участке фронта.

Антон, сжавшись как пружина, рванулся вперед, ударил Витька головой в живот и, прорвав окружение, вырвался к краю площадки, где блоки лесенкой спускались до самой земли. Но тут Рюха подставил ему ножку, и Антон шлепнулся плашмя на бетон, вскочил, в ярости ударил Рюху по лицу. Тот, как мячик, отлетел в сторону, но путь уже закрыл Витек.

— Давай сумку, а то хуже будет,— злобно прошипел Рюха.

— Бросай мне! — в отчаянии закричал Акила. Он метался у подножия пирамиды.

Антон отступал, надеясь прорваться на крышу сарая. Но Рюха вдруг кинулся ему в ноги и мертвой хваткой уцепился за ремень. Антон попытался отпихнуть Рюху ногой; собрав последние силы, рванул сумку на себя и вдруг... полетел вниз...

Упав на кирпичи, Антон вскочил и тут же со стоном опустился на колени. В глазах потемнело от боли. Акила бросился к нему.

— На, беги...— Антон передал ему сумку.

Акила побежал. К Антону с наглой улыбочкой приближался Рюха. Он уже понял, что теперь Антон не может ни драться, ни даже убежать...

— Что, кирпичики мягкие? — Рюха замахнулся, но Витек успел схватить его за руку.

— Ты что, ногу подвернул?

— Уйди! — крикнул Антон и, стиснув зубы, пополз по кирпичам.

И вдруг как из-под земли возник экскаваторщик. Он тащил за руку Акилу, который, заикаясь от волнения, пытался что-то ему объяснить. Рюха пустился наутек.

— Опять отпираться будете? — возмущенно спросил экскаваторщик.— Руки вам надо обломать за такие дела...

— Зачем нам отпираться? Мы ее к вам несли,— выпалил Акила.— Там свечи на дне.

— Свечи? А что у тебя с ногой? — встревоженно спросил экскаваторщик у Антона.

— Его на кирпичи столкнули.— Акила метнул злой взгляд на Витька, который почему-то не убежал вместе с Рюхой.

— Столкнули? — не понял экскаваторщик.

— Я не хотел,— опустив голову, сказал Витек. Ему вдруг стало ужасно стыдно.

— Эх ты! — сказал экскаваторщик и, подхватив Антона на руки, понес его в будку сторожа.

*

Антон стоял на балконе. Как прежде, сияло солнце, величаво поднимаясь в синеву неба, согревая двор, дома, шоссе, пляж... Сегодня там, наверно, будет полным-полно народу.

Антон вздохнул. Передвигаться он мог теперь только на костылях: правая нога была у него по колено в гипсе.

Эх, если бы выйти сейчас во двор! Узнать, почему молчит экскаватор? Ведь вчера, когда его увезли в больницу, Акила с Витьком остались помогать экскаваторщику, значит, сегодня экскаватор должен работать...

— Ма,— позвал Антон.— Можно, я во двор спущусь?

— Сиди дома, пока голову не сломал,— махнула рукой мать.— Из-за каких-то свечей все лето насмарку...

В прихожей раздался звонок.

— Антон, к тебе пришли! — сердито крикнула мама.

В дверях стоял Акила. За ним, смущенно улыбаясь, возвышался Витек. В руках Акилы был ремень Антона.

— Держи,— гордо сказал Акила.— Вчера у Рюхи отобрали.

— А экскаватор?

— Сейчас заработает. Мы вчера свечу поставили,— объяснил Витек.

Антон допрыгал на одной ноге до балкона и услышал, что на стройке запел мотор. Сперва тихо, потом громче, увереннее: экскаватор ожил.

КОНЕЦ

ЮНЫЕ ДРУЗЬЯ МИЛИЦИИ

В 1935 году в редакцию журнала «Пионер» пришел молодой поэт и принес новые стихи. Стихи всем понравились. Было решено немедленно поставить их в очередной номер журнала. А начинались стихи так:

В доме восемь дробь
один,
У заставы Ильича,
Жил высокий гражданин
По прозванью
«Каланча».

Сейчас у дяди Степы — армия юных друзей.

Отряд юных друзей милиции (ЮДМ) воспитывает у ребят честность, правдивость, мужество и отвагу, непримиримость к недостаткам, уважение к старшим.

Такой отряд создается из добровольцев в школе, во дворе, во Дворце пионеров. Рекомендации этим ребятам дает совет пионерского отряда.

Юный друг милиции хорошо учится, занимается спортом, закаляет себя, примерно ведет себя не только в школе и доме, но и на улице, соблюдает правила дорожного движения.

Во главе отряда юных друзей милиции — **командир и члены штаба.** Они выбираются на сборе отряда и утверждаются советом пионерской

МАЛАЯ ПИОНЕРСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Вы, конечно, догадались, что это стихи Сергея Владимировича Михалкова про доброго, смелого дядю Степу. Стихи эти очень понравились читателям, в «Пионер» посыпались письма с просьбой к автору написать продолжение. И Сергей Владимирович написал — написал о дяде Степе-милиционере.

Тысячи мальчишек хотят быть похожими на дядю Степу и порой с завистью глядят на людей в милицейской форме.

Чем занимается отряд ЮДМ? Юные друзья милиции знакомятся с историей советской милиции, посещают музеи и памятные места, связанные с подвигами милиционеров и чекистов, встречаются с работниками и ветеранами милиции, изучают правила дорожного движения, знакомятся с законами, организуют соревнования и игры, такие, как «Светофор» и «Зарница», помогают поддерживать порядок там, где проходят мероприятия для пионеров и младших школьников.

дружины. В штаб отряда входят и комсомольцы-инструкторы. И, конечно, у каждого отряда ЮДМ должен быть свой друг и наставник — работник милиции. У отрядов ЮДМ своя форма.

Журнал «Пионер» ждет от вас, юные друзья милиции, писем и сообщений о работе вашего отряда, интересных рассказов о дружбе с советской милицией. На конверте не забудьте написать: «Почта дяди Степы-милиционера».

ШТАБ ПИОНЕРСКИХ АКТИВИСТОВ «ГОРН»

КТО ОРГАНИЗУЕТ В ДРУЖИНЕ ШКОЛУ ПИОНЕРСКОГО АКТИВА?

СОВЕТ ДРУЖИНЫ.

КТО ЗАНИМАЕТСЯ В ШКОЛЕ ПИОНЕРСКОГО АКТИВА?

ПРЕДСЕДАТЕЛИ СОВЕТОВ ОТРЯДОВ, ЗНАМЕНОСЦЫ, БАРАБАНЩИКИ, ФЛАНГОВЫЕ, ЗВЕНЬЕВЫЕ, ВОЖАТЫЕ ОКТЯБРЯТ.

Сегодняшнее занятие штаба «Горн» ведет Нина РЫСЬЕВА, вожатая Всероссийского пионерского лагеря «Орленок».

Школа пионерского актива

В школе пионерского актива работает несколько секций: для звеньевых — своя и для барабанщиков — своя. Планы занятий для каждой секции составляются в мае. Но не поздно это сделать и теперь, в сентябре, если раньше не успели.

Как составлять планы?

Обязательно с учетом плана работы вашей дружины. Пионерские активисты должны уметь организовать и провести все сборы, походы, соревнования, смотры интересно для всех пионеров дружины. Этому нужно их научить.

Когда будете составлять план работы ШПА, внимательно посмотрите план обучения пионерского актива, который рекомендует Центральный Совет Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина. Такой план есть у старшего пионервожатого.

А теперь давайте попробуем составить примерный план занятий, скажем, секции председателей советов отрядов.

Первое занятие, сентябрь. Беседа о задачах пионерских отрядов по выполнению решений XVIII съезда ВЛКСМ.

Второе занятие, сентябрь (практическое). Оформление отрядного уголка.

Третье занятие, октябрь. Беседа о том, как отряд должен бороться за хорошую успеваемость пионеров.

Четвертое занятие, октябрь (практическое). Готовим отряд ко Всесоюзному пионерскому сбору «Мы верная смена твоя, комсомол!».

Как часто проводить занятия в школе пионерского актива?

Центральный Совет Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина рекомендует проводить их два раза в месяц.

Как строить занятия секции?

Как можно разнообразнее.

Если на каждом занятии ребята будут только слушать, им скоро это наскучит. Занятие может проходить в форме беседы, дискуссии, обмена опытом.

Если вы говорите о планировании работы в отряде, то каждый председатель совета отряда может на практике показать, как он составляет план.

Каждый вожатый октябрят поделится с товарищами своим умением составлять карту путе-

шествия «Октябрята по стране Октября». На занятии полезно всем вместе посмотреть и обсудить телепередачу «Отзовитесь, горнисты!» или прочитать очередной выпуск штаба «Горн».

Если в секции много пионеров, допустим, сорок вожатых октябрятских звездочек, стоит разбить всех на группы. Каждой группе дать свое домашнее задание.

Первая группа обдумывает, как интереснее объяснить первоклассникам смысл правил октябрят.

Вторая группа обдумывает, как познакомить октябрят с историей пионерской организации.

Третья группа разучивает игры, в которые можно играть с октябрятами (просматривает журналы, книги).

Четвертая группа готовит спортивные состязания для октябрят.

Потом все группы соберутся вместе и поделятся друг с другом всем, что знают и умеют.

Кто по просьбе совета дружины проводит занятия в школе пионерского актива?

Старший пионервожатый, учителя, комсомольцы, которые были пионерскими активистами, старшие пионеры. И те, кто сегодня сам приходит на занятия школы пионерского актива, но уже не первый год звеньевой или знаменосец, и ему есть о чем рассказать товарищам. Тогда занятия в школе пионерского актива будут интересны и младшим и старшим. Когда человек учит других, он и сам учится: подытоживает то, что знает, критически оценивает свою работу, старается придумать новое.

Занятия в школе пионерского актива помогут каждому активисту выполнять поручение своих товарищей.

Больше всего меня поразило в „Орлёнке" то, что это лагерь-школа. Мы узнали, как проводить сборы, линейки, уроки мужества. В пресс-центре научились выпускать интересные стенные газеты.
Марина Татарченко, СССР.

Очень понравились нам пионерские ритуалы. Интересно проводят в „Орлёнке" пионерские собрания, конференции. Этот опыт мы используем в нашем лицее.
Эва Овсяны и Янка Августинек, ПНР.

До приезда в „Орлёнок" я плохо понимала жизнь пионерского отряда, а теперь научилась жить этой жизнью.
Ева Каралова, ЧССР.

Фотография В. ГУСЕВА

Лариса ПОБАТ учится в московской школе № 841, в седьмом классе.

САМЫЙ ЛЮБИМЫЙ ДЕНЬ

Самым любимым днем я считаю не день моего рождения, не 8 Марта, а 1 сентября.

Я люблю встречи с друзьями и учителями после длинных летних каникул, разговоры о прошедшем лете, поздравления учителей, родителей и то, что наступает осенняя пора.

Мне вспоминается день, когда ученики десятых классов прощались со школой и учителями, а учителя — со своими учениками. Когда-нибудь так же и мы будем прощаться со школой. Но сейчас... Сейчас без школы я не представляю свою жизнь.

У каждого человека Родина начинается с чего-то своего.

Для меня Родина началась со школы.

*

Ира ХАХАЛИНА москвичка, учится в школе № 45, в восьмом классе «б». Ира занимается в литературном кружке московского городского Дворца пионеров и школьников.

КАКОГО ЦВЕТА ЗЕМЛЯ?

«Землю видишь какого ты цвета?—
Я спросила у лесника,—
Ну, какою ты видишь планету?»
«А какого цвета река?» —
Улыбнулся в ответ старик хитро:—
«А какого цвета поля,
Хлеб, леса и морозное утро?
Вот такая моя Земля».

«А какою ты видишь Землю?» —
Я спросила у горняка.
«Вижу Землю и светлой и бурой —
Цвета мрамора, известняка,
Цвета горных вершин могучих,
Неизведанных недр земли.
Цвета мощной гранитной кручи,
Цвета угля... Вот цвет Земли».

Я спросила у космонавта:
«А какой видишь Землю ты
Из ракеты, что мчится в завтра,
С звездной, сказочной высоты?»
«Вижу Землю я синей-синей
И немножечко голубой.
Цвета моря, и цвета мира,
И сияющих облаков».

*

МЫ МЕЧТОЮ О МИРЕ ЖИВЕМ.
Рисунок Оли СОКОЛОВОЙ.
Оля живет в Москве, ей 12 лет.

Здравствуйте, дорогая редакция!

В прошлом году я прочитала в «Кораблике» стихи югославских школьников. Среди них было «Письмо северному другу» Веры Керекеш.

С Верой я переписываюсь давно. В своих письмах она рассказывает о себе, о друзьях, о своей школе и своей стране.

В школе у Веры много обязанностей, много важных дел. Главное из них — работа с пионерами младших классов, ведь она — пионервожатая.

Вера очень удивилась и обрадовалась тому, что ее стихотворение так понравилось советским школьникам. Ее буквально завалили письмами. Письма шли со всех концов нашей Родины к ней в Югославию. Только очень жаль, что она почти никому не смогла ответить: Вера не знает русского языка. Ее народ говорит на сербскохорватском.

Это письмо я пишу по просьбе Веры. Она просила через журнал поблагодарить от ее имени всех, кто прислал ей эти прекрасные письма. Она счастлива, что теперь в СССР у нее много добрых друзей.

Наташа Лебедева,
город Череповец Вологодской области.

МОЯ ШКОЛА.
Рисунок москвички Лены МАКСИМИШИНОЙ. Лене 9 лет.

*

Эти два стихотворения — из журнала татарских пионеров. Называется журнал «ЯЛКЫН», выходит он в Казани на татарском языке. На русский язык для нашего «Кораблика» стихи перевел Равиль БУХАРАЕВ.

Назип ИСЛАМОВ живет в Бакальском районе, учится в Туктагульской средней школе.

УТРО В НАШЕМ СЕЛЕ

Ромашка раскрывается, как чудо,
Услышав птичий перезвон с утра.
Прозрачный ветерок летит оттуда,
Где желтые волнуются хлеба.

Он запах ржи несет и веселится,
А солнце, будто свежий каравай.
Люблю смотреть, как разомкнув ресницы,
Мне улыбается родимый край.

*

Фания ЗИЯТДИНОВА из деревни Кызыл Чапчак Нижнекамского района.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Дождик шел еще вчера,
Нынче снег идет с утра.
Всяк смеется, всяк хохочет,
В воротник упрятав нос.
Неужели всех щекочет
Свежий утренний мороз?
Снег смеяться заставляет,
Снег ложится во дворе.
А сосульки с крыш свисают,
Будто пальцы шурале[1].

[1] Шурале — это леший из татарских сказок, по преданию, щекочет случайных путников.

Марине СВЕРДЛОВОЙ 14 лет, она живет в Москве, учится в спецшколе № 5.

Каждый хочет нравиться

ФЕЛЬЕТОН

Каждый хочет нравиться другим, и в этом нет ничего предосудительного. Но для того, чтобы понравиться, надо хотя бы чтобы тебя... заметили.

Ох, как трудно это в школе! Все всех знают с первого класса. У всех почти одинаковые платья, фартуки, воротнички. Попробуйте-ка тут обратить на себя внимание!

Но трудно не значит невозможно. Девочки из нашего класса очень в это верят.

Марина, Галка и Наташа распустили и яростно накручивают волосы, становясь похожими на симпатичных комнатных болонок.

Ольга с Таней обводят карандашом глаза, чтобы они казались побольше и повыразительнее. Алена с другой Таней мажут тушью ресницы и подкрашивают веки.

Девочки действительно обращают на себя внимание. Но пока только внимание учителей.

— У наших мальчишек очень плохой вкус,— вздыхает Ольга.

— Они ничегошеньки не понимают,— морщит нос Галка.

Страдают девчонки, но не сдаются.

Галка с Наташкой на переменках прицепляют к ушам клипсы.

Ольга отхватила чуть не по локоть рукава от форменного платья и подшила к ним кружева. Таня укоротила платье, Алена, наоборот, надставила его и пришила оборку.

Но чуда, чуда не произошло.

Его совершила Оксана.

До сих пор в памяти наших девчонок не хранилось решительно ничего такого, что говорило бы о изобретательности Оксаны. И вот представьте себе...

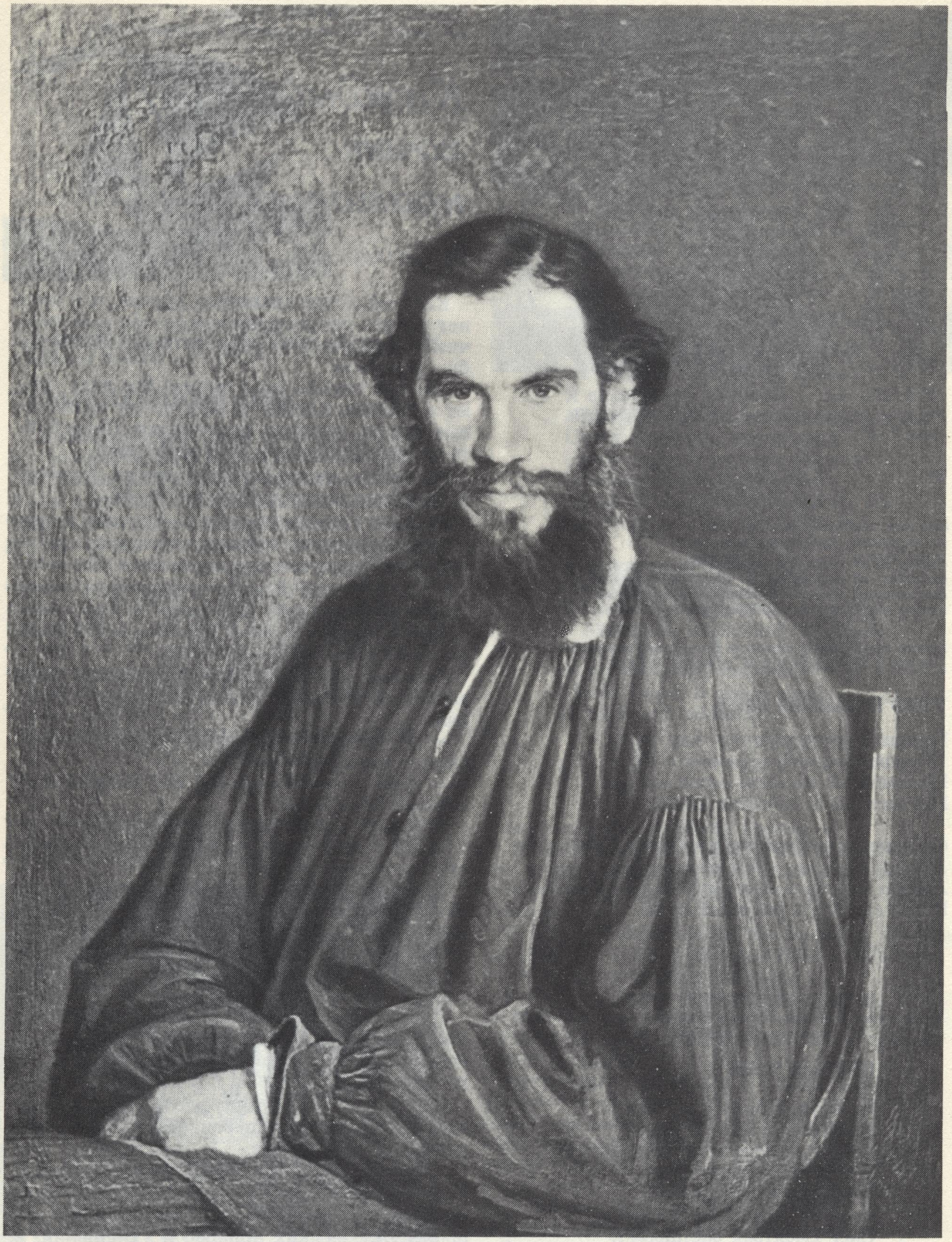
Оксана не стала распускать волосы, подкрашивать ресницы, перешивать платье. Она нашла другой способ...

В тот день я, по обыкновению, опаздывала. Влетев в раздевалку, я увидела Оксану. Она сняла пальто, и оказалось... что она явилась в школу безо всяких прикрас и ухищрений, в обычном коричневом платье!

В класс мы вошли вместе.

Буквально все уставились на Оксану. Она гордо прошествовала к своему месту. Мальчишки зашептались.

Кажется, она понравилась всем сразу.



Портрет Л. Н. Толстого. *И. Н. Крамской.*

150 лет

Лев Николаевич Толстой — один из величайших писателей, которые когда-либо жили на земле.

«В ряде гениальных произведений, которые он дал в течение более чем полувековой литературной деятельности,— писал о нем В. И. Ленин,— он рисовал преимущественно старую, дореволюционную Россию, оставшуюся и после 1861 года в полукрепостничестве, Россию деревенскую, Россию помещика и крестьянина. Рисуя эту полосу в исторической жизни России, Л. Толстой сумел поставить в своих работах столько великих вопросов, сумел подняться до такой художественной силы, что его произведения заняли одно из первых мест в мировой художественной литературе. Эпоха подготовки революции в одной из стран, придавленных крепостниками, выступила, благодаря гениальному освещению Толстого, как шаг вперед в художественном развитии всего человечества».

Толстой написал великое множество книг: полное собрание его сочинений насчитывает 90 увесистых томов. Некоторые из его произведений вы, наверно, уже читали: «Кавказский пленник», «Детство», «Отрочество», «Юность», «Казаки», «Хаджи-Мурат».

Когда-нибудь вы прочтете и другие его книги: «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение», «Смерть Ивана Ильича». И не только прочтете, но будете перечитывать их, каждый раз испытывая ни с чем не сравнимое счастье погружения в мир, созданный его могучим художественным даром.

А потом, когда вы станете еще старше, вы прочтете его статьи, письма, дневники. И тогда перед вами откроется самая великая из всех его книг — книга его жизни.

„Чтобы жить честно...“

Б. САРНОВ

Со стороны могло показаться, что он самый счастливый и благополучный человек на свете.

До глубокой старости он жил в своем родовом поместье, окруженный детьми, внуками, согреваемый почтительным вниманием и любовью учеников, последователей, поклонников. Он был солнцем, вокруг которого вращался весь этот огромный, шумный, пестрый мир. Несмотря на свои восемьдесят с лишним лет, он был бодр и крепок. Каждый день ездил верхом, занимался гимнастикой. Он любил этот дом, где жили его отец и дед, этот парк, каждая тропинка которого была ему памятна с детства.

Слава его гремела по всей земле. Давно уже и у себя на родине и далеко за ее пределами он был признан не только гениальным художником, но и великим мыслителем, мудрым учителем жизни. Все человечество с жадным вниманием прислушивалось к каждому ему слову. А один весьма влиятельный его соотечественник сказал про него так: «Два царя есть ныне на Руси: Николай Второй и Лев Толстой. Но Николай Второй не в силах поколебать трон Льва Толстого, а Лев Толстой словом своим каждый день колеблет трон Николая Второго».

Ежедневно письмоносцы приносили ему десятки, сотни писем. Со всех концов земли — из Англии, Германии, Франции, Италии, Америки, Японии, из далекого Китая — обращались к нему люди. Брамин из Индии писал, что плохо понимает учение Будды. Преступник, только что вышедший из тюрьмы, рассказывал историю своей жизни. Крестьянин из далекого сибирского села сообщал, что, прочитав его книги, решил отныне жить только «по правде». Ученик Высшей Нормальной Школы города Парижа некий Ромен Роллан (впоследствии, много лет спустя, он станет знаменитым писателем) писал о том, как искренне восхищается он его произведениями. И все письма заканчивались одной и той же мольбой: «Научите меня, как жить дальше?», «Только вы один можете научить правильной жизни...», «Только от вас одного жду ответа на вопрос: как жить?».

Он терпеливо и подробно отвечал каждому. А потом, поздно вечером, оставшись совсем один в своем рабочем кабинете, доставал из ящика стола толстую клеенчатую тетрадь. На обложке ее твердой старческой рукой было выведено: «Дневник для одного себя».

Раскрыв дневник, он ставил дату и, прислушавшись, не скрипит ли где половица, не подглядывает ли за ним кто-нибудь из домашних, торопливо записывал:

«Господи! Научи меня — как жить?!. Нынче шел в Бабурино и встретил 80-летнего Акима пашущим, Яремичеву бабу, у которой муж замерз и некому рожь свозить, и морит ребенка... А мы Бетховена разбираем... И молился, чтобы Ты избавил меня от этой жизни. И опять молюсь, кричу от боли. Запутался, завяз, сам не могу, но ненавижу себя и свою жизнь...» Толстой мучился и страдал оттого, что в сочинениях своих, в статьях, в письмах к ученикам и последователям он призывал их жить «по правде», не пользоваться чужим трудом, отказаться от богатства, кормиться только плодами своих рук. Но, призывая к этому других, сам он продолжал жить в своей помещичьей усадьбе и «разбирать Бетховена», в то время как рядом, бок о бок с ним, прозябали в чудовищной грязи и нищете такие же люди, как он. И в конце концов он не выдержал. 28 октября 1910 года

Лев Николаевич Толстой в 1854—1855 годах во время Крымской войны.

в возрасте восьмидесяти двух лет Лев Николаевич Толстой тайно покинул свое родовое поместье Ясную Поляну. Уезжая, он и сам еще толком не решил, куда едет. На вопрос ближайших друзей, которым доверился, ответил вопросом: «Куда бы подальше уехать?»

В дороге Толстой простудился, заболел воспалением легких и умер.

Весь мир лихорадило. Газеты, выходящие во всех уголках планеты, были забиты телеграммами, сообщавшими подробности и детали этого события, ошеломившего человечество. Высказывались самые различные предположения и догадки. Каждый пытался на свой лад, в меру своего понимания, своего опыта, своих представлений объяснить этот удивительный факт, не укладывающийся ни в какие привычные человеческие мерки.

Одни уверяли, что главная причина ухода Толстого — семейная драма. Другие давали понять, что Толстой ушел из дому, потому что почувствовал приближение смерти. Третьи высказывали предположение, что Толстой решил покинуть не только родной дом, семью, любимых учеников и последователей, но и вообще весь мир. По мнению этих людей, уход Толстого был следствием его глубокого разочарования в человечестве, во всех путях и способах его спасения. В том числе и тех, которые предлагал он сам. Четвертые... Впрочем, догадок и предположений было так много, что всех их нам все равно не перечислить.

Никто, однако, почему-то не вспомнил о том, что Толстой не в первый раз решил разорвать кровные узы, связывающие его с тем миром, в котором он жил. Однажды он уже совершил в своей жизни такой же решительный, и такой же неожиданный, и такой же странный и необъяснимый для окружающих поступок.

Это было давно. В самом начале его жизненного пути.

*

«В Петербурге в 40-х годах случилось удивившее всех событие: красавец, князь, командир лейб-эскадрона кирасирского полка, которому все предсказывали и флигель-адъютантство и блестящую карьеру при императоре Николае I, за месяц до свадьбы с красавицей фрейлиной, пользовавшейся особой милостью императрицы, подал в отставку, разорвал свою связь с невестой, отдал небольшое имение своей сестре и уехал в монастырь, с намерением поступить в него монахом. Событие казалось необыкновенным и необъяснимым для людей, не знавших внутренних причин его; для самого же князя Степана Касатского все это сделалось так естественно, что он не мог и представить себе, как бы он мог поступить иначе».

Так начинается знаменитый рассказ Л. Н. Толстого «Отец Сергий». На первый взгляд между героем этого рассказа князем Степаном Касатским и автором его Львом Николаевичем Толстым нет решительно ничего общего.

Во-первых, Лев Толстой не был ни красавцем, ни князем, ни командиром лейб-эскадрона кирасирского (то есть блестящего гвардейского) полка. Никто не предсказывал ему флигель-адъютантства (флигель-адъютантом назывался офицер, состоящий при личной особе государя императора), ни блестящей придворной карьеры, а уж тем более при императоре Николае I. (В ту пору жизни Толстого, которую можно сопоставить с этим периодом жизни князя Степана Касатского Николай I уже умер.) Толстой принадлежал к обедневшей (хотя и родовитой) дворянской семье. Был он скромным армейским офицером. А между армейским офицером и командиром лейб-эскадрона кирасирского полка, да еще надеющимся стать флигель-адъютантом, — дистанция огромного размера.

В отличие от своего героя Толстой в этом возрасте вовсе еще не был близок к женитьбе. (А уж тем более к женитьбе на красавице фрейлине.) Но главное... Главное — это то, что Толстой даже и думать не думал в ту пору своей жизни о том, чтобы отдать кому-нибудь свое родовое имение и уйти от мира в монастырь, постричься в монахи.

Нет, этого у него даже и в мыслях не было.

Однако примерно в том же возрасте, в каком князь Степан Касатский совершил свой удивительный поступок, Лев Николаевич Толстой тоже, как сказали бы мы с вами сегодня, отколол номер.

Решение, которое он принял внезапно, для всех окружающих его людей было таким же ди-

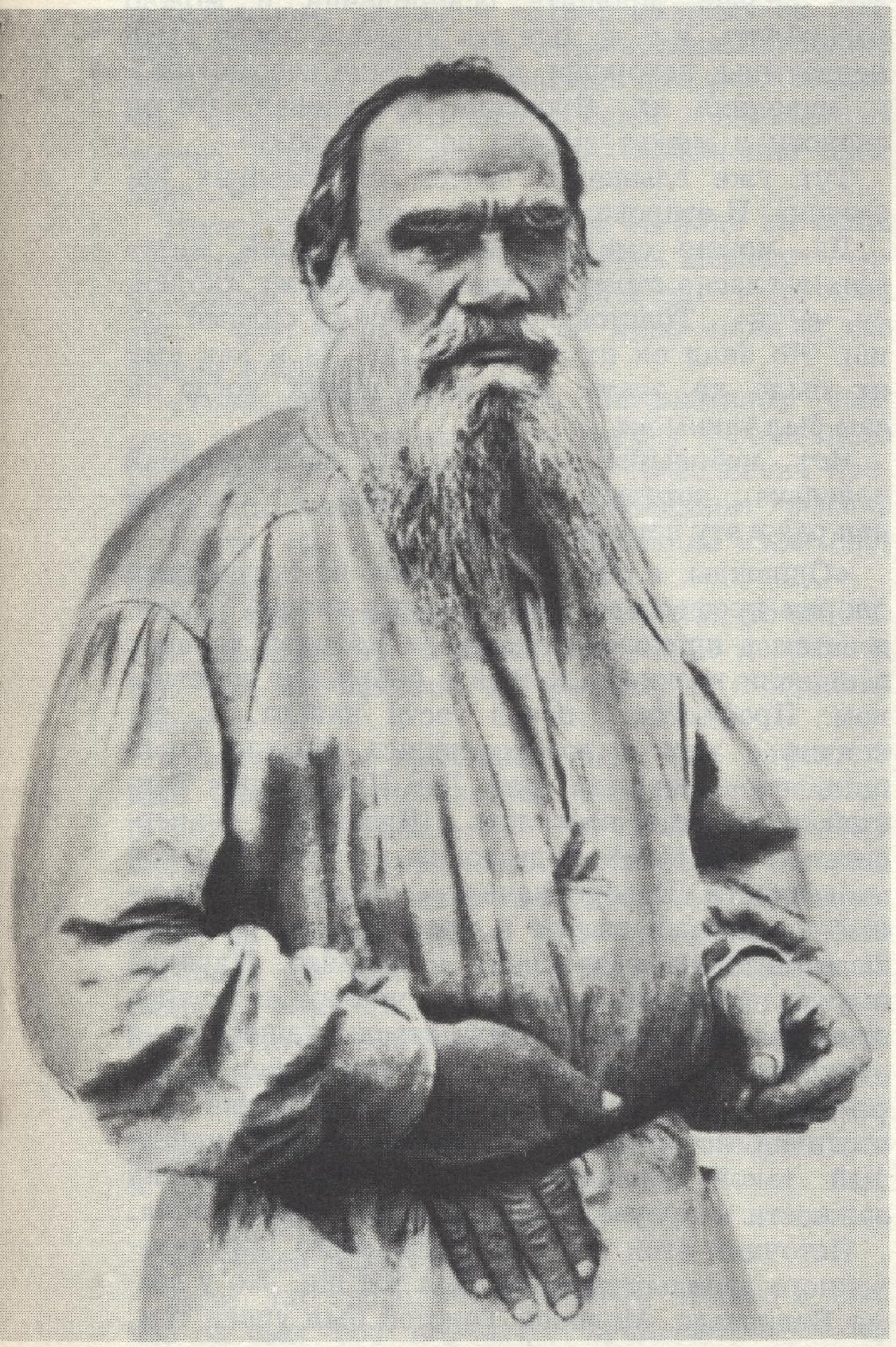
ким, странным и ни с чем не сообразным, каким для всего его окружения явился неожиданный поступок князя Степана Касатского. И так же, как для князя Касатского, для него «все это сделалось так естественно, что он не мог и представить себе, как бы он мог поступить иначе».

А сделалось с ним то, что вдруг ни с того ни с сего он решил оставить университет, круто поломать все свои жизненные планы, поставить крест на всех своих честолюбивых мечтах и надеждах и уехать в деревню, чтобы, как говорили все вокруг, заживо там себя похоронить.

Может показаться, что поступок этот все-таки далеко не так необычен, как поступок князя Степана Касатского. Ведь сплошь и рядом дворяне выходили в отставку, бросали службу (статскую или военную), уезжали к себе в имение и начинали вести там традиционную помещичью (то есть обломовскую) жизнь.

Да, в самом поступке, пожалуй, не было ничего удивительного (если, разумеется, не считать того, что совершил его человек совсем молодой, еще недавно полный разнообразных честолюбивых замыслов, страстный, живой, напористый, в душе которого бродили огромные силы; коротко говоря, человек, совсем не приспособленный к спокойному обломовскому существованию).

Москва, 1892 г.



Необычен тут не столько сам поступок, сколько те внутренние побудительные мотивы, которые заставили его этот поступок совершить.

Чтобы понять, что же именно случилось с ним, в самой глубине его существа, нам придется обратиться к другому его рассказу — «Утро помещика». Вот письмо, которое герой этого рассказа князь Нехлюдов — молодой человек, тоже внезапно принявший такое же решение, — пишет своей тетушке. Сам Толстой такого письма нам не оставил. Но он вполне мог бы его написать. Во всяком случае, письмо это очень точно выражает то, что творилось тогда у него на душе:

«Милая тетушка!

Я принял решение, от которого должна зависеть участь всей моей жизни. Я выхожу из университета, чтобы посвятить себя жизни в деревне...

Я открыл, что главное зло заключается в самом жалком, бедственном положении мужиков, и зло такое, которое можно исправить только трудом и терпением. Если бы вы только могли видеть двух моих мужиков, Давыда и Ивана, и жизнь, которую они ведут со своими семействами, я уверен, что один вид этих двух несчастных убедил бы вас больше, чем все то, что я могу сказать вам, чтобы объяснить мое намерение. Не грех ли покидать этих людей на произвол грубых старост и управляющих, из-за планов наслаждения или честолюбия? И зачем искать в другой сфере случаев быть полезным и делать добро, когда мне открывается такая благородная и ближайшая обязанность? А для этого не нужно ни кандидатского диплома, ни чинов, которых вы так желаете для меня. Милая тетушка, не делайте за меня честолюбивых планов, привыкните к мысли, что я пошел по совершенно особенной дороге, но которая хороша и, я чувствую, приведет меня к счастью...»

Сейчас нам с вами трудно даже представить себе, до какой степени странным и удивительным было это его внезапное решение. А уж о мыслях и чувствах, побудивших его принять такое решение, — и говорить нечего! Большинству людей его круга все это могло показаться чистейшим безумием. В каком-то смысле, пожалуй, даже внезапное решение князя Степана Касатского уйти в монастырь было менее удивительным, менее странным. Все-таки, что ни говори, одно дело — уйти от мира, чтобы остаток жизни потратить на служение богу. И совсем другое — отказаться от всех радостей и соблазнов большого света, чтобы целиком посвятить себя каким-то там Давыду и Ивану, грязным, нищим мужикам, собственным своим

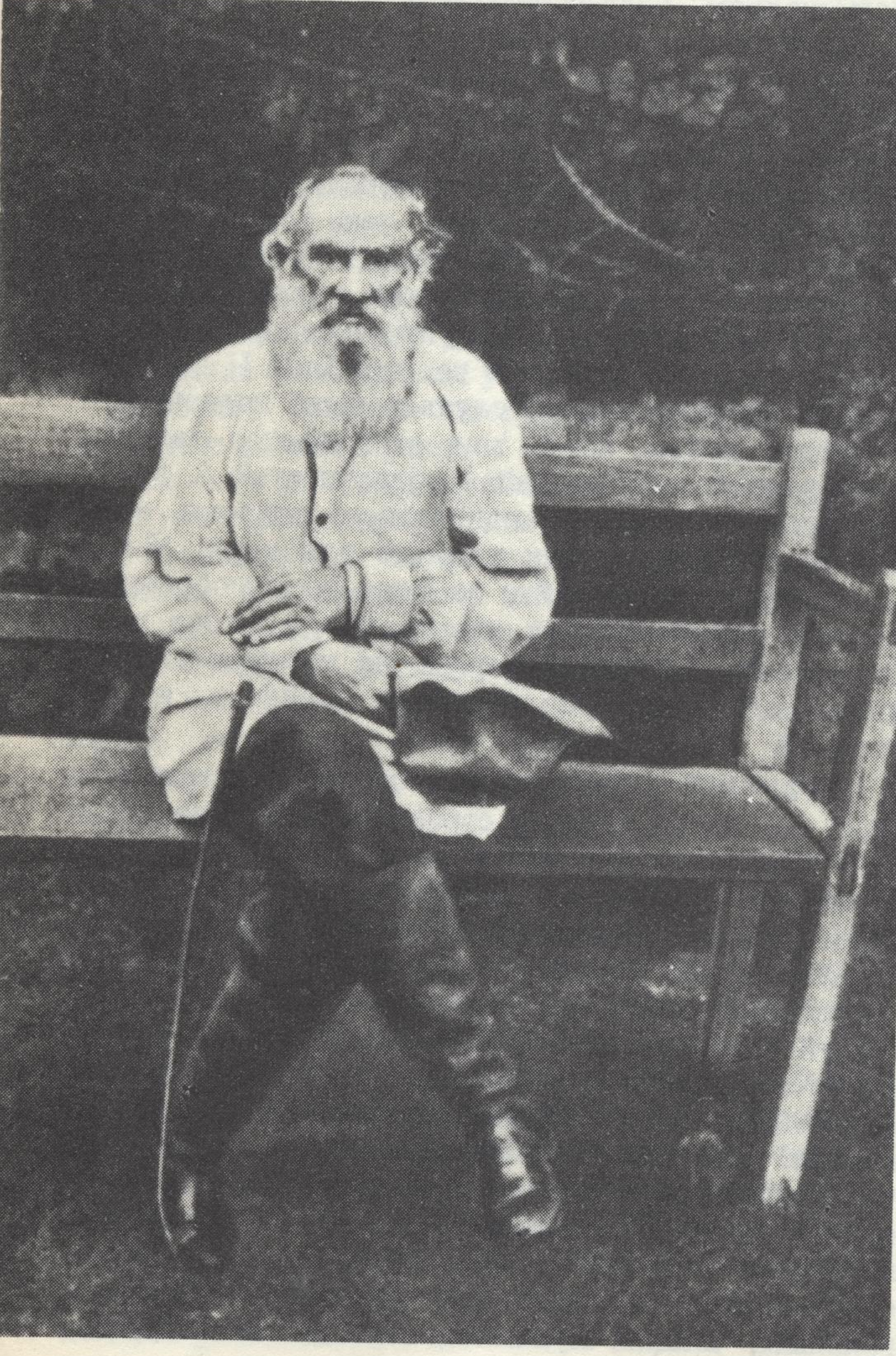
крепостным крестьянам. Да еще увидеть в этом какую-то особенную дорогу, которая якобы приведет его к счастью...

Нет, так просто нам этого не понять. Чтобы представить себе воочию, какой страшной дичью, какой чудовищной нелепостью должны были показаться людям его круга все эти его мысли, надо ясно представить себе этих людей. Представить, каковы были их идеалы, их понятия о смысле и цели бытия. И даже более того, надо ясно представить себе, каким человеком был тогда он сам, каковы были его собственные понятия о том, что составляет главный смысл и главную ценность жизни.

*

«В его петербургском мире все люди разделялись на два совершенно противоположные сорта. Один низший сорт: пошлые, глупые и, главное, смешные люди, которые веруют в то, что... надо воспитывать детей, зарабатывать свой хлеб, платить долги, — и разные тому подобные глупости. Это был сорт людей старомодных и смешных. Но был другой сорт людей, настоящих, к которому они все принадлежали, в котором надо быть главное элегантным, красивым,.. веселым, отдаваться всякой страсти не краснея и над всем остальным смеяться».

Ясная Поляна, 1903 г.



Это Толстой говорит о графе Алексее Вронском, одном из главных героев одного из главных своих романов — «Анна Каренина».

К этому своему герою Толстой не испытывал особой симпатии. Пожалуй, можно даже сказать решительнее: этот тип людей был ему ненавистен. Позже, возвращаясь вновь к рассуждениям о том причудливом «кодексе чести», с которым сообразовывал все свои поступки Алексей Вронский, Толстой скажет о нем еще злее:

«Жизнь Вронского тем была особенно счастлива, что у него был свод правил, несомненно определяющих все, что должно и не должно делать. Свод этих правил обнимал очень малый круг условий, но зато правила были несомненны, и Вронский, никогда не выходя из этого круга, никогда ни на минуту не колебался в исполнении того, что должно. Правила эти несомненно определяли, — что нужно заплатить шулеру, а портному не нужно, — что лгать не надо мужчинам, но женщинам можно, — что обманывать нельзя никого, но мужа можно, — что нельзя прощать оскорблений и можно оскорблять, и т. д. Все эти правила могли быть неразумны, нехороши, но они были несомненны, и, исполняя их, Вронский чувствовал, что он спокоен и может высоко носить голову».

Тут уже слышится совсем откровенная насмешка. И откровенное презрение.

Да, можно смело сказать, что людей, живущих согласно этому нелепому и дикому «кодексу чести», Толстой презирал всеми силами души. Но знал он их досконально. Да и как ему их было не знать: ведь было время, когда он сам был таким же.

Вот небольшой отрывок из воспоминаний человека, который познакомился с Толстым как раз в эту пору его жизни:

«Однажды, в обеденное время, на крошечный дворик профессора бойко вкатил гнедой рысак, а затем в прихожей показался молодой человек в шинели военного покроя с бобровым воротником. Профессор... повел гостя наверх, а, покончив с ним и возвратившись обратно, сообщил, что приезжал граф Лев Николаевич Толстой, желающий поступить в Казанский университет, с просьбой подготовить его из русской словесности. Вскоре начались уроки. В известные часы граф вместе с профессором взбирался в мезонин и проходил в кабинет. Изредка я тоже присутствовал на этих уроках, сторонясь от графа, с первого же раза оттолкнувшего меня напускной холодностью... и презрительным выражением прищуренных глаз. В первый раз в жизни встретился мне юноша, преисполненный такой странной и непонятной для меня важности и преувеличенного довольства собой».

Источник этой его важности, этого преувеличенного довольства собой был тот же, что у графа Вронского. Молодой Толстой был упоен тем,

что он принадлежит к особому, избранному кругу людей. Между собой они обозначали этот круг французским выражением «Comme il faut». Буквально в переводе на русский язык это значит — «Как надо». Но смысл тут был несколько иной. «Comme il faut» на их языке значило: «порядочный», то есть принадлежащий к кругу «порядочных людей».

Этому своему тогдашнему отношению к жизни (а это был не просто мелкий предрассудок, это было чуть ли не целое мировоззрение) Лев Николаевич посвятил в своей повести «Юность» особую главу:

«Мое Comme il faut состояло, первое и главное, в отличном французском языке и особенно в выговоре. Человек, дурно выговаривавший по-французски, тотчас же возбуждал во мне чувство ненависти. «Для чего же ты хочешь говорить, как мы, когда не умеешь?» с ядовитой насмешкой спрашивал я его мысленно. Второе условие Comme il faut были ногти длинные, отчищенные и чистые; третье было умение кланяться, танцевать и разговаривать; четвертое, и очень важное, было равнодушие ко всему и постоянное выражение некоторой изящной, презрительной скуки. Кроме того, у меня были общие признаки, по которым я, не говоря с человеком, решал, к какому разряду он принадлежит. Главным из этих признаков, кроме убранства комнаты, печатки, почерка, экипажа, были ноги. Отношение сапог к панталонам тотчас решало в моих глазах положение человека...»

Немудрено, что при таком взгляде на вещи Толстой в университете держался замкнуто, отчужденно, надменно. Вот каким запомнился он тем, чьи воспоминания об этом периоде его жизни дошли до нас:

«Товарищи-однокурсники поглядывали свысока на аристократическую фигуру выхоленного барчонка. Это и понятно. Лев Николаевич приезжал в университет на роскошном рысаке и почти ни с кем из товарищей не имел сношений...»

«Он едва отвечал на мои поклоны, точно хотел показать, что и здесь мы далеко не равны, так как он приехал на рысаке, а я пришел пешком...»

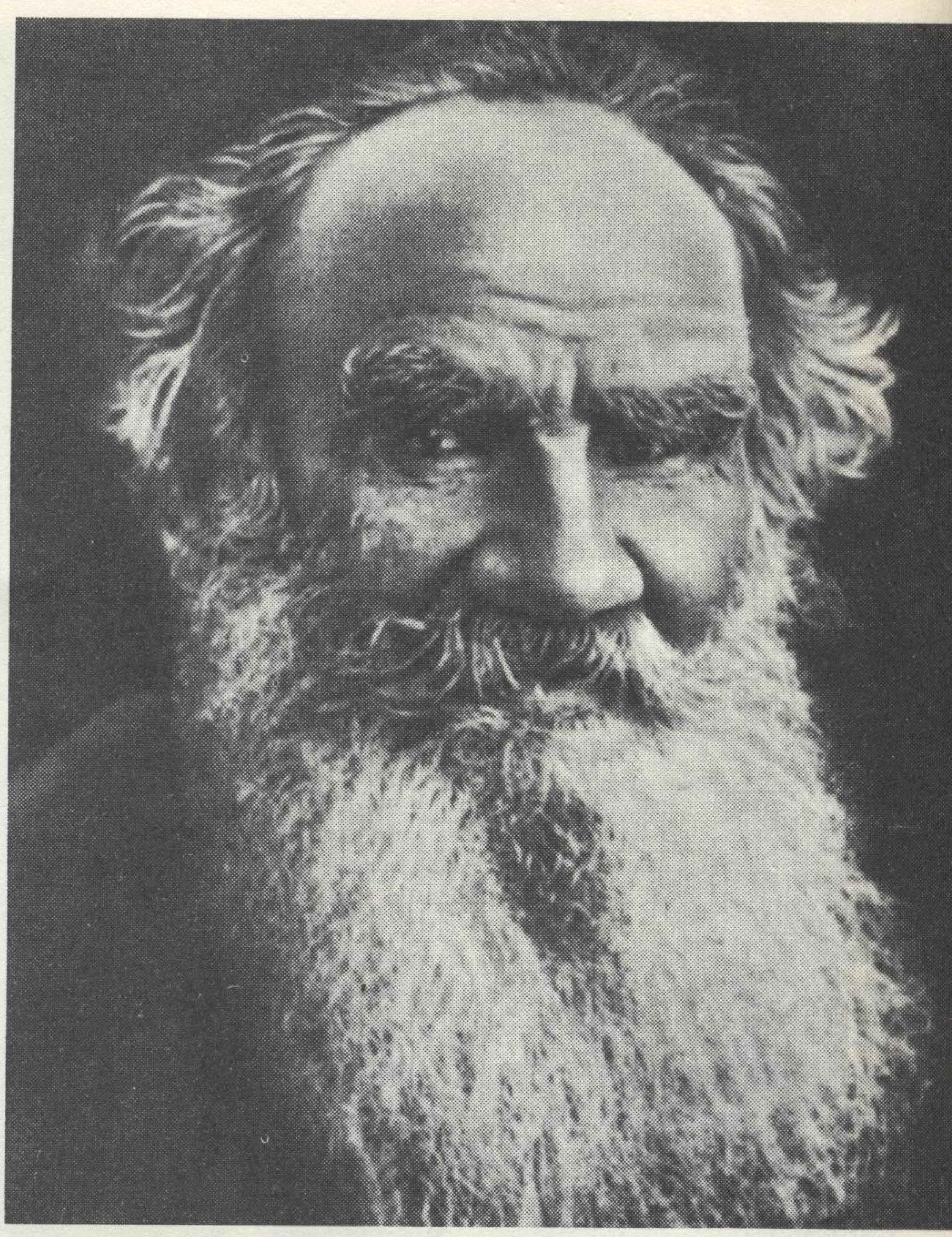
А вот совсем крохотный, но очень характерный эпизод, относящийся к тому же времени: о нем Лев Николаевич сам рассказал своему биографу П. Бирюкову. Дело было там же, в Казани. Лев Николаевич с братом Николаем шли по городу. Мимо них проехал какой-то господин на долгуше (это был такой длинный экипаж, еще его называли линейкой). Руками без перчаток господин опирался на палку, упертую в подножку.

— Как видно, что какая-то дрянь этот господин, — сказал Лев Николаевич, обращаясь к брату.

— Отчего? — спросил тот.

— А без перчаток.

Если уж господин, повинный только в том, что он был без перчаток, представлялся ему



Ясная Поляна, 1906 г.

«какою-то дрянью», то уж можно вообразить, какой совершенной мразью, пылью под его ногами казались ему тогда люди, принадлежавшие к еще более низким слоям общества: простой люд, мастеровые, крестьяне. О них, кстати, он тоже пишет в той же главе своей повести:

«Второй род подразделялся еще на людей собственно не Comme il faut и простой народ. Людей Comme il faut я уважал и считал достойными иметь со мной равные отношения, вторых — притворялся, что презираю... Третьи для меня не существовали — я их презирал совершенно».

И вдруг именно вот эти «третьи», которых он «презирал совершенно», которые для него просто «не существовали», — вдруг именно они стали интересовать его настолько, что ради них, ради того, чтобы выполнить свой долг перед ними, он решил бросить все — университет, легкую светскую жизнь, надежды на славное и блестящее будущее...

Теперь вы видите, что это и в самом деле было более смелое и удивительное решение, чем то, которое вдруг принял герой «Отца Сергия» князь Степан Касатский. В особенности, если учесть, что князь Степан Касатский принял свое необыкновенное решение неспроста. Над ним разразилась внезапная катастрофа, в один миг перевернувшая всю его жизнь до дна, до самого основания. Причиной катастрофы была любовная, личная драма. А в жизни Льва Толстого

не было в ту пору решительно никаких катастроф, никаких драм. Все произошло в полном смысле слова н и с т о г о н и с с е г о.

Что же все-таки это было? Что явилось толчком для этого внезапного крутого поворота, для этого странного решения, изменившего вдруг, в один миг, всю его судьбу?

*

Объясняя странный поступок князя Степана Касатского, Толстой обронил:

«С внешней стороны Касатский казался самым обыкновенным молодым блестящим гвардейцем, делающим карьеру, но внутри его шла сложная и напряженная работа».

В полной мере это относится и к самому Толстому.

Именно тут и таится разгадка всей этой таинственной истории.

Толстой, как и князь Степан Касатский, только «с внешней стороны» казался самым обыкновенным молодым, напыщенным, самодовольным светским болваном. А «внутри его» — именно в то самое время, когда он разъезжал на рысаках, с высокомерным презрением оглядывая людей, не носящих перчаток или не выверивших достаточно строго «отношение сапог к панталонам», — именно в это самое время «внутри его шла сложная и напряженная работа».

Уже тогда, в пору самой ранней своей юности, Толстой начал вести дневник, в котором он старался быть предельно откровенным с собою. Поэтому у нас с вами есть редкая возможность словно бы заглянуть прямо ему в душу и поглядеть, что там творилось — в этой страстной, смятенной, только еще становящейся душе.

Тому, кто заглянет в юношеские дневники Толстого, тотчас бросится в глаза одна их особенность. Сразу видно, что этот юноша постоянно держит себя в крепкой узде. Все записи в дневнике строятся примерно так: сперва он рассказывает обо всем, что случилось с ним за день (или за те несколько дней, что он не делал записей). Потом подводит итоги: доволен он собой или не доволен. А затем — с красной строки и подчеркнутое — значится: «ПРАВИЛА». И следуют самые разнообразные предписания — разнообразные по смыслу, но всегда суровые и неукоснительные, — которые он вменяет себе в обязанность. Это как бы строгие военные приказы, которые он отдает самому себе. И как в настоящем военном приказе там обязательно подразумевается параграф: «Проверка исполнения». То и дело мы наталкиваемся на такие отметки: «Я не исполняю того, что себе предписываю», «Что назначено непременно исполнить, то исполняй, несмотря ни на что», «Что исполняешь, исполняй хорошо», «Опять не исполнил правила...»

Что же это были за правила, которые он предписывал себе и так страстно и неукоснительно стремился их соблюдать?

Вот некоторые из них, самые первые, самые ранние:

«Не предлагать никакой цены за вещь ненужную. Как входить на бал, тотчас звать танцовать и сделать тур вальса или польки».

Пустяки какие-то, не правда ли? Даже стыдно читать. А вот еще. Это, пожалуй, уже не такие пустяки:

«Искать общества с людьми, стоящими в свете выше, чем сам... На бале приглашать танцовать дам самых важных...»

Тут уже видна определенная цель. И цель, честно говоря, не слишком благовидная. Это, если уж называть вещи своими именами, руководство к действию для начинающего карьериста. И Толстой не скрывает от себя, что намерения у него именно такие. Вот запись, в которой он точно и хладнокровно перечисляет все способы, с помощью которых мог бы поправить свои дела:

«1. Попасть в круг игроков, и, при деньгах, играть. 2. Попасть в высокий свет и, при известных условиях, жениться. 3. Найти место выгодное для службы».

Дальше опять пустяки. Но уже более целенаправленные. Цель — все та же:

«Правило. Менее как по 25 копеек серебром в ералаш не играть... С людьми, которые о денежных делах говорят поверхностно, скрывать положение своих дел...»

Казалось бы, ничего хорошего во всем этом нет. И облик молодого Толстого, встающий со страниц этого юношеского дневника, вырисовывается не больно привлекательный.

На самом деле, однако, все это совсем не так просто.

Обратимся опять к тем страницам толстовского «Отца Сергия», где говорится о характере молодого князя Степана Касатского:

«...внутри его шла сложная и напряженная работа. Работа с самого его детства шла, повидимому, самая разнообразная, но в сущности все одна и та же, состоящая в том, чтобы во всех делах, представляющихся ему на пути, достигать совершенства и успеха. Было ли это ученье, науки, он брался за них и работал до тех пор, пока его хвалили и ставили в пример. Добившись одного, он брался за другое. Так он добился первого места по наукам, так он, еще будучи в корпусе, заметив раз за собой неловкость в разговоре по-французски, добился до того, чтобы овладеть французским, как русским; так он потом, занявшись шахматами, добился того, что, еще будучи в корпусе, стал отлично играть».

Это замечание Толстого помогает нам понять важнейшую особенность такого человеческого характера. У сильного, могучего темперамента, у целеустремленной и волевой личности, даже если сперва все силы души ее направлены на какие-нибудь пустяки, рано или поздно эта воля, эта огромная жажда с а м о в о с п и т а н и я найдет другую цель, более достойную себя.

Так было у князя Степана Касатского. Так было и у самого Толстого.

Вскоре в его дневниках появляются совсем

другие записи. Сперва они не только соседствуют с прежними, но даже и перемежаются ими. Но вскоре эта новая струя совершенно забивает ту, старую. И являются на свет новые предписания самому себе, которые он выписывает на отдельный листок и дает им торжественное название: «ОСНОВНЫЕ ПРАВИЛА». Вот они:

«1. Целью каждого поступка должно быть счастие ближнего.

2. Довольствоваться настоящим.

3. Искать случаев сделать добро».

А дальше следует список правил, с помощью которых он надеется исправить себя, исправить свой характер. Они так и называются «ПРАВИЛА ИСПРАВЛЕНИЯ». Вот некоторые из них:

«Бойся праздности и беспорядка... Бойся лжи и тщеславия, которое производит ее... блюди порядок в физических и умственных занятиях...»

А еще дальше следуют «ПРАВИЛА ПРАКТИЧЕСКИЕ»:

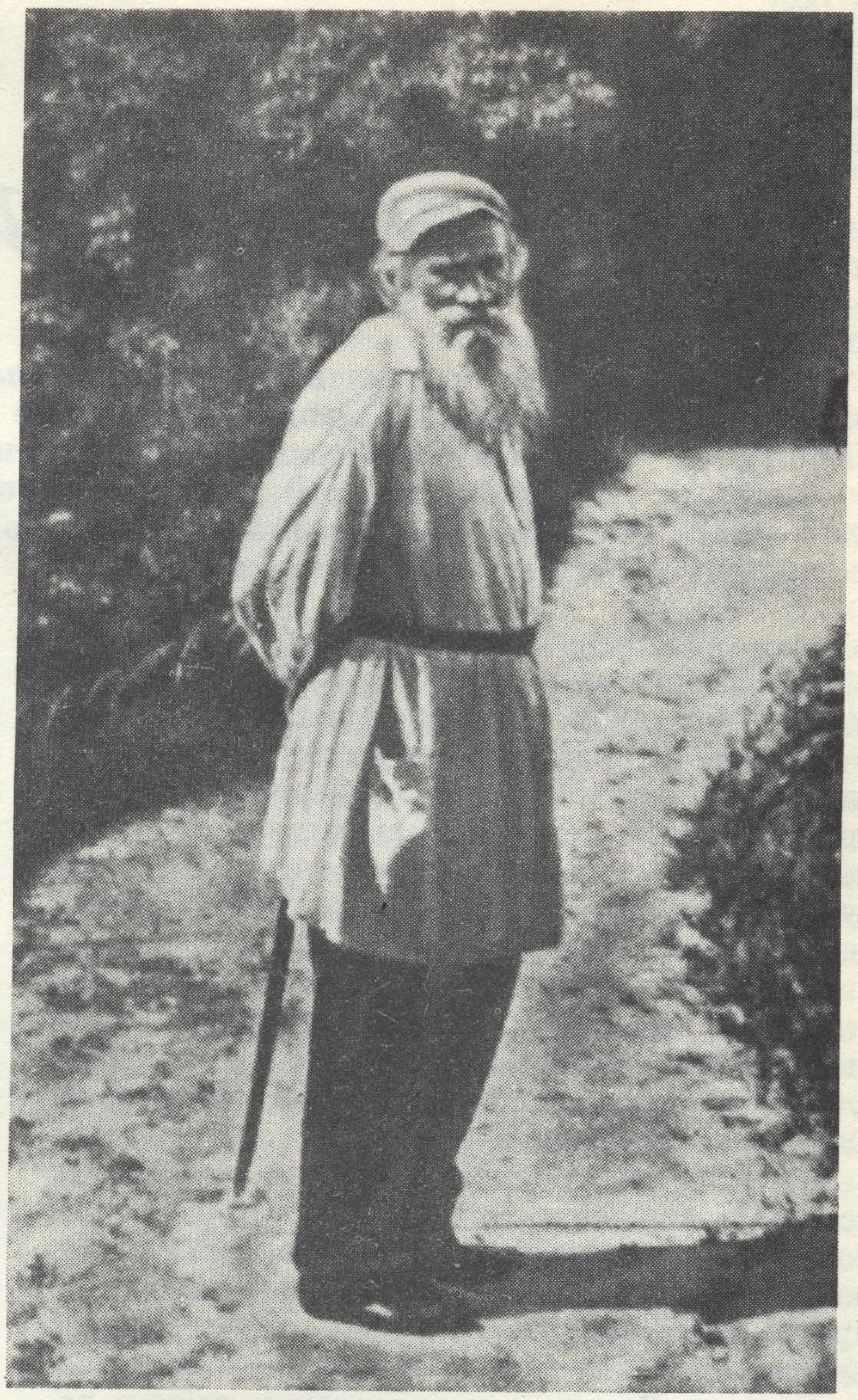
«Запоминать и записывать все полезные сведения и мысли... Не верить мыслям, родившимся в споре... Не повторять чужих мыслей... НЕ БРАТЬ КАРТ В РУКИ... Стараться сделать приятною жизнь людей, связанных со мною...»

Даже из этих нескольких отрывочных примеров видно, какая огромная работа шла там, «внутри его». Но главное — видно, в каком направлении шла эта работа.

Подобно тому, как от маленького, слабенького ручейка берет свое начало огромная, полноводная, мощная река, рвущая плотины, сметающая все препятствия на своем пути, — так из этого источника берет свое начало все то огромное, необозримое, поразительное явление человеческого духа, которое мы обозначаем двумя словами: «Лев Толстой». И отсюда же, из этого же источника — трагические, мучительные записи в его дневнике последних лет жизни: «Нынче шел в Бабурино и встретил 80-летнего Акима пашущим, Яремичеву бабу, у которой муж замерз... А мы Бетховена разбираем...» И отсюда же эти нестерпимые мучения больной, исстрадавшейся совести, заставившие его на восемьдесят втором году жизни бросить все и уйти из родного гнезда, чтобы начать новую жизнь. Да, да, не умереть вдали от людей хотел Толстой, покидая Ясную Поляну, а начать (уже в который раз) совсем новую жизнь, среди людей и ради людей.

Он закончил свой жизненный путь так же, как начал: разрывом со всем тем, что привязывало его к той жизни, которую он считал несправедливой, а потому более для себя невозможной. В этом проявилось главное свойство его натуры, самая суть его личности.

Мало кто в окружающем его мире так долго, так упорно, так мощно сотрясал устои лжи, несправедливости, произвола. Мало кто так горячо и самозабвенно проповедовал добро. Кто-кто, а он жил «по совести», «по правде». Казалось бы, уж он-то честно заслужил свое право



Ясная Поляна, 1909 г.

на покойную умиротворенную старость. Уж он-то мог быть вполне доволен собой и своей жизнью. А вот не был доволен. Что ни день, записывал у себя в дневнике: «Ненавижу себя и свою жизнь». И не смог продолжать жить дальше этой жизнью, которая всем вокруг казалась прекрасной, чуть ли не святой, а ему самому — уродливой, ужасной, страшной.

«Мне смешно вспомнить, — написал он однажды одному своему корреспонденту, — как я думывал и как вы, кажется, думаете, что можно себе устроить счастливый и честный мирок, в котором спокойно, без ошибок, без раскаянья, без путаницы жить себе потихоньку и делать не торопясь, аккуратно все только хорошее. Смешно! НЕЛЬЗЯ... Все равно, как НЕЛЬЗЯ, не двигаясь, быть здоровым. Чтобы жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать, и опять начинать, и опять бросать, и вечно бороться и лишаться. А спокойствие — душевная подлость!..»

Вот так он и прожил свою жизнь — ошибаясь, мучаясь, страдая, не давая ни минуты отдыха своей душе, ни минуты самоуспокоенности и самодовольства.

Ольга **ПОДЪЕМЩИКОВА**

Доброта украшает жизнь

Оля Подъемщикова живет в Туле, в этом году окончила 6-ю среднюю школу. Ее школьное сочинение о Л. Н. Толстом было одним из лучших. Прочти его.

Оля вспоминает рассказы своего дедушки, Георгия Васильевича, который в детстве часто бывал в Ясной Поляне, встречался с писателем...

Дни стояли славные. В лесу пахло грибами, папоротником, догнивающими листьями, пряными цветами и сыростью. Было прохладно, на земле лежали солнечные зайчики, пробивавшиеся меж густыми ветвями. Изредка они шевелились, меняли форму и чуть двигались, будто выбирая место поудобнее. Егорка любил лес. Здесь не было духоты, не мешали надоедливые сестры, было спокойно среди больших стволов и высокой травы. Вспоминались мамины сказки о добрых великанах, веселых косарях, злых ведьмах, о глупом попе и хитром мужике. Славно, славно было в лесу!

Как-то, зайдя далеко, на опушке леса Егорка встретил гуляющего мальчика. Тот был одет не по-деревенски красиво и аккуратно, был весь беленький и чистенький. Егорке мальчик сразу понравился потому, что был явно слабее самого Егорки и никак не мог его обидеть. Мальчик смотрел на Егорку с удивлением и даже с радостью, будто с появлением Егорки для него произошло что-то неожиданно приятное.

Мальчик улыбнулся, и Егорка почувствовал, что он уже знаком с ним. «Ты чей?» — и мальчик опять улыбнулся.

«Я Егорка.., я Казначеевский.., я гуляю», — выпалил Егорка и уставился на мальчика.

«Ты далеко гуляешь, — сказал мальчик. — Меня зовут Дима Чертков. Мы живем в Телятинках. Мы с папой в гостях у дедушки Льва Николаевича. Мы здесь бываем часто».

Так завязалась дружба крестьянского мальчугана с Димой Чертковым, сыном помещика, друга Л. Н. Толстого. Так завязалась дружба Егорки с Ясной Поляной.

Почти каждый день встречались мальчики. Местом встречи они выбрали усадьбу «дедушки-графа». Каждое утро бежал туда Егорка и усаживался на скамейку под «деревом бедных». Туда же приходил Дима. Иногда Лев Николаевич выходил к мальчику и говорил: «А! Кудряш пришел! А Дима велел передать тебе, чтоб ты бежал в Телятинки, он ждет тебя там». Постепенно Кудряш стал своим человеком в доме Толстых. Лев Николаевич часто звал их с Димой к себе, сажал за общий стол завтракать. Часто Егорке доводилось быть свидетелем разговоров Льва Николаевича с людьми, приезжавшими издалека повидаться с ним. Очень, очень привязался Егорка ко Льву Николаевичу. Все ему нравилось в «дедушке-графе»: и долгие рассказы о его брате Николеньке, о «зеленой палочке», его прогулки по утрам вместе с доктором Душаном Петровичем, его доброе отношение к крестьянам.

В деревне Ясная Поляна жил двоюродный дядя Егорки — Влас. Жил очень бедно, был многодетным. Много раз горела его изба. Лев Николаевич приходил, работал с Власом. Помогал строить избу. Вместе с Власом пилил деревья. Когда Влас был тяжело болен, Лев Николаевич вместо него косил сено для коровы. Не раз помогал и «целковыми». Нравилось Егору, что главным для человека Лев Николаевич считал труд.

Первые свои посещения яснополянского дома Егор помнил неплохо. Помнил на стене портрет человека со строгим лицом, про которого Лев Николаевич говорил: «Это мой дед». Помнил казавшиеся роскошными комнаты, много картин на стенах, рогатое кресло, кожаный диван. Помнил массу интересных вещичек, которые показывал ему Лев Николаевич. Больше всего Егорке нравилось, когда в доме была тишина. Подойдешь к окну — солнце, старые деревья пошевеливают ветками, точно разминают больные суставы, высокие кустарники тянутся к солнцу, весной молодая трава так весело пробивается из-под старых листьев.

На пруду бабы полощут белье, и слышны их голоса и песни. Так хорошо вдыхать особенный, удивительный запах большого старого деревянного дома и чисто вымытых полов.

Чем чаще приходил Егорка в Ясную, тем больше и больше тянуло его туда. Нравилось сидеть под «деревом бедных», изредка слышать звук медного колокола, наблюдать за людьми, приходящими ко Льву Николаевичу. У Льва Николаевича учился Егорка уважать людей, видя, как приветливо принимал всех «дедушка-граф»: с одними говорил тут же, других просил подождать, третьих приглашал пройти с ним прогуляться в сад. Еще заметил Егорка: со всеми всегда Лев Николаевич здоровался первым. Бывало, подумает: «Вот подойдет дедушка-граф поближе, непременно первым поздороваюсь». Подхо-

дит Лев Николаевич, а шляпа уже снята. И это перед мальчиком-то! На всю жизнь научился Егорка уважать людей.

Однажды Дима так и не дождался своего друга. Пришлось бежать в Казначеевку. Забежав в избу, Дима увидел лежащего Егорку и возле него дядю Исая. Исай схватил Диму за плечи, вывел из избы. «Плохо Егорке, очень плохо, а ты не заходи, заболеешь». Прямиком бросился Дима в Ясную. Вбежал, запыхавшись, ко Льву Николаевичу. «Егорке плохо. Что же делать?»

Лев Николаевич велел немедленно запрягать. Вызвал своего врача Душана Петровича Маковицкого. «Помогите, как только можете». Егорку выходили.

Чем взрослее становился Егорка, тем больше крепла его дружба с Душаном Маковицким. Вместе гуляли они, говорили о своих проблемах. Хотя Душан был старше, находилось у них немало общих интересов. Вместе фотографировались. Георгий, так звал его Душан, знал его как общительного человека, интересного собеседника. Егор много читал, делился с Душаном впечатлениями о прочитанном, просил совета. И Лев Николаевич, заметив в мальчике любовь к чтению, стал выбирать и давать ему книги.

Однажды утром Егор пришел ко Льву Николаевичу. «Лев Николаевич, хочу учиться. Посоветуйте». Лев Николаевич ответил юноше словами, которые потом не раз пришлось Егору вспомнить. «Все может быть, Егор. Держись за землю. Одна земля не предаст».

Лев Николаевич взялся подготовить его в институт. Еще давно заметил он в мальчике способность к математике и теперь решил готовить его в учительский институт на математический факультет. Учился Егор прилежно, с огромным желанием.

Смерть Льва Николаевича Толстого застала Егора, когда он был студентом. Навсегда запомнил Егор этот день. Гроб несли на руках. Тысячная толпа шла за гробом. Были остановлены поезда, чтобы сократить количество стремящихся в Ясную Поляну проститься с великим писателем. Хоронили на том месте, где Толстой рассказывал им с Димой о «зеленой палочке», «которую если найти, то все будут счастливы». «Нашел ли?» — думалось Георгию Васильевичу.

Уже будучи учителем, Егор часто вспоминал Льва Николаевича, его педагогический талант, рассказывал ученикам о «дедушке-графе». Вновь и вновь с благодарностью приезжал в Ясную Поляну.

Годы идут... Вот уже нет в живых Георгия Васильевича. И теперь я могу сказать, что мальчик с черными кудрявыми волосами, Егорушка — мой дед. В нашей семье свято чтят память Толстого. Из поколения в поколение передаются рассказы о нем.

Я снова в Ясной Поляне. Очень часто бываю здесь, и все равно каждый приезд — праздник. Ранняя весна... Лес, склоны холмов, покрытые цветами мать-и-мачехи. От земли идет чудный запах прошлогодней листвы. Солнце светит весеннее, радостное, лужайки усыпаны вперемешку голубыми и желтыми цветами. Деревья березовой аллеи подернуты чуть зеленоватой дымкой. Окна в доме открыты, и полузадернутые шторы тихо покачиваются.

Иду к могиле Льва Николаевича. Длинная аллея. По одну сторону светящиеся кружевные березки тянутся вверх, сливаясь с небом, будто врастая в него. По другую — черные, не прикрытые еще, неловкие стволы лип неприятно поражают. Солнце чуть светит, и просвечиваются прошлогодние листья на дне канав, залитых водой. Тишина. Могила Льва Николаевича. Вспоминается, как здесь дедушка говорил мне:

— Все мы, каждый из нас, всю жизнь ищем «зеленую палочку»...

— И нашел, дед?

Ответа на этот вопрос я тогда так и не получила.

Может быть, ответом могут служить слова Л. Н. Толстого: «Доброта украшает жизнь, разрешая все противоречия, запутанное делает ясным, трудное — легким, мрачное — радостным»...

Георгий Васильевич со своими учениками. Снимок сделан в Ясной Поляне в 1941 году.

Борис КАМОВ

Сумка Тайвара

ПОВЕСТЬ-ПОИСК

Окончание. Начало в № 5

Рисунки С. ТРОФИМОВА

Поиск продолжается

Пятеро саперов трудились восьмой день. Руководил ими младший лейтенант Толя Григорьев.

Кроме военных, в поиске участвовали: бульдозерист дядя Миша, экскаваторщик Николай Александрович и десять добровольцев, которых прислал райком комсомола.

К сожалению, Швайко уехал домой. Юру отозвал Петр Филатович. Привозил нас в лес и отвозил грузовик с фанерным верхом.

Главными работниками у нас считались саперы. Каждого сопровождало двое или трое местных ребят. Если боец «слышал» железо, в дело вступали землекопы. Когда миноискатели долго молчали, на помощь со своим экскаватором приходил Николай Александрович.

Во время работы экскаватора я всегда стоял рядом, наблюдая за тем, что высыпается из ковша. Я не терял надежды, что рано или поздно блеснет осколок стекла или я замечу в комках земли полуистлевшую обложку служебного удостоверения.

Забегая вперед, скажу: ни одной трехлитровой помидорной банки, закопанной лесником, нам отыскать не удалось.

А бульдозерист дядя Миша корчевал пни. Чтобы не раздавить гусеницами возможную находку, он деликатно упирался в пень краем косо развернутого «ножа» и включал самую малую скорость.

Коряга нехотя начинала клониться, показывая облепленные землею корни. Сапер при этом смотрел, не мелькнет ли в их переплетении какой предмет, прослушивал «бороду» пня и опускал в образовавшуюся яму щуп.

Лес, в котором мы с Юрой и Швайко безуспешно искали два пистолета, оказался набит металлом. Каждый день мы находили тележки от пулеметов «максим», каски, автоматные магазины, иные еще с патронами, штыки, остовы винтовок, револьверов, изъеденные ржавчиной, пуговицы, пряжки, части автомобилей и просто разные куски железа.

А на восьмой день произошло вот что. Я был дежурным поваром. В ведре на двух вкопанных в землю рогулинах варился суп с бараниной.

Дрова оказались сырые. Огонь в очаге то и дело затухал. Мясо не разваривалось, а время близилось к обеду.

Я отошел подальше поискать сухого валежника, забрался в кусты — и ухнул в яму, которую не заметил за ветками барбариса. К счастью, я отделался испугом и легким ушибом.

Зато в награду заметил сухую поваленную березу. Нарубил отличных веток, сгреб их в охапку. И замер. Обод! Когда я неловко, боком валился в яму, перед моими глазами на секунду мелькнул обод. Не обруч от дубовой кадушки. Не шина тележного колеса — обод железной сорокаведерной бочки.

Я кинул на землю свою охапку и бросился к яме. Сквозь ветви боярышника, на которых висели темно-бордовые ягоды, я снова увидел тот же обод и присыпанный песком овал бочки.

И впервые внимательно осмотрел яму: два метра с лишним в диаметре. Дно устлано опавшими листьями. Скорей всего это была воронка от очень тяжелой бомбы. Видимо, давний взрыв выбросил запрятанную бочку.

Прикинул: от воронки до барака лесника метров двести. И сразу понеслись тревожные мысли: что если верх бочки цел, а дно повреждено? Весной яму доверху наполняет вода. Пощадила ли она хотя бы часть бумаг?

Я начал выгребать песок из бочки топором, но благоразумно остановился. Существовал жесткий порядок: «неопознанные объекты» извлекал из грунта только младший лейтенант Григорьев. И хотя я числился кем-то вроде начальника экспедиции, этому правилу обязан был подчиниться, как все.

Вспомнил я и Ленинград. Гитлеровцы в сорок первом сбрасывали с самолетов на город бочки с горючим и взрывчаткой. Приближаясь к земле, такая бомба издавала угнетающе-низкий звук и рвалась с особенным скрежетом и грохотом. Что если такое же фашистское изделие лежит сейчас у моих ног?

— Толя! — крикнул я. И неизвестно почему: — Товарищ старший лейтенант!

Осторожности ради я хотел сперва показать находку только ему: вдруг я стою возле полутонны тринитротолуола, где не сработало взрывное устройство? Но ликующие ноты в моем голосе выдали меня. Экскаватор и бульдозер перешли на холостые обороты. И со всех сторон затопали сапоги.

Первым появился Толя. За ним бежали саперы: Дима, Гена, Петя и Леонард. Следом ребята-комсомольцы. Замыкали кавалькаду дядя Миша и Николай Александрович.

Я не стал ничего объяснять, просто показал на яму.

— Всем отойти, — сказал Толя, адресуясь и ко мне.

Мы отошли. Сердце во мне стучало быстро и тревожно. Я все-таки склонялся к тому, что это тайник Михаила Ивановича Швайко.

Толя сперва обошел яму. Затем легонько простучал костяшками пальцев по железу. Бочка почти целиком лежала в земле. Это ухудшало резонанс. Но по стуку Толи, который он повторил сильней и громче, было очевидно, что бочка не пуста.

Я воздал должное выдержке Григорьева. Острой саперной лопаткой он срезал землю тонкими ломтями, точно готовил для бутербродов сыр или колбасу.

Крышки у бочки не оказалось: сорвало, сгнила? И сверху набился песок.

Толя выгребал его пальцами с коротко остриженными ногтями. Лишь два или три раза, когда попадались крепкие комки, он рискнул порыхлить их тупой стороной карандаша. Чтобы ускорить дело, Толя прокопал в бочке «тоннель». Рука его погружалась в отверстие по самое плечо. Внезапно Толя замер:

— Все в укрытие. Тут взрывчатка!

Но разочарование от этих слов было столь велико, что никто не двинулся с места.

— Отставить укрытие! — так же неожиданно произнес младший лейтенант. — Это смола.

Смола заполняла почти половину бочки и покрывала внутренние стенки до самого верха, отчего железо и сохранило свою форму. На всякий случай выбили дно и проверили, нет ли в застывшей, окаменелой массе какого-нибудь закрытого котелка или железного ящичка. Не обнаружили ничего.

С горя отправились обедать. Суп с грехом пополам доварился. Но ели вяло. И больше в тот день не копали.

Не дожидаясь машины, ушли пешком в Лепляву. По дороге молчали. История с бочкой нас опустошила. Оказывается, не только я верил, что мы с часу на час отыщем тайник. И сегодняшняя неудача погубила рабочий день и надолго испортила каждому настроение. И никто из нас не догадывался, что никчемная находка имела прямое отношение к поиску, который мы вели.

Шел одиннадцатый день работы нашей экспедиции. Мы сидели с Толей Григорьевым на поваленном дереве и рассматривали самодельную схему произведенных раскопок, когда из-за дикой яблони появился боец Леонард.

Он был сильно обеспокоен.

— Товарищ младший лейтенант, — негромко произнес Леонард. — Я обнаружил массивное устройство неизвестной системы. Похоже на мину большой мощности.

Леонарда в части считали хорошим специалистом.

— Лес был полностью разминирован в сорок пятом, — встревоженно сказал Григорьев.

— Но это устройство я обнаружил случайно, без миноискателя. Возможно, миноискатель эту мину даже не слышит.

— В двух словах, но по порядку, — распорядился Григорьев.

Мне показалось, что Леонард на минуту смутился. Но неизвестное устройство — обстоятельство нешуточное. Пришлось рассказать все.

— В тридцати метрах от ямы, где лежала бочка со смолой, растет старая груша. Я знал, что дикие груши жесткие. Но тут я заметил на ветвях две покрупнее и поспелее. Не удержался, положил на землю миноискатель. Подпрыгнул. Ухватился за ветку. Потряс... Даже спелые груши невозможно было укусить. И когда я наклонился, чтобы взять миноискатель, я увидел, что из земли выглядывает макушка металлического колпачка. Как я, тряся грушу, на него не наступил? Я присел, сдул листья, чтобы вывинтить взрыватель... Но честное слово, вы такой взрыватель тоже не видели. Пойдемте, я вам покажу.

Мы торопливо поднялись. У подножия старой, дряхлой груши лежал оставленный Леонардом миноискатель. Среди желтой опавшей листвы темнел расчищенный круг земли размером с суповую тарелку.

И в самом его центре, как проклюнувшийся после дождика гриб, угрожающе выглядывала чуть заостренная шляпка. Даже на мой взгляд, взрыватель был крупнее обычного — притом, что он еще не был полностью очищен от грунта.

Толя поднял миноискатель, прослушал все подходы к дереву. Звук в наушниках усиливался лишь по мере приближения к опасной шляпке. Велев нам отойти, Григорьев лег на землю и чувствительными подушечками пальцев стал отгребать песчинки, засохшие веточки и щепки. Работал он осторожно и долго. Два или три раза делал короткий перерыв и лежал на земле,

закрыв глаза. Но вот движения его стали быстрей и уверенней.

Григорьев позволил нам с Леонардом приблизиться. Из ямки торчал шестигранный колпачок. Он был гораздо крупнее взрывателя противотанковой мины и мог по своему размеру принадлежать только мине морской.

— Лопату! — велел Григорьев.

И мы увидели странный предмет: колпачок был навинчен на горловину. А горловина впаяна в большой ящик. По длине и ширине ящик напоминал средних размеров чемодан. Только был раза в два толще. И до самого колпачка вымазан в смоле.

Григорьев внимательно проверил, нет ли секретных, гибельных для нас проводочков. Бережно извлек ящик. Отвинтил крышку. Она не сразу, но подалась. Он заглянул внутрь, ничего не увидел.

— По-моему, это автомобильный бак, — сказал он. — В нем что-то есть.

Вынеся бак на освещенное место, Толя сильной, цепкой рукой отогнул проржавевшую горловину, опять заглянул в отверстие и со словами «Извольте получить свой заказ» перевернул бак. На землю выпал красноватый, ссохшийся кусок картона. Поблекшими золотыми буквами на нем было вытеснено: «Орден... к... ка».

Толя снова взял бак в руки.

— Стоп. Ничего больше не трогайте, — попросил я.

И помчался к шалашам. Там, в вещевом мешке, давно лежал без дела мой фотоаппарат.

Возвратясь, я сделал первый кадр: бак и на земле возле него орденская книжка. Затем я поставил бак на место, кое-как прикрепил отломанную горловину. И снова щелкнул затвором: так находка выглядела в грунте.

Когда в «Зените» кончилась пленка, я обернулся. Весь наш кладоискательский отряд стоял за моей спиной и смотрел на бак. Я еще не знал, тут ли тетради Гайдара. Но уже не сомневался: перед нами тайник лесника Швайко. Или один из его тайников.

— Ребята, — сказал я. — Ура Леонарду!

Не знаю, слышал ли этот лес такое «ура». Почти два десятка не слабых глоток орали что было сил.

Мы погрузили инструменты в кабину экскаватора. Николай Александрович хотел положить на сиденье и бак.

— Бак мы понесем на носилках, — заявил младший лейтенант Толя.

Носилки соорудили из двух тонких жердей, соединенных поясными ремнями, осторожно водрузили находку и торжественно двинулись к Лепляве. Носильщики менялись. Понести бак хотелось каждому. И скоро я услышал обиженный шепот:

— Да, ты нес уже два раза!

Когда лес поредел и в просвет между деревьями можно было разглядеть крыши хат, я попросил кавалькаду остановиться.

— По деревне носилки понесут саперы. Нашли они. Это их праздник.

Толя сделался пунцовым.

— Привести себя в порядок, — негромкой скороговоркой произнес он. — Обтереть старой травкой сапоги... Поднять носилки. По героическому селу Лепляве, где геройски погиб товарищ Гайдар, за мной шагом марш!

Жаль, не было оркестра. Но и без него люди выбегали посмотреть на необычную процессию: впереди молодой офицер, за ним четверо солдат, которые на пружинящих тонких жердях несут что-то некрасивое, обмазанное смолой.

Бак поставили на лавку крыльца Афанасии Федоровны. У шоферов, которые обедали в кафе напротив, Толя раздобыл ножовку. С немыслимой быстротой стало известно, что саперы нашли тайник лесника Швайко. И к дому повалил народ.

Григорьев, возбужденный всеобщим вниманием, велел Леонарду крепко держать бак и принялся его распиливать.

Сделав надрез от горловины, Толя вогнул внутрь оба надпиленных края. Отверстие увеличилось. И Григорьев засунул в бак руку.

— Одна бумага, — то ли удивленно, то ли разочарованно произнес он.

— Ничего не вынимайте, — сказал я. — Несем бак в дом.

В избе Афанасия Федоровна торопливо сдернула со стола скатерть:

— Ставьте прямо на клеенку.

Бак занял половину стола.

В хату за нами ввалился весь поисковый отряд, шоферы, которые дали ножовку. И просто незнакомые люди. Толя сказал мне, показывая на бак:

— Теперь ваша работа.

Лавки вокруг стола были заняты. Кому не хватило скамеек и табуреток, стояли. Все ждали, когда я начну. А у меня дрожали руки. И еще я думал:

«Столько усилий. Столько народу. А вдруг этот бак закопал не Швайко? — Но сам же себе ответил: — Чей бы он ни был, мы его отыскали. И чьи-то судьбы через минуту перестанут быть безвестными».

Я опустил руку в отверстие. Бак был заполнен наполовину. И всюду, куда достигали пальцы, они ощущали влажный картон. Я выхватил наугад несколько тонких книжечек. Это оказались комсомольские билеты и командирское удостоверение. Они слиплись. Я не стал их раскрывать, пока не подсохнут и не распахнутся сами. И продолжал извлекать все, что находила рука.

Сверху лежали одни только удостоверения. Не терпелось посмотреть, а что же на самом дне, но я сдержался, опасаясь своей поспешностью повредить какой-нибудь документ.

Стол был усеян разноцветными книжечками. А я продолжал извлекать все новые. Видя, что больше некуда класть, Афанасия Федоровна расстелила на лежанке кусок чистого полотна.

— Кладите сюда, — разрешила она.

Я вздрогнул. Я нащупал стопку вчетверо

сложенных листов. Подсунул под них пальцы, потом всю ладонь, оторвал стопку от сырого железного дна. Я почувствовал, что бумага расползается на руке, как мокрая газета. Выхода не было: зажав стопку пальцами, я стремительно вынес ее на свет и подхватил другой рукой.

Положив листы рядом с баком, я не удержался и слегка отогнул верхние страницы. Текст был отпечатан на машинке. У Гайдара машинки никогда не было. Печатать он не умел. Но машинка имелась в отряде. На ней размножали сводки Совинформбюро. И Гайдар мог продиктовать кому-нибудь свои произведения, чтобы отослать их в Москву с Орловым или отдать на хранение двум-трем надежным людям.

Опасаясь прикосновением повредить бумагу, я стал дуть на слипшиеся страницы. В одном месте листки разошлись. И я успел прочесть: «Схема ук... ра...». По-видимому, «укрепрайона».

Я вернулся к столу, засучил повыше рукав. И тут лишь догадался, что бак ведь можно разрезать до конца. Я держал, а Толя быстрыми, сильными движениями допилил бак. Мы распахнули его на две половины, как разрезанный арбуз. И я увидел черную коленкоровую обложку с грубым тиснением. От влаги она выгнулась. На внутренней стороне коленкора стоял фирменный знак «Ленинград. Фабрика «Светоч».

Толя даже присвистнул:

— Никак та самая тетрадка, про какую вы нам рассказывали?

Я ничего не ответил: страницы ее были скрыты под толщей разноцветных мандатов. Я дал Григорьеву отнести на лежанку десятка два удостоверений, несколько почтовых запечатанных конвертов с размытыми адресами. Под конвертами оказалась тетрадь. А на самом дне еще одна, в коричневом переплете.

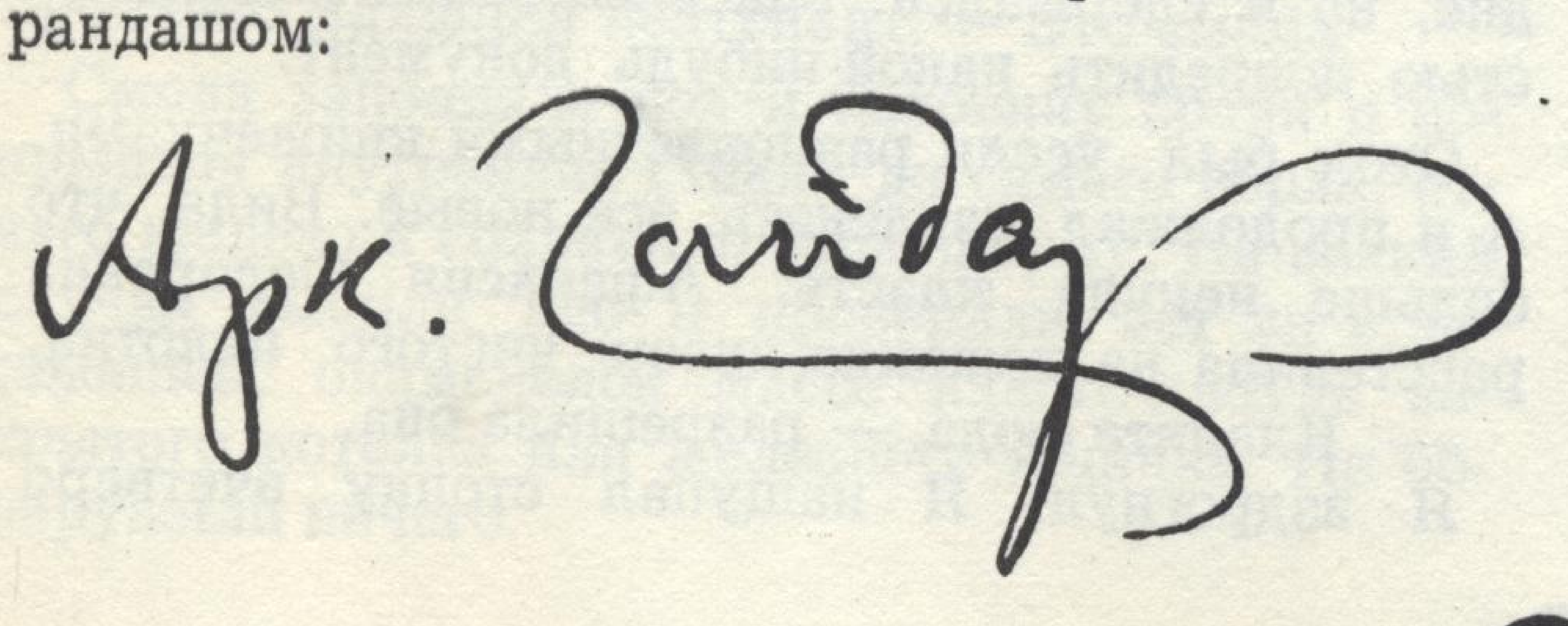
Коричневая плавала в лужице воды, вымокла и набухла. В испуге, что записи размыло, я тут же положил тетрадь на клеенку и начал сушить ее листы носовым платком.

В эту секунду Толя крикнул мне:

— Пляшите или не дам.

И подразнил меня издали тетрадкой в черном переплете. На первой ее странице была нарисована вот такая рожица:

И выведено расплывшимся чернильным карандашом:



В Канев я не поехал. Когда все ушли, я попросил Афанасию Федоровну затопить печь. Потом в Москве меня ругали, что я принялся за сушку бумаг один, не вызвав специалистов, которые бы пропитали страницы особым составом и т. д. Я обещал, что в следующий раз только так и поступлю, оправдываясь тем, что ни один листок у меня не рассыпался и не погиб.

А до Москвы и Киева была бессонная ночь в Лепляве. Афанасия Федоровна легла спать. А я до рассвета держал на руках тетради у зева русской печки.

Склеенные водой и краскою обложек, страницы разлипались медленно, однако я ни разу не прикоснулся к ним лезвием ножа, чтоб отделить один листок от другого. Я только дул в щель между страницами. Дул до полуобморочного состояния, до боли в груди.

К утру тетради немного подсохли. Коричневая, которая пострадала больше, так и осталась разбухшей. Я попытался ее приоткрыть, обложка угрожающе заскрипела. Я отложил ее до Москвы, чтобы передать в лабораторию реставрации книг и рукописей Государственной библиотеки Союза ССР имени В. И. Ленина.

Вторая тетрадь тоже находилась не в лучшем виде. Многие страницы спрессовались. Текст простым карандашом в иных местах стерся. К счастью, на последней трети страниц Аркадий Петрович пользовался химическим.

Строки, выведенные чернильным карандашом, расплылись, но вполне поддавались разбору. Я торопливо читал:

«Дети порою мудрее нас. В «Тимуре» у меня есть небольшой эпизод: жену убитого лейтенанта Павлова срочно вызывают в Москву. Она просит Женю приглядеть за ее маленькой дочкой.

А киевские пионеры организовали при кинотеатре «Смена» тимуровский детский сад. С малышами здесь играют, читают им сказки, разучивают песни. И два раза в день кормят (еду приносят матери, когда утром приводят детей).

Многие женщины смогли поступить на производство. А это и помощь фронту и подспорье семье».

«Узнал: тимуровских детских садов в Киеве несколько. Сегодня газета «Советская Украина» пишет, что такие же детские сады созданы в Харькове и Днепропетровске. Значит, добрые примеры тоже бывают заразительны».

«По пути на передовую и с передовой (другого времени нет) составлял «в уме» обращение к тимуровцам. Четыре раза пришлось прерывать работу, то есть кидаться на землю от близкого воя мины, когда шел туда. И шесть раз, когда возвращался обратно.

Нравится строчка: «У вас у всех ловкие ру-

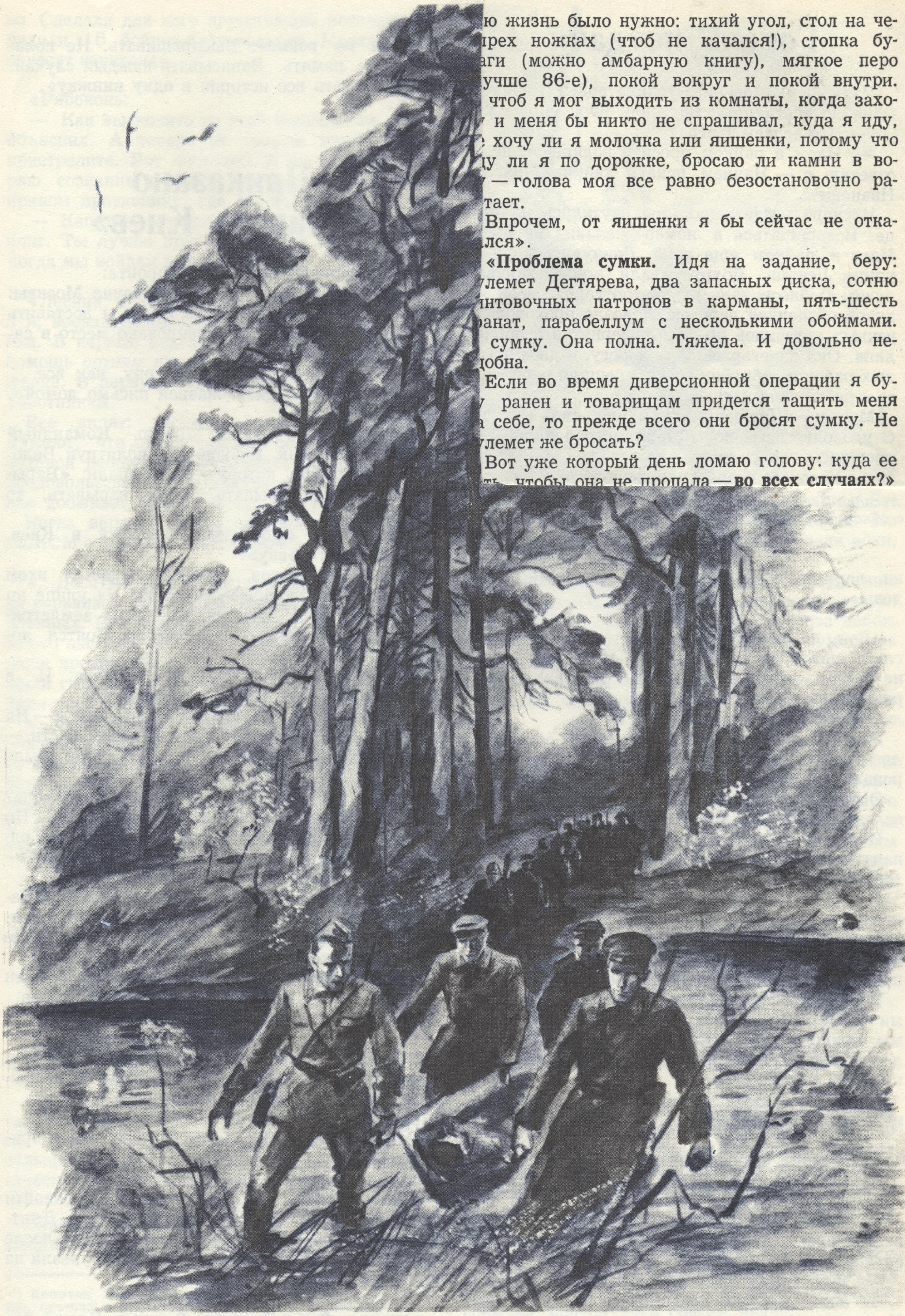
ю жизнь было нужно: тихий угол, стол на че-
ырех ножках (чтоб не качался!), стопка бу-
аги (можно амбарную книгу), мягкое перо
учше 86-е), покой вокруг и покой внутри.
чтоб я мог выходить из комнаты, когда захо-
и меня бы никто не спрашивал, куда я иду,
хочу ли я молочка или яишенки, потому что
ду ли я по дорожке, бросаю ли камни в во-
— голова моя все равно безостановочно ра-
тает.

Впрочем, от яишенки я бы сейчас не отка-
ался».

«Проблема сумки. Идя на задание, беру:
улемет Дегтярева, два запасных диска, сотню
нтовочных патронов в карманы, пять-шесть
ранат, парабеллум с несколькими обоймами.
сумку. Она полна. Тяжела. И довольно не-
добна.

Если во время диверсионной операции я бу-
ранен и товарищам придется тащить меня
а себе, то прежде всего они бросят сумку. Не
улемет же бросать?

Вот уже который день ломаю голову: куда ее
ть, чтобы она не пропала — **во всех случаях?»**



Бойцы-добровольцы, меняясь, несли на носилках раненого капитана Рябоконя.

сложенных листов. Подсунул под них пальцы потом всю ладонь, оторвал стопку от сыро железного дна. Я почувствовал, что бумага ра ползается на руке, как мокрая газета. Выход не было: зажав стопку пальцами, я стремител но вынес ее на свет и подхватил другой руко

Положив листы рядом с баком, я не уде жался и слегка отогнул верхние страниц Текст был отпечатан на машинке. У Гайда машинки никогда не было. Печатать он умел. Но машинка имелась в отряде. На н размножали сводки Совинформбюро. И Гайд мог продиктовать кому-нибудь свои произвед ния, чтобы отослать их в Москву с Орловы или отдать на хранение двум-трем надежны людям.

Опасаясь прикосновением повредить бумаг я стал дуть на слипшиеся страницы. В одно месте листки разошлись. И я успел прочест «Схема ук... ра...». По-видимому, «укре района».

Я вернулся к столу, засучил повыше рука И тут лишь догадался, что бак ведь мож

Аркадий Петрович Гайдар с сыном Тимуром в 1939 году.

ки, зоркие глаза, быстрые ноги и умные головы».

«Быт на войне полон драматизма. Мать послала детей (мальчику Саше — 7 лет, Марине — 9) в соседнее село. Там приболела старенькая бабушка. А днем деревню, где осталась мать, занял противник.

Детей задержал наш дозор, когда они пытались попасть домой, то есть на занятую гитлеровцами территорию.

Опасения майора, начальника штаба: «Что если дети работают на оккупантов?»

Испуг девочки: «Вы нам не верите? У нас папа танкист. Напишите ему: полевая почтовая станция № 1386».

И вдруг штабу понадобился проводник — провести наших разведчиков в глубь немецкой обороны. Кроме детей, просить о такой услуге некого. Новые сомнения майора: «Можно ли положиться в таком деле на ребятишек?»

Убедил его, что можно. Пошел с разведчиками и детьми сам. И увидел их мать, когда мы привели ребят. Женщина прокусила себе ладонь, чтобы не закричать. А другой рукой прижала детей к себе.

Через две хаты, в помещении сельсовета, находились гитлеровцы».

«Разговор в штабе фронта:

— Большое вам, А. П., спасибо!

— За что?!

— Ваши тимуровцы помогли раскрыть разветвленную разведывательно-диверсионную группу.

— Я-то здесь при чем? Благодарите ребят.

— Их-то мы уже представили к наградам. И велели проколоть дырочки на рубашках, — улыбнулся полковник».

«Дети на войне». Выспрашивать. Не полагаться на память. Записывать каждый случай. Потом собрать все истории **в одну книжку»**.

«Приказано оставить Киев»

«Последняя беседа в штабе фронта:

— Тов. Гайдар, есть распоряжение Москвы: любой ценой вывезти вас из Киева и доставить в Москву. Для вас зарезервировано место в самолете. Последнем.

— Спасибо. Я остаюсь. Я хочу, как все.

Отослал с последней оказией письмо домой».

«Цепной мост через Днепр. Командный пункт. Полковник Казнов. Ст. политрук Белоконев. Проблема, которую они решали: «Взрывать или не взрывать? Если взрывать, то когда?»

Предложил: «Позвольте я схожу в Киев, разведаю обстановку».

Звон моих шагов, который отдается эхом в металлических пролетах моста. На улице ни одного человека. Тишина, как перед землетрясением. Оккупанты еще не вошли. Боятся ловушки?

Красноармейская улица. Ни огонька. И в полутьме детский голос со слезинкой:

— Дядя, вы не видели мою маму? — На каменной тумбе у ворот девочка лет шести. — Мама сказала: «Я скоро приду». Еще было светло.

Вихрь мыслей. «Что с матерью: погибла? Тяжело заболела — отвели в больницу?» Но город пуст. Навести справки негде. Девочка одна в доме. Соседи эвакуировались. У меня — задание. И нельзя бросить ребенка.

Старый портной. Его жена и двое внуков. «Наша Аничка читала ваши книги. Вчера ушла санинструктором. Подбросила нам детей. Где двое, там и трое».

Оставил девочку им. Положил под графин немного денег. Девочку зовут Люба Громова.

Когда уходил, она меня спросила:

— Дядя, вы идете искать мою маму?

На КП вернулся под утро. Казнов: «Мы вас, признаться, уже не ждали». Решение было принято сразу после моего доклада.

Цепной мост взорван.

Никогда не думал, что буду к этому причастен.

«Семеновский лес. Все должно произойти сегодня. Но А. Д. (видимо, Александр Дмитриевич Орлов. — **Б. К.**) отдал приказ лишь после того, как местные комсомольцы ночью увезли на подводах раненых».

«Капитан Рябоконь — из местных. Сильно покалечен миной. То и дело впадает в беспамятст-

во. Сделали для него пружинящие носилки. Отрядили 16 бойцов-добровольцев. Меняясь, они понесут капитана».

«Рябоконь:

— Как выскочить из этой мышеловки, я вам объяснил. А теперь не тащите меня. Лучше пристрелите. Вот пистолет. А то я снова потеряю сознание и начну сигнализировать своим криком противнику, где вы находитесь.

— Капитан, — ответил я, — спрячь свой браунинг. Ты лучше пристрелишь из него Гитлера, когда мы войдем в Берлин» [1].

«Лесник. Служил у Щорса. В 1919-м он, как и я, воевал неподалеку отсюда, под Кременчугом. В первые недели нынешней войны оказал помощь сотням людей, которые попали в окружение. В первую очередь командирам и ответработникам.

Все видят: лесник — крупный организатор. Думают, что он специально оставлен для подпольной работы, имеет заранее подготовленные продовольственные и вещевые склады. А лесник добывает одежду и еду где только может.

Когда вернусь в Москву, поговорить в ЦК ВЛКСМ о награде — всей семье».

«...Десятый день в партизанском отряде. Вчера сорвалась операция по освобождению военнопленных. Все было разведано и выверено. Но кто-то нас часа на три опередил. Действовали наши предшественники неумело. Только всполошили гитлеровцев. И тут появились мы... Потеряли трех человек. И новый грузовик».

«...Физически я сейчас здоровей, чем в Москве: круглые сутки на свежем воздухе. Но во мне живет предчувствие тревожных событий. Мой прежний опыт говорит за то, что немцы скоро доберутся до нашего леса. А он невелик. И дозорная служба в отряде пока поставлена плохо. Беспечность поразительная.

В «Тимуре» есть песенка старого партизана:

Я третью ночь не сплю.
Мне слышится все то же
Движенье тайное в угрюмой тишине.
Винтовка руку жжет,
Тревога сердце гложет,
Как двадцать лет назад
Ночами... на войне...

Сейчас эту песенку петь самое время».

«Работал я раньше медленно, то есть сравнительно быстро писал, но долго очень готовился. Теперь моя задача — запасти как можно больше материала, чтобы дома работать практически без остановки: многое надо сказать».

«Сейчас мне кажется: дома я писал бы по книжке в месяц. В сущности, для работы мне всю жизнь было нужно: тихий угол, стол на четырех ножках (чтоб не качался!), стопка бумаги (можно амбарную книгу), мягкое перо (лучше 86-е), покой вокруг и покой внутри. И чтоб я мог выходить из комнаты, когда захочу и меня бы никто не спрашивал, куда я иду, не хочу ли я молочка или яишенки, потому что иду ли я по дорожке, бросаю ли камни в воду — голова моя все равно безостановочно работает.

Впрочем, от яишенки я бы сейчас не отказался».

«Проблема сумки. Идя на задание, беру: пулемет Дегтярева, два запасных диска, сотню винтовочных патронов в карманы, пять-шесть гранат, парабеллум с несколькими обоймами. И сумку. Она полна. Тяжела. И довольно неудобна.

Если во время диверсионной операции я буду ранен и товарищам придется тащить меня на себе, то прежде всего они бросят сумку. Не пулемет же бросать?

Вот уже который день ломаю голову: куда ее деть, чтобы она не пропала — **во всех случаях?»**

«Похолодало. Вечерами — заморозки. Печей в землянках нет, долго не поспишь. Но нет худа без добра — легче вставать среди ночи, чтобы проверять посты.

После обхода делаю несколько гимнастических упражнений по системе «для начальствующего состава Красной Армии». И снова набок. А чуть рассвело, я уже восседаю (с сумкой на коленях) на своем пеньке.

«Как там дома с дровами и с деньгами?»

«Кто-то вспомнит обо мне и вздохнет украдкой».

«Часто думаю: какими станут люди, когда закончится война? Мерзавцы, конечно, полностью не переведутся. Но каждый после всего пережитого сделается мягче, внимательнее и добрее. Нам будет что рассказать своим детям о человечности и героизме. И мы вырастим небывалое по душевной красоте поколение. И писать после войны мы должны лучше».

«Затекла спина. Столик для работы. Хотя бы на двух ножках».

Короткое пояснение

По всем законам поискового жанра я должен сейчас поставить точку, поблагодарить тебя, мой друг-читатель, за то, что ты мысленно разделил со мной долгий путь, не корил за промахи и молчаливо звал продолжать поиск. Но в жизни все гораздо сложней, чем в приключенческих книгах и фильмах.

То, что ты прочитал только что об автомобильном баке и его содержимом, я десятки раз мечтал тебе рассказать. А в действительности события повернулись совсем иначе...

[1] Капитан Яков Константинович Рябоконь, выздоровев, прошел с нашей армией Польшу, Германию и вторично был ранен под Берлином. (Примечание автора.)

Горечь неудачи

Итак, райкомовский «газик» довез Швайко и меня до гостиницы. Водитель Юра спросил:

— Что делаем завтра?

— Идем в райком просить подкрепление,— ответил я.— Начнем искать тайник Михаила Ивановича.

Наскоро позавтракав, мы очутились на улице. Возвращаться в номер желания не было. Идти в райком еще рано. Двинулись вниз по улице Ленина. Похрустывали под ботинками лужи. Поблескивали вдоль тротуаров своей ледяной оболочкой деревья. А возле продовольственных магазинов лежала вывернутая с корнем липа. Она перегораживала дорогу, и двое пожилых рабочих, обрубив ветви, спешили распилить ее и расчистить путь.

Мы со Швайко предложили свои услуги. С удовольствием поработали острой пилой. И, прощаясь, спросили:

— Кого это угораздило своротить?

— Сама липушка упала,— ответил один из рабочих.— Льда, какой на ней налип, не вынесла.

Стрелки показывали половину девятого. У подъезда райкома стояло десятка два автомашин. На обоих этажах тревожно хлопали двери. Громко и торопливо переговаривались голоса. А возле приемной нас дожидался взъерошенный Юра.

— Наконец-то,— произнес он,— я уже в гостиницу бегал. Не может Петр Филатович вас нынче принять.

— Почему?!

— Бедствие у нас. Оледенелые деревья падают по всему району. Нет электричества. Не работают телефон и телеграф. Вчера вечером на автобус, который шел из Киева, упала старая яблоня. Хорошо, никто не пострадал.

Мы обождали два дня. Заработал телеграф. Но в гостинице по вечерам жгли свечи. Стало очевидно, что району еще долго будет не до нас. И мы со Швайко разъехались по домам.

Расставались мы с ним ненадолго — до конца мая. Ребята и учителя из Леплявской школы обещали нам помочь летом в раскопках. Надежда на весну, когда светит солнце и под тяжестью налипшего льда не падают деревья, сглаживала горечь неудачи.

Записка

Дома на столе меня ждала записка: «...Как только вернетесь, сразу позвоните. Ваш Ник. Богданов».

Николай Владимирович Богданов, известный детский писатель, автор книг «И грянул бой», «О смелых и умелых», «Когда я был вожатым», «Гайдар у горы Магнитной», дружил в предвоенные годы с Аркадием Петровичем.

Я тут же набрал его номер.

— Вы очень заняты в ближайшее время? — спросил меня Николай Владимирович.— Понимаете, «Мосфильм» настаивает, чтобы я сделал сценарий по своему роману «Первая девушка». А у меня договор с «Молодой гвардией». И я решил просить вас написать вместо меня книгу о Гайдаре для серии «Жизнь замечательных людей». Что вы молчите? Редакция согласна.

Пришла весна. Стаял снег. В лесу можно было допоздна копать без костров. Я привел в порядок свое походное снаряжение и отправился в путь. Только ехал я не в Лепляву.

Чтобы ускорить мою работу над книгой о Гайдаре, Центральный Комитет комсомола дал мне возможность посетить все места, где жил, воевал и работал Гайдар.

Мне предстоял такой маршрут: Москва — Ленинград — Архангельск и Архангельская область — Льгов — Арзамас — Горький — Казань — Пермь — Свердловск — Оренбург — Астрахань — Баку — Ставропольский край — Красноярск — Абакан — Ужур — Хабаровск — Москва.

В каждом городе я разыскивал людей, которые знали Аркадия Петровича, подолгу беседовал с ними, записывал их воспоминания на пленку. Почти в каждом городе я работал в архивах, где искал и находил документы о революционной, военной и литературной деятельности Гайдара и его друзей.

Картонные коробки с кассетами магнитофонной и фотографической пленки, фотокопии документов, бумаги, которые мне дарили мои новые знакомые, и свои рабочие записи я отсылал по почте в Москву.

В эту поездку я разыскал свыше ста человек. Гайдар в воспоминаниях этих людей был и похожий и разный.

Ученик реального училища. Один из первых комсомольцев Арзамаса. Посыльный при Арзамасском горкоме партии. Адъютант командующего. Курсант Киевских командных курсов. Командир курсантской роты. Командир батальона. Командир полка. Начальник боевого района. Отставной комполка, уволенный из армии по болезни. Начинающий писатель. Журналист. Известный писатель. Кинодраматург. Военный корреспондент «Комсомольской правды» на Юго-Западном фронте. Окруженец. Пулеметчик партизанского отряда...

Я посетил льговский дом, где Гайдар родился, и арзамасский, где прошло его детство, долго стоял на плацу бывших Киевских командных курсов. Здесь Аркадию Голикову и его товарищам зачитали приказ и походным порядком направили в прорыв против белых под деревню Кожуховка.

Я разыскал и Кожуховку, где теперь создан большой совхоз «Кожуховский». Здесь курсанты столкнулись на рассвете с белыми. В первые же минуты погиб командир их курсантской роты Яков Оксюз. Его заменил 15-летний Аркадий Голиков.

В Сибири я вскарабкался на Поднебесный зуб. Начальнику второго боевого района Голи-

Едва рассветет, а Гайдар уже восседает с сумкой на коленях на своем пеньке.

кову пришлось взять эту гору штурмом в одну ночь: здесь находилась главная база атамана Соловьева. В Перми, Свердловске, Хабаровске я подолгу сидел в помещениях редакций, где работал Аркадий Петрович.

Все, что мною было увидено, пережито, запомнено, сфотографировано, записано на магнитофон, нужно было осмыслить, изучить, отделить главное от второстепенного, а потом сжато и связно рассказать.

Документальная повесть «Обыкновенная биография» (Гайдар) появилась на прилавках книжных магазинов в июне 1971 года.

Руки у меня были развязаны. У Швайко, я знал, начался отпуск. Самое время было нам обоим поехать в Лепляву и взять в руки лопаты.

Я позвонил в Канев. И мне ответили:

— Строительство Каневской ГЭС началось. Днепр перекрыт. Партизанский лес затоплен...

Меня наполнило чувство глубокой боли.

Я оповестил Василия Михайловича, что наша с ним экспедиция отменяется. Навсегда.

Сюрпризы леплявского леса

Прошло несколько лет. Недавно проездом я сделал на день остановку в Лепляве. Меня давно тянуло посмотреть на затопленный лес. Я никак не мог себе вообразить, что знакомые места превратились в дно и берег моря.

Из дома Афанасии Федоровны я повернул налево. На окраине села проселок пошел слегка под уклон, и я очутился в лесу. Он и раньше не был густым. Теперь сделался еще реже. Торчали пни. Темнели невывезенные штабеля.

Километрах в пяти от Леплявы дорогу пересекла бетонная трасса, выложенная шестиугольными плитами, как взлетная полоса. Растительность по ее обочинам была вырублена. А дальше, метрах в ста, опять начинались прореженные заросли.

Я пересек «взлетную полосу», двинулся дальше. Здесь начиналось обширное редколесье. Старые деревья были сведены. Тянулся к солнцу только молодняк. Пейзаж резко изменился, но я мог поручиться, что иду по знакомой тропе.

Стежка вывела меня на просторную поляну. Тут не росло ни одного кустика. Землю прочерчивали только ровные квадраты старательно уложенных валунов. Это были фундаменты. Зрительная память мысленно восстановила снесенные постройки.

Там, в отдалении, вспоминал я, находилась изба с высоким крыльцом. В ней жила глухонемая девочка. Однажды я зашел сюда напиться, а на меня накинулась большая овчарка, которая охраняла девочку и дом, и прокусила мне ногу.

А справа от меня тогда же стоял второй дом, их всего тут было два. В стороне от обеих изб мрачно темнел заброшенный длинный сарай без крыши, который все называли лесопильным заводом: до войны тут работала пилорама.

На поляну, где я сейчас стоял, утром 22 и 23 октября 1941 года прибыли грузовики с карателями.

Но шум автомобильных моторов услышал Аркадий Петрович, который в этот ранний час сидел на пеньке и, положив на колени сумку, работал.

...От лесопильного завода до партизанского лагеря было подать рукой. Никакого Каневского моря я еще не видел.

Направился быстрым шагом по чуть приметной тропе, которая петляла между пнями. Я точно знал, куда она ведет. Сначала я должен был увидеть дом или хотя бы развалины его.

За невырубленным орешником открылась другая поляна. За полусгнившей изгородью темнел еще один фундамент и вздымала вверх обломанную трубу русская печь.

Здесь в 1940 году стоял дом лесника. Не тот, в котором жил Швайко со своей семьей, а тот, в котором командир партизанского отряда поселил полковника Орлова и его группу. До окончательного перехода в партизанский лагерь в этом доме ночевал и Гайдар.

Подумалось: если я стою сейчас на сухой и твердой земле, значит, и партизанский лагерь еще не стал морским дном?

Я побежал по дороге, по которой давно никто не ходил. Слева начиналась просека. Однажды я сильно устал. Захотел сократить путь. Пошел по ней — и заблудился... А рядом с просекой должны расти две дикие яблони... Яблонь нет. Только пни от них. Но сейчас это уже неважно, потому что сразу за дорогой должен быть лагерь...

Яма под дубом. Здесь стояла землянка Гайдара. Вокруг нее следы других землянок. Поблизости должен находиться межевой столб 154/155. Есть! Стоит!

Рядом со столбом площадка. На ней была оборудована кухня и столовая отряда. А неподалеку пень. Широкий, с одной стороны косо спиленный. Это на нем, положив на колени сумку, каждое утро работал Гайдар. Пень тоже не ушел под воду.

Но ведь барак лесника Швайко вообще стоит на холме!

Перед новым марафоном я присел на пень Аркадия Петровича. Сколько же на этом пне было Гайдаром передумано! Сколько заполнено страниц в тетрадях!

К усадьбе Швайко я направился самым коротким путем. Пересек «взлетную полосу», и двинулся вдоль стены кустарника, ища глазами дорогу, ведущую к бараку.

Еще издали я увидел крутой скат, где Юра опасался опрокинуть свой «газик», а Василий Михайлович потерял однажды писателя. И услышал голоса. Они доносились сверху, со стороны дома, к которому я направлялся.

Меня охватило беспокойство. Я начал искать какой-нибудь лаз. Не нашел, стал продираться напрямик через кусты и вскарабкался на гору неподалеку от барака. От него тоже остался только фундамент. И я с досадой подумал о своем непоправимом промахе: не сфотографировал дом. Казалось: успею.

Я обошел со всех сторон площадку, на которой стоял дом. Споткнулся о чугунный горшок. Не в нем ли Анна Антоновна варила картошку и кашу для окруженцев? Но меня снова отвлекли голоса.

Миновав бывший огород, я углубился в лес, где мы со Швайко искали футбольный мяч Володи, и увидел четыре брезентовые палатки, потухший костер и горку заботливо припасенного хвороста. Поблизости не оказалось ни души.

Пройдя еще немного, я увидел две группы ребят, человек десять. Они копали лопатами землю. А рядом с ними неумело орудовала длинным стальным щупом молодая женщина в спортивных брюках и синей кофточке — пионервожатая или учительница.

— Здравствуйте, — негромко сказал я.

От звука моего голоса все вздрогнули, прервали работу, а учительница оставила воткнутый щуп и вынула из карманчика мятую бумажку.

— У нас есть разрешение, — сказала она.

Я не стал читать бумажку. Только спросил:

— Что вы тут ищете?

Учительница повернулась к светлоголовому мальчику с планшеткой на боку.

— Гоша, — попросила она, — объясни товарищу.

Гоша по-военному разгладил складки клетчатой рубахи, поправил ремешок планшета.

— Жил на земле писатель, — начал он, — фамилия Гайдар. Не слыхали?

— Кажется, слыхал. Смотрел в детстве фильм про Тимура. Не его?

— Его, — деловито кивнул Гоша. — А в том бараке, мимо которого вы только что прошли...

— Извини, пожалуйста, барака я не заметил.

— Барак снесен, но остался фундамент, — уточнила учительница.

— В бараке этом в 1941 году жил лесник, — продолжал Гоша, — герой гражданской войны. Вместе с Николаем Щорсом рубил белых. А по соседству, в Гельмязевском партизанском отряде, служил пулеметчиком Аркадий Петрович, тот самый писатель, фильм которого вы видели в детстве. Обстановка в 1941 году была трудная. А у Гайдара была сумка. Не такая, как у меня. Потолще.

— Брезентовая. Из-под противогаза, — заметила учительница.

— И в ней рукописи, — продолжал Гоша. — То есть уже совершенно готовые книги. Их оставалось только напечатать в типографии. Дело в том, что в отряде Аркадий Петрович очень быстро работал. — Гоша разволновался, промокнул вспотевший лоб чистым платком. — Но в отряде оказался предатель. Гайдар понял, что носить при себе рукописи опасно. Могли пропасть. Понимаете?.. И Аркадий Петрович отдал их на хранение леснику, чтоб он после войны переслал бумаги в Москву. А лесник и сам погиб, не успев никому сообщить, где тайник. Вот нам и приходится искать.

— Может, товарищу что-нибудь неясно? — напомнила Гоше учительница. — Рукописи имеют большую художественную и историческую ценность.

— Благодарю, — с трудом вымолвил я. — Мне все ясно. Я только не понял, откуда вы приехали.

— Из Челябинска, — ответила коротко постриженная девочка. — Мы разносили по праздникам телеграммы, перебирали на овощной базе капусту, сидели с малышами от фирмы «Заря», накопили денег и приехали искать. А до нас тут искали ребята из Архангельска, Перми, Ленинграда, Стерлитамака. Приезжала целая школа вожатых, не помню откуда. А еще приезжают взрослые. Ставят в лесу палатку и копают целый отпуск.

Говорят, раньше сердилась милиция. А теперь не сердится. Ей объяснили, что это операция «Сумка Гайдара».

— Полным текстом, — попросила учительница.

— Всесоюзная тимуровская операция «Сумка Гайдара», — повторила девочка. — Только до нас все копали возле дома, где жила группа Орлова, поэтому ничего не могли найти. А Гоша на заседании тимуровского штаба доказал, что искать надо возле дома лесника Швайко.

Я с уважением посмотрел на потупившегося Гошу: мне бы такого помощника.

— Что-нибудь нашли? — спросил я.

— Пока только две каски, — ответила девочка. — Ложку. Кусок винтовки.

Я поднялся.

— Спасибо. Извините, что отвлек от дела.

— Что вы. Мы были очень рады, — с облегчением произнесла учительница.

Я пожал руку успокоенной учительнице, толковой стриженой девочке и мудрому человеку Гоше. Поклонился остальным ребятам и двинулся в обратный путь.

Теперь я верил в свершимость невозможного. Гайдаровский лес не стал морским дном. Значит, можно создавать филиал Библиотеки А. П. Гайдара в Каневе — «Партизанский лагерь».

Но самое главное, не затонула усадьба лесника. А следовательно, не ушел под воду и тайник.

И если ребята до зимы не найдут бумаги Гайдара, весной еду в Лепляву.

Из Канева я дал телеграмму Василию Михайловичу Швайко. Поиск будет продолжен.

КОНЕЦ

Дорогой друг!

Ты прочитал повесть Бориса Николаевича Камова «Сумка Гайдара». Вместе с автором ты прошел дорогами Великой Отечественной войны, посетил те места, где сражался и погиб Аркадий Петрович Гайдар. Сопоставляя факты, искал ответ на вопросы: «Успел ли Аркадий Петрович отдать в надежные руки свои бумаги? Если успел, то где и кому?»

И вот закончена повесть, но не закончен поиск. И мы бы хотели тебя спросить:

УЧАСТВОВАЛ ЛИ ТЫ ВО ВСЕСОЮЗНОЙ ОПЕРАЦИИ «СУМКА ГАЙДАРА»? ЕСЛИ ДА, РАССКАЖИ ОБ ЭТОМ ПОДРОБНО.

ПОСЧАСТЛИВИЛОСЬ ЛИ ТЕБЕ ВСТРЕЧАТЬСЯ С ЛЮДЬМИ, КОТОРЫЕ ЗНАЛИ А. П. ГАЙДАРА, ПОЛКОВНИКА А. Д. ОРЛОВА И ЛЕСНИКА М. И. ШВАЙКО? РАССКАЖИ И ОБ ЭТОМ. КОГДА И С КЕМ ПРОИЗОШЛА ВСТРЕЧА? О ЧЕМ ШЕЛ РАЗГОВОР?

Ждем твоих писем. На конверте сделай пометку «Сумка Гайдара».

Редакция журнала «Пионер»
Всесоюзный штаб Тимура

А. Гайдар со своими читателями в 1941 году.

Смешные слова наречия

Лев УСПЕНСКИЙ

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ

Знаете, какая теперь завелась мода? Идет человек в лес и притаскивает оттуда целую кучу корявых сучков, корней, разных древесных наростов.

А потом начинает разбирать эти свои драгоценности, и домашние удивляются: посмотришь на этот сучок, а он, оказывается, вылитый Конек-Горбунок. Второй как две капли воды похож на Бабу-Ягу. Третий точно вылеплен с Царевны-Лягушки... Все сучки́, и все разные.

Я всякий раз вспоминаю про эти лесные самородки-поделки, когда начинаю думать об одной нашей части речи — о наречиях. Удивительная часть речи.

Но сначала приглядитесь к другим «частям». Самые главные из них (существительные, глаголы, прилагательные) можно сравнить с аккуратно оструганными и обрезанными чурбанчиками разных «фасонов».

Вот существительные. Очень большое число из тех, которые женского рода, оканчиваются на звук «а» — лунА, веснА, синицА, мамА. Иногда после мягких согласных мы пишем в этих случаях букву «Я» — сонЯ, цапЛЯ, нюнЯ, но это «я» звучит все равно, как «а».

Среди существительных мужского рода уйма таких, которые оканчиваются на твердый согласный: жуК, доМ, космонавТ, сыН и так далее. Хотите найти такие, у которых стоит на конце «о», приглядитесь к среднему роду: окнО, сверлО, дуплО, существО, веществО...

Это не обязательно так, но очень часто случается.

А теперь давайте возьмем и выпишем из какого-нибудь учебника подряд все перечисленные там наречия:

веселО
колючЕ
мастерскИ
бегоМ
вприпрыжкУ
иногдА
немедлЯ

С меня хватит. А вам я могу предложить такое полуупражнение-полуигру: **возьмите и подберите наречия (тридцать три штуки) так, чтобы первое оканчивалось на «а» (как «иногдА»), второе — на «б» (как «вперегиБ»), третье — на «в» (например, «стремглаВ») и так далее, вплоть до буквы «я», до наречий «сидЯ» или «нехотЯ».**

Вы скажете: это невозможно! Я скажу: возможно — и буду почти прав.

Я уже составил такой список. Правда, в нем не тридцать три, а, естественно, только двадцать девять разных букв на концах. Если вы подумаете почему, вы и сами можете докопаться до истины. Но, чтобы вас не мучить, подскажу.

Не может ведь быть наречий, которые оканчивались бы на звук (и букву) «э» оборотное. Почему? Потому что не существует таких русских слов, которые бы на нее оканчивались. Иностранных много (если их написать русскими буквами). Так, например, «никогда» по-французски будет «жамэ», но ведь это хоть и «наречие», однако не рус-

ское; нас с вами оно не устраивает.

Невозможно найти и оканчивающихся на «ф». Почему?

А вы попробуйте отыскать все существительные, которые оканчиваются в нашем языке на «ф». Я нашел таких всего сто шестнадцать (с теми, которые на «фь», будет гораздо больше, но они оканчиваются уже на «ь», а это — дело другое).

Почему такое умаление? В одной из наших следующих бесед я расскажу вам, чем удивительна наша буква «ф» и почему ее можно считать «редкостной» буквой в нашем письме. Наречий, оканчивающихся на «ф», я не нашел вообще.

Само собой понятно, что не существует наречий (да и вообще никаких слов), которые кончались бы на «твердый знак».

А вот наречий, которые оканчивались бы на «ц» или «щ», я опять-таки **не смог разыскать:** не знаю, есть ли они? Хотя существительные на обе эти буквы превосходно существуют. **Особо ретивые из вас, может быть, побьют мой рекорд и обнаружат наречия и на «ц» и на «щ»** — тогда я преклоню перед ними свою голову и колена.

А теперь подумаем немного, почему эта часть речи, наречие, имеет такие причудливые и разнообразные формы?

Чтобы понять это, надо поставить перед собою вопрос: **а как и из чего они образуются?**

Они рождаются на свет самыми разнообразными путями.

1. Бывает, что живет-живет существительное, а потом, не меняя в себе ни звука, как бы продолжая оставаться именительным падежом единственного числа, вдруг превращается в самое настоящее НАРЕЧИЕ.

Сравните-ка у Пушкина: «Я видел **смерть,** она в молчаньи села у мирного порога моего».

И у Гоголя: **«Смерть** люблю узнать, что есть нового на свете!»

Или другие примеры:

«Ребенка объял **ужас,** он... бросился к няньке». (Гончаров).

«Дед у него — **ужас,** какой смелый!» (К. Паустовский).

В первом случае «ужас» — существительное, во втором — наречие.

То же самое и со «смертью».

Помните маленького, смешного, умилительного и жалкого Ваньку Жукова у А. П. Чехова. Его отдали в Москву в «ученье» к хозяину, а он, придя в отчаяние, пишет «на деревню дедушке» слезное письмо: «Возьми меня отседа. Пожалей ты меня, сироту несчастную, а то меня все колотят и кушать **страсть** хочется...»

Видите? Здесь слово «страсть» уже никак нельзя принять за имя существительное. Ведь его в этом случае невозможно склонять: «Кушать страсти хочется», «Кушать страстям хочется», «Кушать о страсти хочется??»... Нет, ничего не получается; перед нами неизменяемая часть речи — наречие.

Очень многие из наших наречий образовались теми же способами, какими мы образуем их и сейчас, но в такие стародавние времена, когда многие известные нам и теперь слова имели совсем другой смысл, а немало было и таких, о которых сама память пропала. Особенно часто встречаются такие наречия в «народном», а не «книжном» языке. Причем, если бы я начал перебирать тут способы образования ВСЕХ НАРЕЧИЙ, мы бы на том и застряли.

Вернемся же к тем семи их образцам, которые я упомянул в начале нашего разговора. Откуда **они** взялись?

Ну, первые три возникли из имен прилагательных, прицепивших к себе разные «наречные» суффиксы. «Весело» — из краткого прилагательного среднего рода с основой на твердый согласный «л» и из суффикса «о»: Весел... весела́... весело...

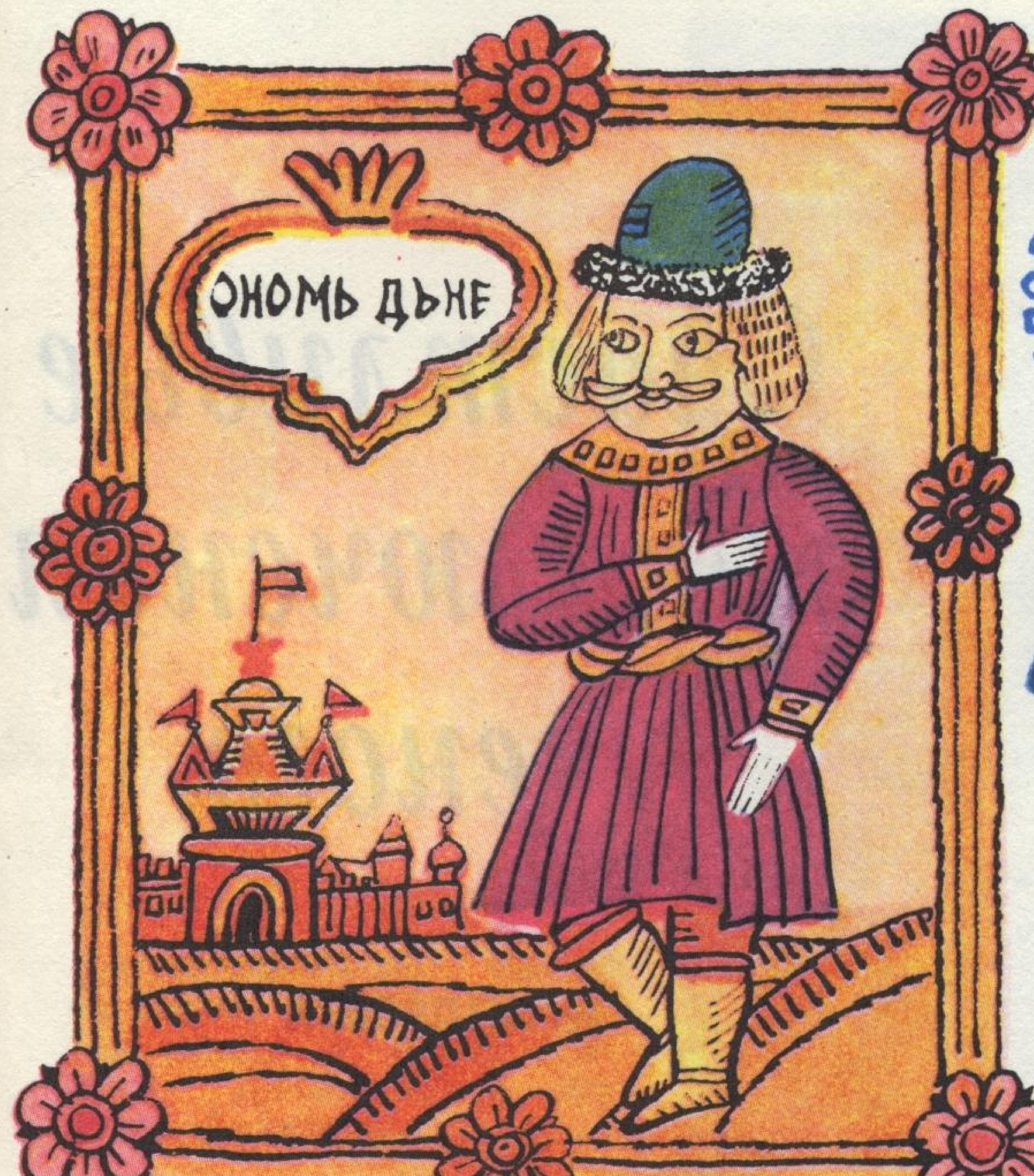
«Певуче» возникло так же: только основа-то прилагательного оканчивалась на мягкий звук «ч», соответственно пригодился суффикс «е».

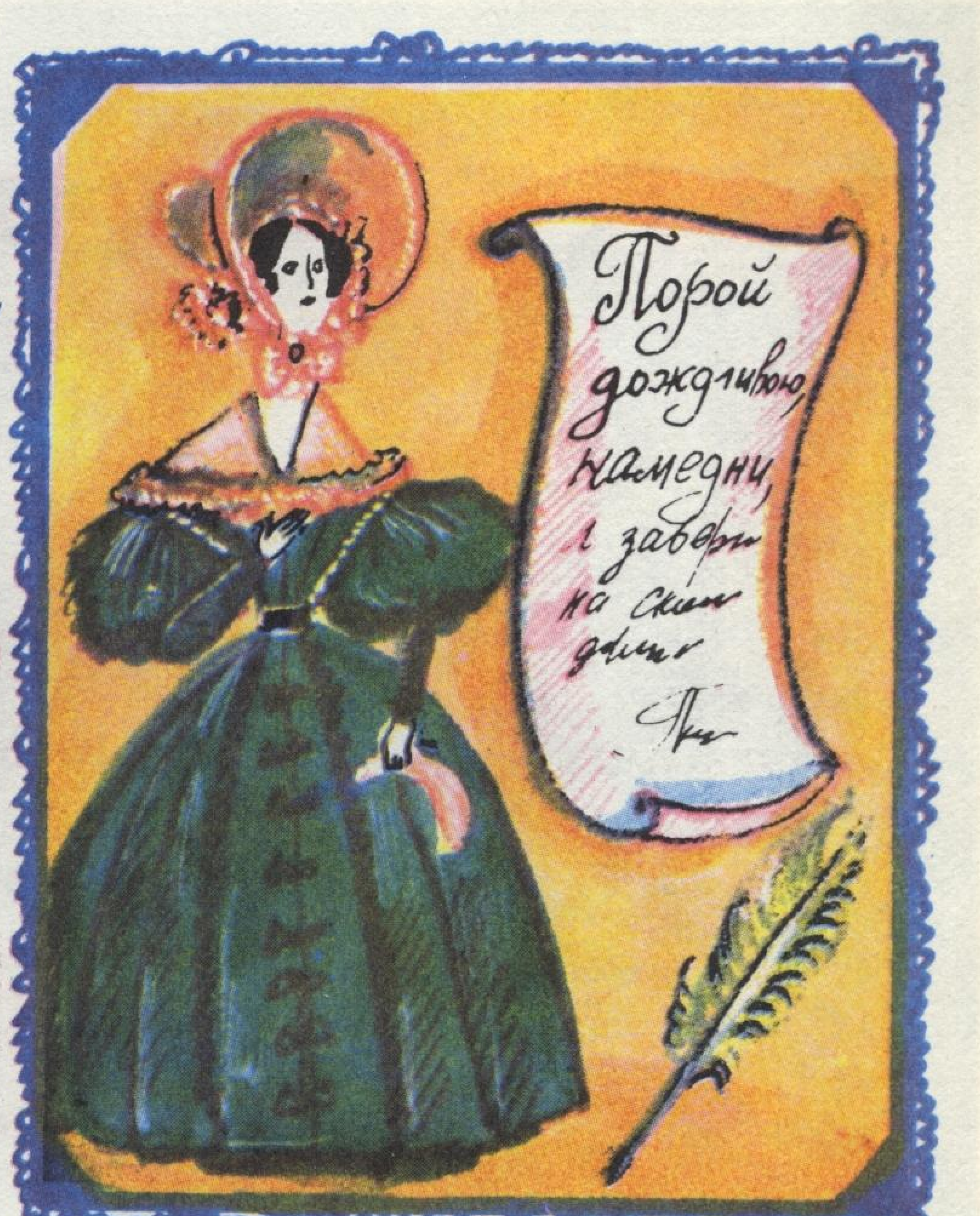
«Мастерски»... Такие наречия происходят тоже от кратких форм, но только одного-единственного типа прилагательных (на «ский» или «цкий»). Повспоминайте, и вы припомните штук пять.

Что же, значит, все они от прилагательных? Отнюдь!

Вот, жило-было существительное «БЕГ». У него были все шесть падежей, и в частности ТВОРИТЕЛЬНЫЙ: «БЕ́ГОМ», с ударением на первом слоге. В один прекрасный день этот творительный падеж решил отделиться от своего существительного и зажить самостоятельной жизнью. Он взял и передвинул свое ударение на затылок —

«БЕГО́М». После этого стало уже совершенно немыслимо сказать: «Этот спортсмен очень интересуется БЕ́ГОМ (чем?)» Но зато стало очень удобно спросить: «А мне туда как добираться, БЕГО́М?» Творительный исчез, появилось наречие.





Нетрудно разыскать в языке наречия, относительно которых не так-то просто догадаться, какие существительные (в том или другом падеже) их породили. Вот «БЕГОМ» — творительный от «БЕГ». А «ТРЮШКОМ» — от какого существительного? Сейчас мы с вами не знаем имени существительного «ТРЮШОК», но раз можно сказать «ТРЮШКОМ», то, наверное, оно было когда-нибудь.

Это можно проиллюстрировать. Вот наречие КУВЫРКОМ — тоже творительный падеж?

А почему нет? КУБАРЕМ — творительный от КУБАРЬ, КУВЫРКОМ — от КУВЫРОК.

Разгадывая, как построены разные «странные» наречия, можно докопаться до таких слов, которых уже давным-давно нет, но которые когда-то были.

Вот у Пушкина сказано: «Порой дождливою, НАМЕДНИ, я, завернув на скотный двор...»

«Намедни», значит, недавно. Да, но из каких слов это наречие сложено? Ответить на это может только ученый-языковед. В слово впрессовано целое древнерусское словосочетание — «ОНОМЬ ДЬНЕ». «Ономь» примерно значит «вот тем», а «дьне» — «днем». Мы с вами сейчас так не говорим и не пишем, но наши пращуры именно так выражались о недавнем прошлом. От них и дошло до нас, видоизменившись, это НАМЕДНИ.

В словарях вы можете найти и еще более хитроумные «корявые ветки и корневища» наречий. Например: НАВЫНТАРАТЫ. Не слыхали? Потерпите: может быть, еще и повезет — услышите. Смысл этого словечка: «наоборот», «навыворот». И, по мнению ученых, оно сложилось из предлога «НА» и наречия «ВОН», причем последнее слилось воедино с перековерканным «выворот».

Смешные слова — наречия! Я уже хотел на этом остановиться да вдруг вспомнил описание пляски Водяного Царя в балладе «Садко» А. К. Толстого. Помните, как Царь расплясался: «Бояре в испуге ползут ОКАРАЧЬ...» Как он: «Ломает коленца и взад и вперед, валяет ЗАГРЕБОМ И СКОКОМ...»

Хороши наречия? **Вот поломайте головы: из каких слов (или слова) построено наречие ОКАРАЧЬ, каким другим словам оно родственно и каковы дальние родственники слова ОКАРАЧЬ?**

Дорогие ребята!
Ждем ваших писем с ответами на задания Льва Васильевича Успенского.
На конверте напишите: «Смешные слова — наречия».

Счастливые приключения ученого

И. АНДРЕЕВА

Знаете ли вы, что первый рассказ Ираклия Андроникова «Загадка Н. Ф. И.» был напечатан в журнале «Пионер»? Тогда был он молодым историком литературы, принимал участие в издании академического собрания сочинений Лермонтова, только что сделал первое свое научное открытие: расшифровал, кому были посвящены стихи Лермонтова, скрытые под инициалами «Н.Ф.И.», и написал об этом строгую научную статью.

А летом 1936 года вместе с Б. А. Ивантером, тогдашним редактором «Пионера», они отправились на Кавказ, и по дороге Андроников рассказывал историю любви семнадцатилетнего поэта, историю своих поисков. Он в лицах изображал современников Лермонтова и своих современников-москвичей, которые помогали ему в розысках. Потом в рассказ въехал сундук, принадлежавший внучке Натальи Федоровны Ивановой, загадочной «Н. Ф. И.», сам Андроников внес его на плечах в квартиру, сомневаясь и одновременно надеясь, что найдется в этом сундуке память о Лермонтове — альбом со стихами, но из сундука стали появляться веера, перламутровые альбомчики, керосинка, колун и, наконец, на самом дне портрет Натальи Федоровны Ивановой. А стихи, неизвестные стихи Лермонтова, посвященные Наталье Федоровне, Андроников вскоре тоже нашел.

И слушая этот взволнованный, страстный голос, Ивантер не выдержал: «Ты с ума сошел! — закричал он. — Ты академическим стилем задурил себе голову. Это же детективная повесть!»

Он сразу разглядел в рассказе ученого новый литературный жанр, совершенно необходимый читателям «Пионера». И не им одним.

Конечно, новые стихи Лермонтова вошли в собрание его сочинений, и всегда теперь печатается среди стихов поэта портрет Натальи Федоровны Ивановой, а результаты своих поисков Андроников изложил в статье. Но разве в статью могли войти бессонные ночи, кропотливые поиски людей, которые могли протянуть какую-то ниточку в прошлое, сомнение, отчаяние и надежды ученого, романтика научного поиска. Зато все это заключено в каждой фразе, в каждом слове «Рассказов литературоведа». (Мы надеемся, что эту книжку Андроникова ты прочел. Шесть раз выходила она в издательстве «Детская литература»). Что творится с Андрониковым, когда в случайном альбоме он вдруг узнает руку, почерк Лермонтова: «Я замер от восторга, от неожиданности! Нет, как хотите, но чтобы обнаружить такие неожиданные находки, нужно чугунное здоровье! Я ослабел просто!».

Сколько замечательных литературных находок сделал с тех пор Андроников и сколько увлекательных, поистине детективных рассказов написал.

Вот он случайно нашел неизвестный портрет и доказал, что это портрет Лермонтова («Портрет»). Вот он отправился по Военно-Грузинской дороге искать места, которые изображены на рисунках и картинах Лермонтовым («Подпись под рисунком»).

А вот он уже мчится в замок Хохберг за Рейном: там жила Сашенька Верещагина, друг Лермонтова, и часть архива поэта оказалась в Германии («Сокровища замка Хохберг»).

К этому надо добавить и «Тагильскую находку» — переписку Карамзиных, бывших очевидцами преддуэльной истории Пушкина, и разыскания о Павле Бестужеве, Александре Чавчавадзе. И еще увлечение историей музыки...

И только один рассказ Андроникова посвящен несостоявшемуся открытию.

Так и называется он: «Заколдованное стихотворение». Еще бы не заколдованное: Андроников встречает множество людей, которые своими глазами видели приписываемое Лермонтову

стихотворение: «Краса природы! Совершенство!» Он летит на самолете на Украину, мчится от деревни к деревне на «газике», а стихотворение так и не далось в руки. Но это — единственное пока несостоявшееся открытие.

Невольно возникает мысль: а почему он все находит и находит неизвестные стихи и рисунки Лермонтова, портреты близких ему людей, письма, целые архивы? Может, он счастливчик такой, Андроников?

Секрет, скажем прямо, довольно прост: он знает, **что** искать, **где** искать, **как** искать.

Ведь надо было расслышать те же жалобы в драме «Странный человек» Лермонтова и в цикле стихов, посвященных «Н. Ф. И.», соединить их, мысленно увидеть образ девушки, к которой обращался поэт, найти ей место среди знакомых и близких.

И затем, когда Ираклий Андроников путешествовал по Грузии, пытаясь отыскать пейзаж, зарисованный Лермонтовым, кто еще, кроме него, в болтовне проводника о легендах и преданиях, связанных с развалинами замка, расслышал бы линии сюжета поэмы «Демон». И тут-то Андроников увидел, что именно этот замок изображен на рисунке. Оказалось, рисунок Лермонтова — иллюстрация к ненаписанной, но уже задуманной поэме и что графические работы поэта связаны с поэтическими замыслами, это как бы род записных книжек.

Рисунок М. Ю. Лермонтова.

Полуразрушенную башню на берегу Арагви Лермонтов описал в поэме «Демон». Долго искал эти места Андроников.

Вспомните, наконец, как «деловой американец» мистер Болан приехал продать часть архива Верещагиной, который он купил в Мюнхене. Никогда не видя этих заветных верещагинских альбомов, Андроников тут же сказал, сколько там должно быть стихов и сколько рисунков. Недаром, когда в Германии у власти были фашисты и туда нельзя было поехать, он завел две картонные коробки и складывал в них все, что попадалось о замке Хохберг, из книг и газет, он мысленно тысячу раз бывал на улицах, в церкви, залах замка, он готовился к открытиям.

И все-таки Андроников счастливчик! Потому что все свои разнообразные таланты он сумел соединить, слить в один, ради одной страсти к литературе. Ничего не ускользнуло от него, ничего не ушло в песок.

Он сам пишет, что даже переезды семьи, которая жила то в Москве, то в Петербурге, то в Тифлисе, помогли ему легко читать «географию» лермонтовских мест, литературовед словно бы шел по следам поэта.

Даже то, что отец его был юристом, талантливым оратором, рассказывал дома о судебных процессах и приносил сыну читать судебные отчеты, научило Андроникова логически мыслить, строить умозаключения, ведущие от частных наблюдений к общим выводам. Андроников и ведет свои литературные расследования, как опытный юрист. Еще Ивантер почувствовал «детективный» ход его рассказов.

Наконец, он с детства любил изображать знакомых и говорить не то, что слышал от них, а думать в образе, перевоплощаться — разве это не помогает ему лучше чувствовать мир Лермонтова, Пушкина, тех, о ком Андроников пишет. Артистичность сообщает его рассказам живую, слышимую интонацию — вот почему рассказы Андроникова узнаешь тут же. Это рассказы в полном смысле слова.

А когда человек так полно умеет отдать себя своему делу, счастлив он и счастливы его читатели.

❇

Журнал «Пионер», все его сотрудники и читатели поздравляют Ираклия Луарсабовича с семидесятилетием! Желают ему новых открытий и ждут новых рассказов!

Йован ЙОВАНОВИЧ-ЗМАЙ

Советы дяди Йована

Часы у нас ворует лень.
Беречь учитесь каждый день,
Чтоб не жалеть и малости
Потом, в далекой старости.

Прошу вас также не забыть,
Что хорошо прилежным быть,
Чтоб не краснеть за шалости
Потом, в далекой старости.

Старайтесь быть честней, добрей.
Любите преданных друзей,
Чтоб согревали радости
Потом, в глубокой старости.

Кто прожил жизнью трудовой,
Тот крепок телом, чист душой.
Не знать ему усталости
Потом, в далекой старости.

Верная примета

Очень просто и легко
По листку узнать растенье,
Птиц — по цвету оперенья,
А по вкусу — молоко.
По дрожащему хвосту
Видно зайца за версту.
По теплу узнаешь лето,
Ночь — по тьме,
А день — по свету.
По седым вершинам — горы.
По слезам — беду и горе.
По теченью — реку,
Море — по волнам.
Видно человека
По его делам.

Перевел с сербскохорватского
Л. ЯХНИН

„Я её сразу узнала"

Эту иллюстрацию Дементия Алексеевича Шмаринова я помню с давних пор. Она висела в зале музея у окна, и девочка в белом платье, бежавшая нам навстречу, казалась освещенной солнцем. На рисунке были и другие веселые лица, но девочка запомнилась мне больше всего. Она была какой-то особенно легкой, артистичной. Я сразу ее узнала: это Наташа Ростова! Все в ней в движении: подол легкого платья, острые локти вскинутых рук, завитки черных волос, сбившихся назад, улыбка, глаза.

Художник внимательно вслушивался в каждое слово Толстого: что сам писатель говорит о Наташе, что говорят о ней герои «Войны и мира».

Об этой Наташе, Наташе-девочке вот как сказано в «Войне и мире»: «...черноглазая, с большим ртом, некрасивая, но живая девочка с своими детскими открытыми плечиками, выскочившими из корсажа от быстрого бега, с своими сбившимися назад черными кудрями... была в том милом возрасте, когда девочка уже не ребенок, а ребенок еще не девушка».

«Какое милое существо ваша меньшая! — восклицает гостья Ростовых. — Порох!» «Да, порох!» — подхватывает граф Ростов.

Шмаринов и нарисовал «Наташу-порох». Кажется, Наташа ни за что не задержится в дверях, помчится куда-то дальше. Куда? Она и сама этого еще не знает...

Трудные дни в ее жизни впереди. А на этом рисунке — беззаботное, веселое, мирное детство.

Теперь мне ближе и дороже другая иллюстрация Дементия Алексеевича Шмаринова к роману «Война и мир». На ней тоже Наташа. Но как не похожа она на ту тринадцатилетнюю девочку в белом платье! Вроде бы так же остры ее худые локти, сбились волосы, но и знакомое лицо, и локти, и волосы, и складки черного платья, и взгляд — все горестно замерло, все неподвижно.

Там — летящая, беспечная Наташа. Здесь — затихшая, ушедшая в себя. Как заметны «напряженность пальцев» и «упорный, неподвижный взгляд»! Лев Николаевич Толстой сказал еще, что у нее «душевный взгляд».

Наташа смотрит внутрь себя, в прошлое: недавно скончался на ее руках тяжело раненный князь Андрей.

Неясен портрет на стене, неясна стена, нарисованы лишь часть стола, часть дивана — это лишь фон, второстепенные детали. Главное — Наташа, ее горе, ее страдание, ее «душевный взгляд».

Художник хотел во всем быть верным духу писателя, его великому дару. А великий дар Толстого заключался в умении передавать словами тончайшие, сложнейшие чувства своих героев. Шмаринову переживания героев нужно было передать в линиях и красках. И вот, глядя на нарисованную им Наташу, мы начинаем чувствовать, как откликается в нас ее печаль и ее одиночество. Горе войны, горе утраты воплотил большой художник в этом рисунке.

Он видел такое горе: Шмаринов начал работать над иллюстрациями к «Войне и миру» сразу после окончания Великой Отечественной войны. Работая, он не мог не думать о только что пережитом, о своих соотечественниках, о выпавших на их долю страданиях и об их мужестве, героизме.

Ведь и Лев Николаевич Толстой, когда в 60-е годы прошлого века писал о войне 1812 года, прежде всего думал о **своих** современниках, о **своем** времени.

Шмаринов знал, что «Войну и мир» с его рисунками будут читать дети — книга выходила в детском издательстве. Ему хотелось помочь юному читателю глубже понять великое произведение Толстого, что-то, может быть, объяснить, на что-то обратить внимание.

Художник стал самым пристальным читателем романа. На каждого героя он завел отдельный альбом, записал все подробности его жизни, сделал двести предварительных рисунков. Он рисовал друзей, рисовал знакомых и незнакомых — всех людей, хоть чем-то напоминавших ему героев книги.

Целых три года изучал художник мемуары, книги по истории одежды, мебели, архитектуры, вооружения, смотрел старинные гравюры, чтобы знать, в каком платье могла быть на балу Наташа Ростова, какой была обстановка в доме Ростовых и в доме старого Болконского, как были вооружены русские и французские солдаты.

Эта грандиозная подготовительная работа была необходима для того, чтобы мы с вами, взглянув на иллюстрации Дементия Шмаринова к роману «Война и мир», поверили: это Наташа, это князь Андрей, Пьер Безухов, а вот Кутузов, Наполеон.

Шмаринов свято помнил слова Льва Толстого:

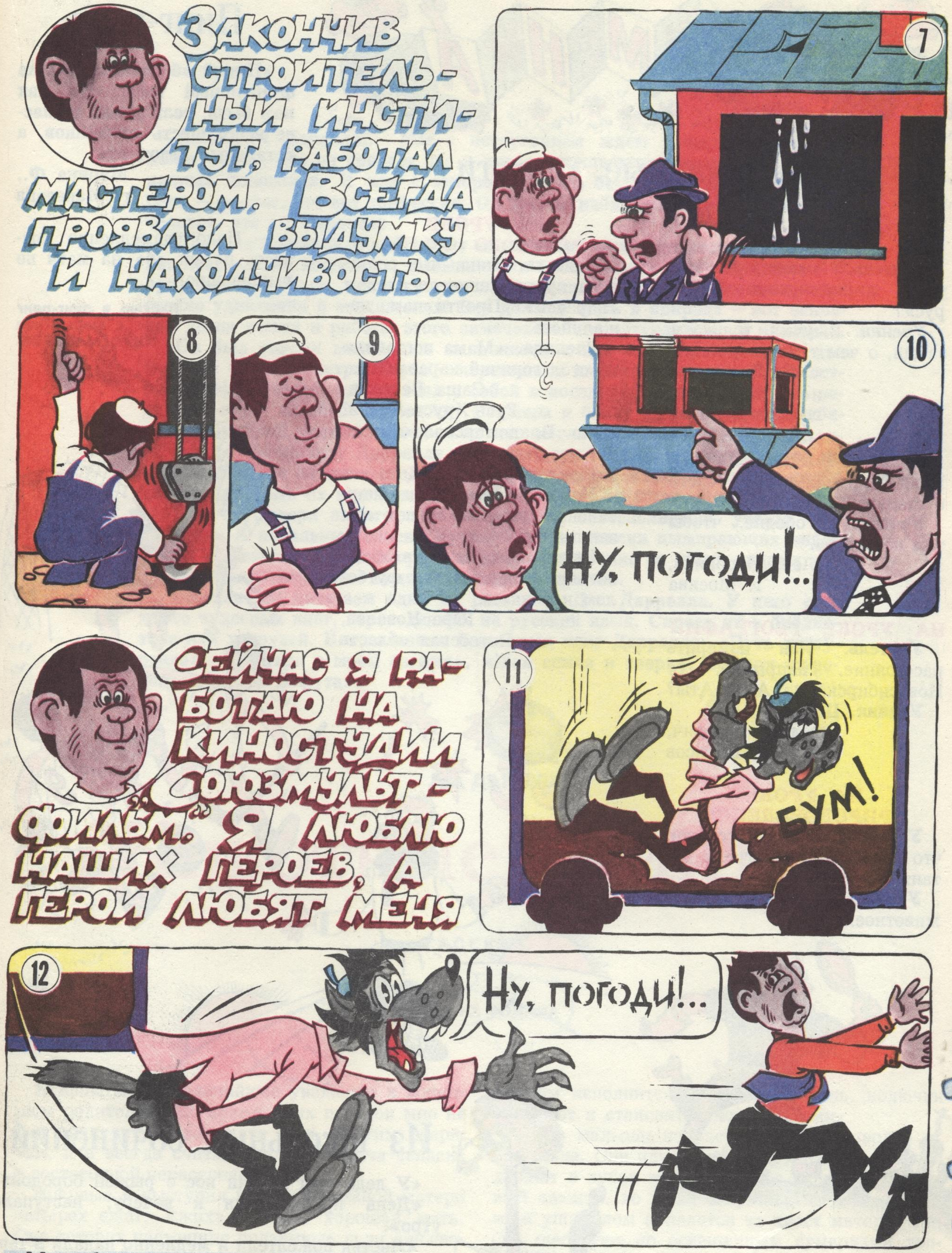
«Вызвать в себе раз испытанное чувство, — говорил Толстой, — и, вызвав его в себе, посредством движений, линий, красок, звуков, образов... передать это чувство так, чтобы другие испытали то же чувство — в этом состоит деятельность искусства».

Л. КУДРЯВЦЕВА

Продолжаем представлять членов жюри конкурса «Невыдуманные диалоги». Писатель Александр КУРЛЯНДСКИЙ рассказывает о себе...

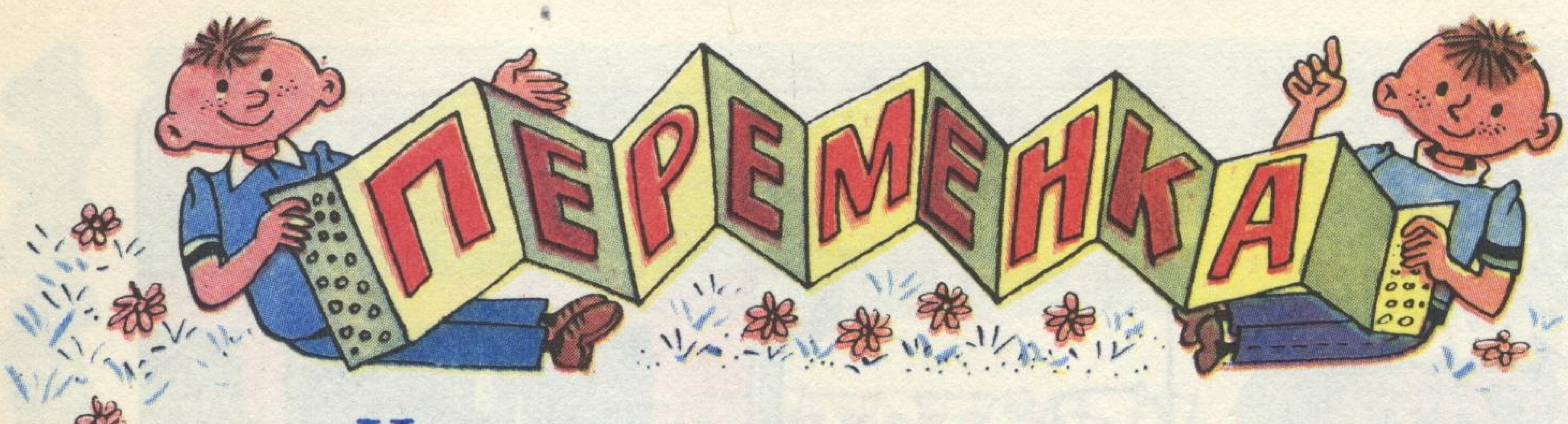
«Я родился давно. Когда еще не было «Ну, погоди!» Я смотрел другие мультфильмы, которые придумывали другие дяди. Теперь я сам стал дядей и придумываю мультфильмы. «Ну, погоди!» я придумываю с дядей А. Хайтом.

Рисунки А. ГЛАНЦА



Мультфильм — это история в картинках. Картинок много, и они быстро двигаются. Получается как в жизни.

Я подумал: «А если и о себе рассказать в картинках? Может, тоже получится как в жизни? А? Давайте попробуем...»



Невыдуманные диалоги

НА УРОКЕ ЛИТЕРАТУРЫ

Учитель. Алеша, ты выучил стихотворение «Парус»?

Ученик. Выучил, только я забыл, о чем там говорится...

Л. Драенкова
и Л. Журбенко,
г. Спас-Деменск

* * *

Учитель. Когда и для чего Илья Муромец хотел успеть в стольный Киев-град?

Ученик. К обедне, чтобы там пообедать.

Лена Бородина,
г. Москва

НА УРОКЕ ГЕОГРАФИИ

Учитель. Как измерить расстояние, например, от Новосибирска до Алма-Аты?

Ученик. Шагами.

Феликс Гилевич,
г. Борисов

НА УРОКЕ ПРИРОДОВЕДЕНИЯ

Учительница. Расскажи, что ты знаешь о гигиене питания?

Ученица. Гигиена — это животное...

За серьезное и несерьезное поведение детей и взрослых на «Переменке» отвечает Н. РОСТОВЦЕВА

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА

НА УРОКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Учитель. Инна, ты составила предложение со словом «караван»? Прочти нам, пожалуйста.

Ученица. «Мама поставила на стол горячий караван».

Саша Беликов,
г. Гусь-Хрустальный,
Владимирская область

НА УРОКЕ ИСТОРИИ

Учитель. Где жили спартанские мальчики и чем они занимались?

Ученик. Они жили в общежитиях и занимались футболом и хоккеем.

Юра Ковалев,
Витебская область

Пинг-понг

«Пятый «б» вызвал нас на футбольный матч. Но как нам быть, если у нас в классе всего шесть мальчиков, а остальные девочки?»

Марина Ф.,
г. Макеевка

— Надо немедленно вызвать пятый «б» на матч по вышиванию!

Партию в пинг-понг с вами играл Юрий МАКАРОВ.

Из школьных сочинений

«У деда был птичий нос с рыжей бородой».

«День приближался к вечеру, наступало утро».

«Листья пожелтели и медленно падали в теплые края».

«В комнате никого не было, был только один беспорядок».

«Гринев относился к Марии Ивановне положительно, а Швабрин в обратную сторону».

Джеральд Даррелл... Мы с нетерпением ждем каждую его новую книгу, ждем, что он поведет нас в новое путешествие, расскажет о невиданных животных. И все с юмором, и все без капли вымысла. Даррелл — зоолог, это его профессия. Он тонкий наблюдатель и очень добрый человек, это его характер.

Даррелл пристально наблюдает за каждым живым существом. Для него нет неприятных животных, вызывающих брезгливость или отвращение. В природе нет уродов, нет некрасивых, неудачных творений. Все живое достойно удивления и восхищения! Все должно жить в природе — вот основной девиз жизни и работы этого замечательного натуралиста и писателя.

Он был совсем маленьким мальчиком, когда его семья — мама, два старших брата и сестра Марго — переезжали из Англии на греческий остров Корфу. Знаете, что он взял с собой в поездку? «Четыре книги по зоологии, сачок для бабочек, собаку Роджера и банку из-под варенья, набитую гусеницами, которые в любой момент могли превратиться в куколок...»

Теперь Джеральду Дарреллу пятьдесят три года. В своем зоопарке на острове Джерси он хочет создать фонд исчезающих животных с тем, чтобы потом выпустить их в тех местах, где они когда-то жили. Ведь всем известно, что потеря любого вида — трагедия, невосполнимая утрата для природы. А печальные списки Красной книги, списки вымирающих видов растут... Поэтому Даррелл пристально следит именно за этими видами животных, самоотверженно защищает их для будущего.

Сегодня мы печатаем один из рассказов Дж. Даррелла. У него есть много чудесных книг, переведенных на русский язык. Спроси их в библиотеке или у друзей. Вот названия некоторых книг Даррелла: «Путь кенгуренка», «Зоопарк в моем багаже», «Моя семья и звери», «Земля шорохов», «Гончие Бофута».

Дж. ДАРРЕЛЛ

Животные родители

РАССКАЗ

Рисунки Ю. РОДИНА

Я испытываю величайшее уважение к животным родителям. Во время моих поездок мне не раз приходилось заменять мать многим зверятам, и я всегда считал, что эта задача связана с достаточной нервотрепкой.

Впервые я выступил в роли приемной матери четырех ежат. Ежиха — очень хорошая мать. Она готовит настоящие подземные ясли для своих малышей: гнездо, выложенное толстым слоем сухих листьев. Здесь появляется на свет слепое и беспомощное ежиное потомство. Малыши покрыты плотным слоем белых и мягких, будто резиновых, колючек. Лишь после того как ежатам исполнится несколько недель, колючки твердеют и становятся коричневыми.

Когда малыши подрастают, мать выводит их из гнезда. Они идут друг за дружкой, и каждый держит в зубах хвост идущего впереди. А первый ежонок, во главе колонны, с непоколебимым упорством цепляется за хвост матери. Так они шествуют по освещенным сумерками тропинкам, похожие на странную, колючую сороконожку.

Возможно, для матери ежихи совсем не трудно выращивать свое потомство, но когда мне неожиданно подарили четырех слепых, белых, по-

крытых резиновыми колючками ежат, я растерялся.

Мы жили в то время в Греции. Сосед-крестьянин принес нам ежиное гнездо величиной с футбольный мяч. Он выкопал его в поле во время работы. Малышей надо было сразу же накормить, но соска от обычной детской бутылочки была слишком велика для них. К счастью, у маленькой дочки моего приятеля нашлась кукольная соска.

Ежата привыкли к ней и быстро поправлялись.

Сначала я держал их в невысокой картонной коробке. Но очень скоро понял, что листья в ней нужно менять десять — двенадцать раз в день. Неужели мать ежиха целый день носится взад и вперед с охапками свежих листьев, чтобы содержать свое гнездо в чистоте? Если это так, когда же, черт возьми, она находит время кормить свое потомство?

Что касается моих питомцев, они готовы были есть в любое время дня и ночи. Стоило только прикоснуться к коробке, как из листьев высовывались остроконечные мордочки, раздавался дружный вопль, и маленькие черные носы начинали отчаянно вертеться из стороны в сторону в поисках бутылочки.

Обычно детеныши, насытившись, успокаиваются, но к ежам, по-моему, это не относится. Они каждый раз бросались на свою бутылочку, будто голодали много недель. Теперь я понимаю, что все-таки перекармливал ежат, потому что их крохотные ножки уже не выдерживали их веса. Ежата еле передвигались по ковру, волоча по земле толстые животики.

Однако развивались они очень хорошо, ноги становились сильнее, глаза открылись. Иногда они даже совершали смелые вылазки из коробки.

Я очень гордился моей колючей семейкой и с нетерпением ждал, когда смогу вывести их в лес и угостить такими лакомствами, как улитки и земляника.

Но случилось так, что мне пришлось уехать на целый день.

Малышей я вынужден был оставить на попечение сестры.

Перед отъездом я просил ее ни под каким видом не давать им больше одной бутылки молока в день, как бы они ни пищали.

Мне следовало лучше знать мою сестру. Когда я вернулся, она виновато посмотрела на меня.

Терзаясь ужасными предчувствиями, я спросил ее, сколько она давала им молока за один раз. «Четыре бутылочки каждому,— ответила она,— посмотри, какими толстенькими они стали».

Отрицать это было невозможно. Их крохотные животики так раздулись, что ноги не доставали до земли. Они были похожи на странные колючие футбольные мячи, к которым кто-то по ошибке приделал четыре ноги и нос.

Я сделал все, что мог, но через сутки они все умерли от острого кишечного воспаления. Сестра расстраивалась больше всех. По тому ледяному виду, с которым я принял ее извинения, она поняла: никогда больше я не доверю ей моих приемышей.

Конечно, не все животные ухаживают за своими малышами так тщательно, как ежи. Некоторые не очень-то затрудняют себя.

Детеныши кенгуру, к примеру, появляются на свет величиной с наперсток. А ведь взрослый кенгуру, даже сидящий на задних лапах, может быть больше метра в высоту. Новорожденный кенгуренок — слепой и голый комочек — должен найти дорогу к животу матери и суметь забраться в ее сумку.

Вы, конечно, понимаете, что это очень трудно для кенгуренка, только что появившегося на свет. Ведь он может пользоваться только передними лапами, поскольку задние еще плотно прижаты к хвосту и неподвижны.

При этом кенгуру-мать совсем не помогает малышу.

Крохотный кенгуренок должен сам ползти через джунгли шерсти по животу матери. В конце концов он добирается до сумки, влезает в нее и надежно пристраивается у соска. Это подвиг, с которым не сравнить даже восхождение на Эверест.

Мне никогда не выпадало счастливого случая вырастить кенгуренка, но есть опыт с его близким родственником — маленьким уоллаби. Он выглядит совсем как кенгуру в миниатюре.

Честно говоря, это был самый непривлекательный звереныш, которого я когда-либо видел.

Он был слеп, без волос, ярко-розового цвета. Малыш жестоко пострадал от случайного падения, и я очень боялся, что он не выживет вообще.

Тем не менее я отнес его к себе и устроил в своей спальне. Он охотно ел из бутылки, труднее оказалось держать его в тепле. Я завернул его во фланель и обложил грелками, но они быстро остывали, и я все время боялся, что он простудится. Оказалось, легче всего было согревать его своим телом, и я засунул его себе под рубашку. Тогда я и понял, какие страдания должна испытывать уоллаби-мать.

Малыш меня непрерывно обнюхивал и сосал, а время от времени начинал лягаться задней ногой с довольно острыми когтями и бил меня точно под ложечку. Спустя несколько часов я чувствовал себя так, будто провел тренировочный бой с боксером-тяжеловесом.

Я попытался поместить его у себя на спине, но он опять карабкался мне на грудь.

Ночью он время от времени лягался с такой силой, что сам вылетал из кровати и мне приходилось вставать и разыскивать его где-нибудь на полу.

К несчастью, он умер через два дня, очевидно, от какого-то внутреннего кровоизлияния. Мне было очень обидно, что я не смог выходить и усыновить такого необычного малыша.

Если кенгуру не очень нянчился со своим по-

томством, то карликовая мартышка в этом смысле является образцом.

Размером с большую мышь, покрытый полосатой зеленой шерсткой, с блестящими карими глазками на крохотной мордочке, малыш похож на сказочного гномика.

Отец забирает малышей у матери, едва они появятся на свет, и носит у себя на бедрах, как пару седельных сумок. Он следит, чтобы малыши были чистыми, согревает их ночью теплом своего тела и вручает матери только для кормления.

Обычно эти детеныши невероятно глупы, и не сразу удается научить их пить из бутылки. А когда наконец вы успешно завершите эту утомительную процедуру, они подрастают, и надо снова учить их пить уже из блюдца.

По-видимому, они считают, что главное — погрузить мордочку в молоко и держать ее там, пока хватит воздуха или пока они в этом молоке не утонут.

Маленькая голуболицая мартышка — очаровательный обезьяний детеныш — легко умещается в чайном стакане. Спина и хвост у него зеленоватого цвета, живот и бакенбарды ярко-желтые. Над верхней губой белая полоса в форме банана, совсем как великолепные усы у какого-нибудь отставного военного. Как у всех молодых обезьян, головка у него слишком велика по сравнению с тельцем, а ноги длинные и неуклюжие.

Попав ко мне, он отказывался пить из бутылки, будучи абсолютно уверен, что это какая-то дьявольская пытка. Потом, раскусив этот фокус, он просто с ума сходил при одном виде бутылки, вцеплялся в соску, сжимал в лапах бутылку и в восторге опрокидывался на спину.

Когда же он научился пить из блюдца, встала другая проблема. Малыша ставили на стол, тут же появлялось блюдце с молоком. Как только он замечал блюдце, он издавал резкий вопль и трясся всем телом. Это, видимо, была особая форма гневного возбуждения; возбуждения — потому что он видел молоко, гневного — потому что молоко это всегда появлялось, по его мнению, недостаточно быстро. Он визжал и подпрыгивал, как кузнечик.

Если я не догадывался держать его за хвост покрепче, он с торжествующим воплем нырял головой в середину блюдца. Едва успев стереть с лица остатки этой молочной «бури», мы обнаруживали, что он сидит с выражением величайшего негодования посреди пустого блюдца, дрожа от ярости, потому что пить ему теперь нечего.

Самое трудное — это не давать детенышу мерзнуть по ночам. Как ни странно, это необходимо даже в тропиках, потому что после захода солнца температура там резко понижается. Когда малыши с родителями, они зарываются в плотный мех матери.

Я вскоре убедился, что от грелок проку мало. Они быстро остывают, и ночью приходится несколько раз вставать и наполнять грелки горячей водой. Дело это довольно утомительное, особенно если кроме малышей у вас на руках еще и взрослые животные. Поэтому самое простое — уложить их спать вместе с собой. Очень скоро вы привыкаете ночью не вертеться, чтобы ненароком не раздавить кого-нибудь.

В разное время мне приходилось делить свое ложе с большим количеством самых разнообразных зверей.

Однажды моя узкая походная койка служила пристанищем одновременно для трех мангуст, двух обезьяньих детенышей, белки и молодого шимпанзе. Я с трудом устраивался рядом.

Не думайте, что ваши подопечные будут испытывать к вам хоть немного благодарности, в большинстве случаев происходит обратное.

Один из самых впечатляющих шрамов на моем теле появился после того, как я дал бутылку с молоком одному молодому мангусту на пять минут позже, чем этого хотелось ему. Когда меня спрашивают об этом шраме, я отвечаю, что на меня напал ягуар. Кто поверит, что это был всего лишь детеныш мангуста, которого я держал в это время под одеялом у себя в кровати.

Перевел с английского Б. БОЛЬШУН.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ПОБЕДИТЕЛЕЙ!

Помните выпуски армянского журнала «Пионер», украинской и эстонской «Пионерии» и узбекского «Гулхана»? Более тысячи наших читателей ответили на вопросы викторины этих журналов.

Вот имена победителей:

Алтынчаг Калилова (с/х «50 лет Киргизии», Узгенский район), она прислала полные ответы на викторину украинской и эстонской «Пионерии».

Лена Кофман (г. Гомель),
Вероника Кривошей (г. Киев),
Лена Антисина (г. Новокузнецк),
пионеры 5-го класса «Б» пермской школы № 48 имени Дзержинского,
пионеры 7-го класса «Д» киевской школы № 43.

Эти ребята хорошо ответили на вопросы **армянского «Пионера».** Но звание абсолютного чемпиона жюри решило никому не присуждать.

Жюри благодарит за содержательные, полные ответы викторины **украинской «Пионерии»:**

Камышову Свету (г. Дубовка, Волгоградская обл.),
Светлану Шабалину (г. Чусовой),
Таню Лопатину (г. Москва),
Таню Новикову (г. Калинин),
Светлану Иванчук (г. Мончегорск),
Олега Хашаева (г. Гусь-Хрустальный),
Ларису Щербак (г. Кременчуг),
Люду Ягодарову (г. Йошкар-Ола),
Розалию Сазыкову (с. Мияки, Башкирия),
Таню Манчур (г. Чехов),
Марину Жукову (г. Гвардейск, Калининградская обл.),
Веру Протасову (г. Комсомольск-на-Амуре),
Свету Бондаренко (г. Кривой Рог),
Инну Грядунову (г. Брянск),
Сергея Сутормина (п. Середейский, Калужская обл.),
Н. Груздеву и И. Смертину (п/о Мышанка, Гомельская обл.).

За ответы на вопросы **эстонской «Пионерии»:**

Галю Леонтьеву (г. Новосибирск),
Вадима Осипова (п. Шерловая Тода, Читинская обл.),
Анисимову (девочка из г. Горловки имя свое не сообщила),
Галю Меньшикову (г. Ливны, Орловская обл.),
Элину Остапову (г. Киев),
Таню Пелевинову (г. Дубна, Московская обл.),
КИД «Меридиан» (школа № 1, п. Абан, Красноярский край).
Сергея Бахарева (п. Зырянка, Якутия),
Таню Мещерину (г. Воронеж),
Марину Филатову (ст. Селедки, Тамбовской обл.),
Таню Фишер (г. Челябинск).

За ответы на вопросы **узбекского «Гулхана»:**

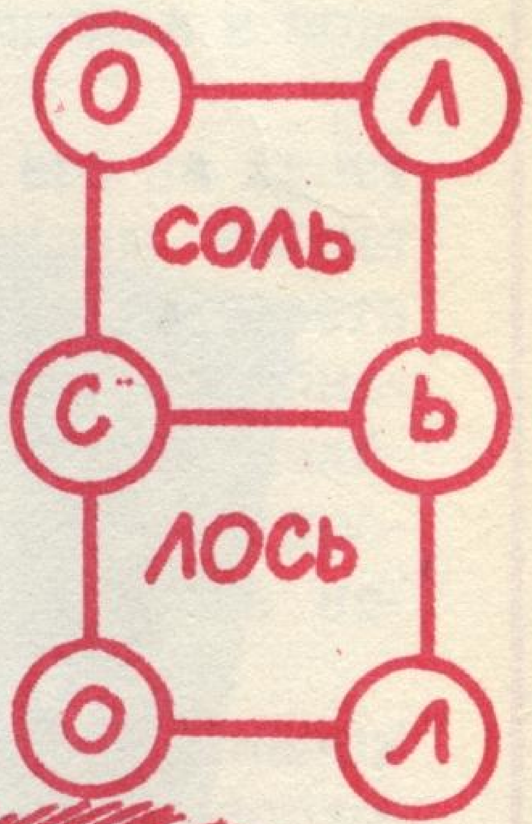
5-й класс «А» школы № 7 (г. Обнинск),
6-й класс «Г» школы № 73 (г. Воронеж),
Свету Челнышеву (г. Тольятти),
клуб «Вега» (пос. Середейский, Калужская обл.),
Венеру Амирову (п. Кочкар-Ата, Киргизия),
Гулниат Бикчентаеву (п/о Балаево, Татария),
Свету Наркову (г. Кременчуг),
дружину имени Лени Голикова, школа № 11 (г. Новгород),
Валерия Полякова (г. Брянск),
Женю Леонтьева (г. Калуга),
Надю Сангалиеву (г. Челябинск),
Лешу Потопяка (г. Благовещенск),
Свету Жаркову (с. Яндыки, Астраханская обл.),
Эльмиру Муратову (п. Алмазар, Узбекистан).

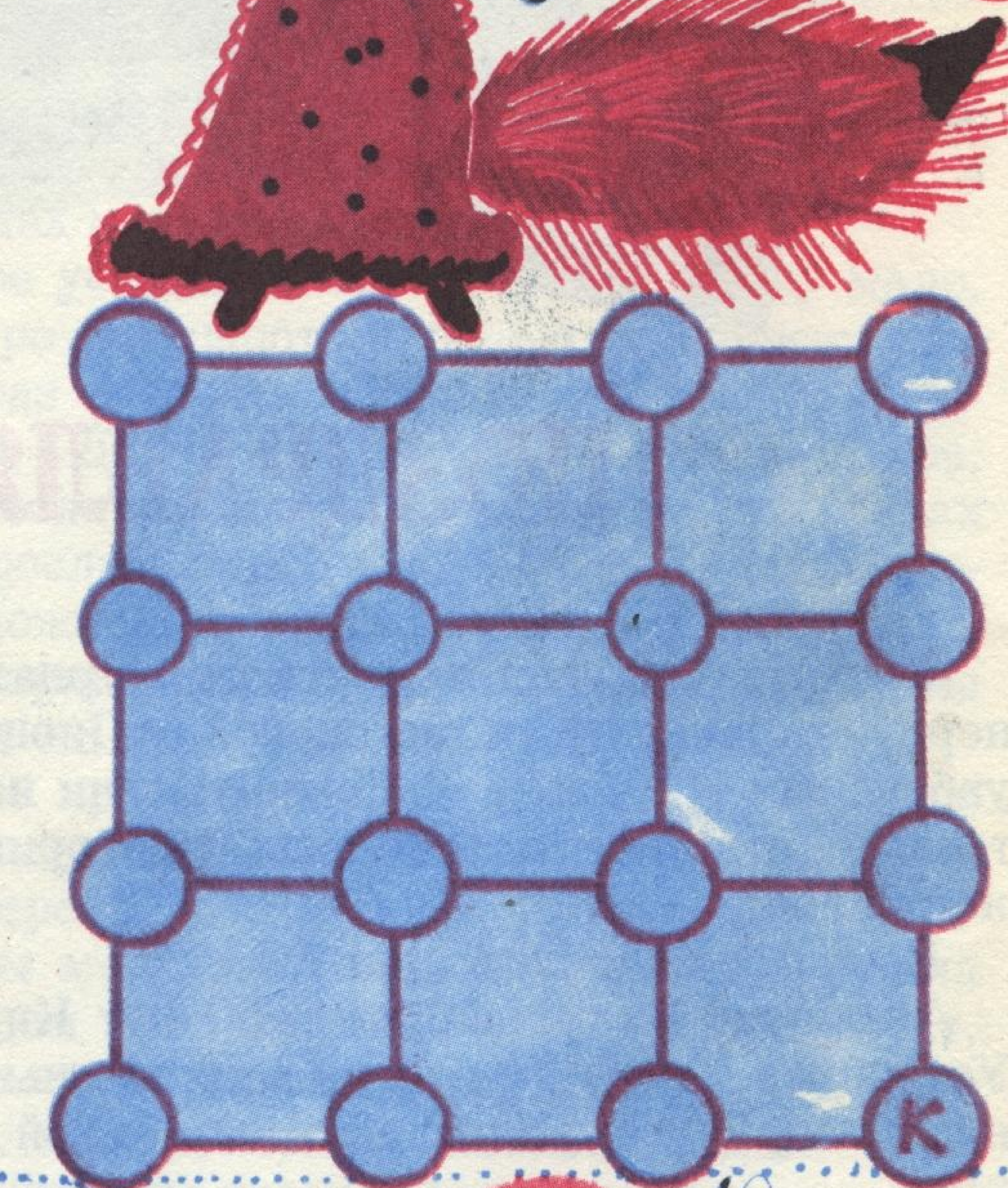
Журнал «Пионер» награждает победителей грамотами и книгами.

Ответственный дежурный
Никита РАЗГОВОРОВ.
Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Где лиса?

Жало, ваза и **зола,**
Липа, сила и **пила**
Плюс **лиса, коса, сова** —
Вот квадратные слова.
Ты сумеешь, может быть,
Все их вместе уложить,
И, затратив полчаса,
Сообщи мне, где лиса!
(Чтоб тебе помочь слегка,
Я поставил букву «К».)





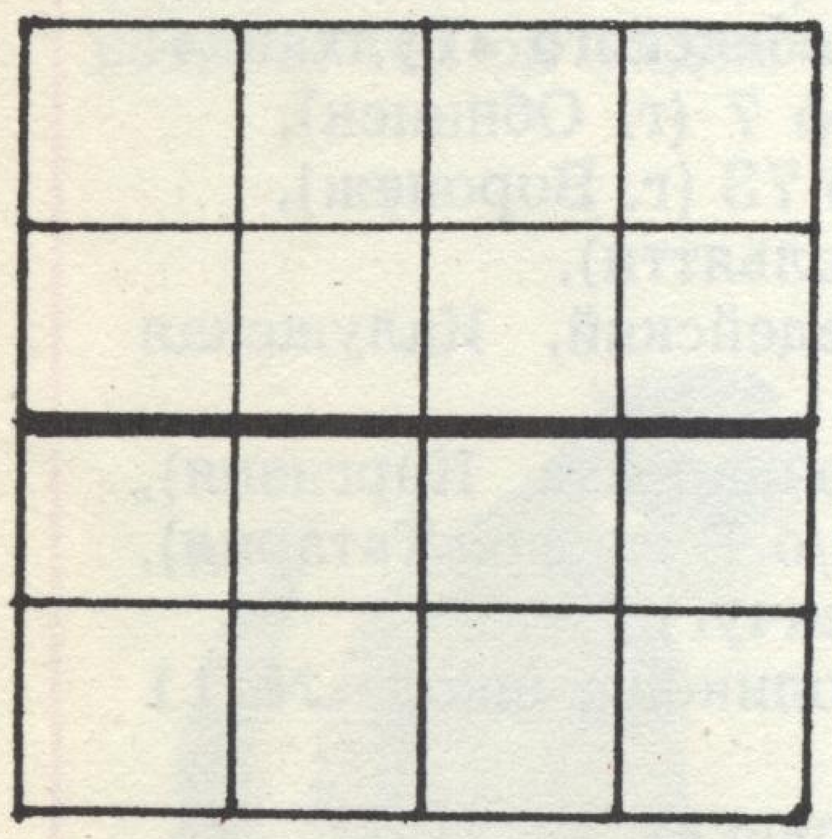
Кookaбурра

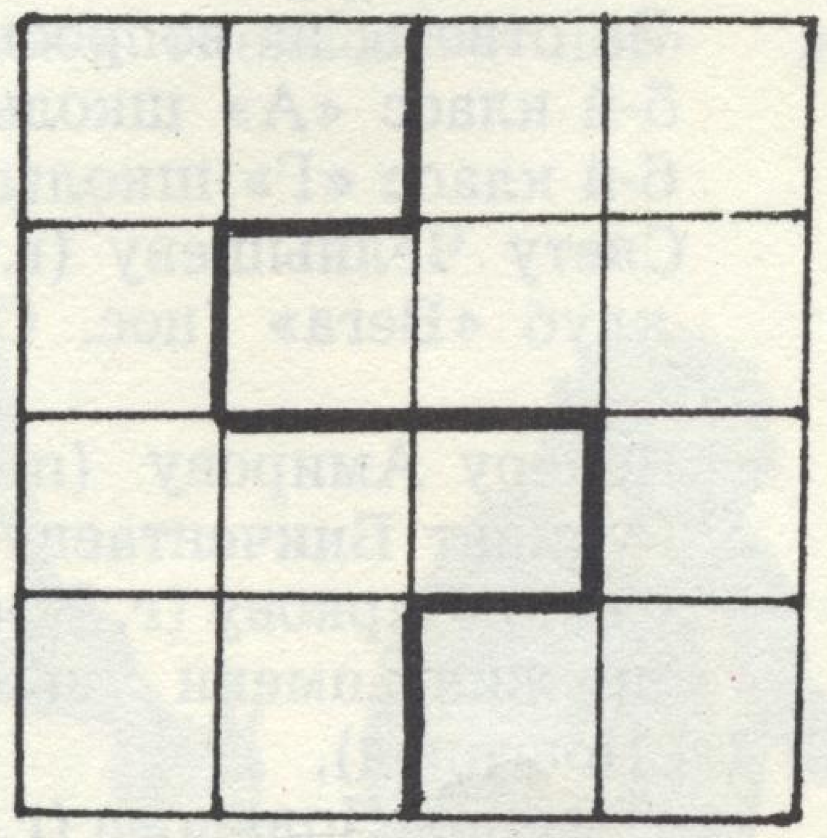
Игры Лупы и Пинцета

Наши друзья из Сиднея прислали целый блок марок — 16 штук. На них нарисована птица пересмешник, в Австралии ее называют кookaбурра. Блок этот мы бережно храним. Капитан Перо часто любуется марками. Он, конечно, никому не позволит расчленить блок, поэтому и предлагает вам такую задачу: как вы думаете, сколько есть способов разделить этот блок на две части, по восемь марок в каждой, с таким расчетом, чтобы обе части были одинаковой формы и их можно было бы наложить друг на друга?

Пинцет взял листок бумаги в клеточку и продемонстрировал два способа.

«Но есть еще четыре способа, сказал он. — Пусть ребята сами найдут их, только не торопясь, вдумчиво, чтобы не спугнуть кookaбурру».





Капитан Перо ищет помощника

Шутки в сторону!

Карандаши передали мне перехваченную у Резинок записку, в ней был зашифрован новый пароль. Вот что написано в записке:

ШУТКА
ШУТКА пароль: 6502850
+ШУТКА
УЛЫБКА

Вы уже, наверно, догадались, что буквы надо заменить цифрами, а какими, я еще не знаю. Жду вашей помощи.

Капитан Перо.

Чудеса

Игры деда Буквоеда

Рассказать я вам могу,
Что я видел на лугу.
Гу!
Два зайчонка — знайте все —
Плыли в лодке по росе.
Се!
Я за ними, но они
Быстро спрятались в тени.
Ни!
А потом пришла овца
И рычала на скворца.
Ца!
Отыщи вдвоем со мной,
Кто прогнал овцу домой.

Дед Буквоед.

найдите границы

Земли пяти индейских племен примыкают друг к другу. Наш художник нарисовал отдельно каждую из территорий. Присмотритесь внимательнее к их очертаниям, скажите, какое племя с кем граничит.

Живживка.

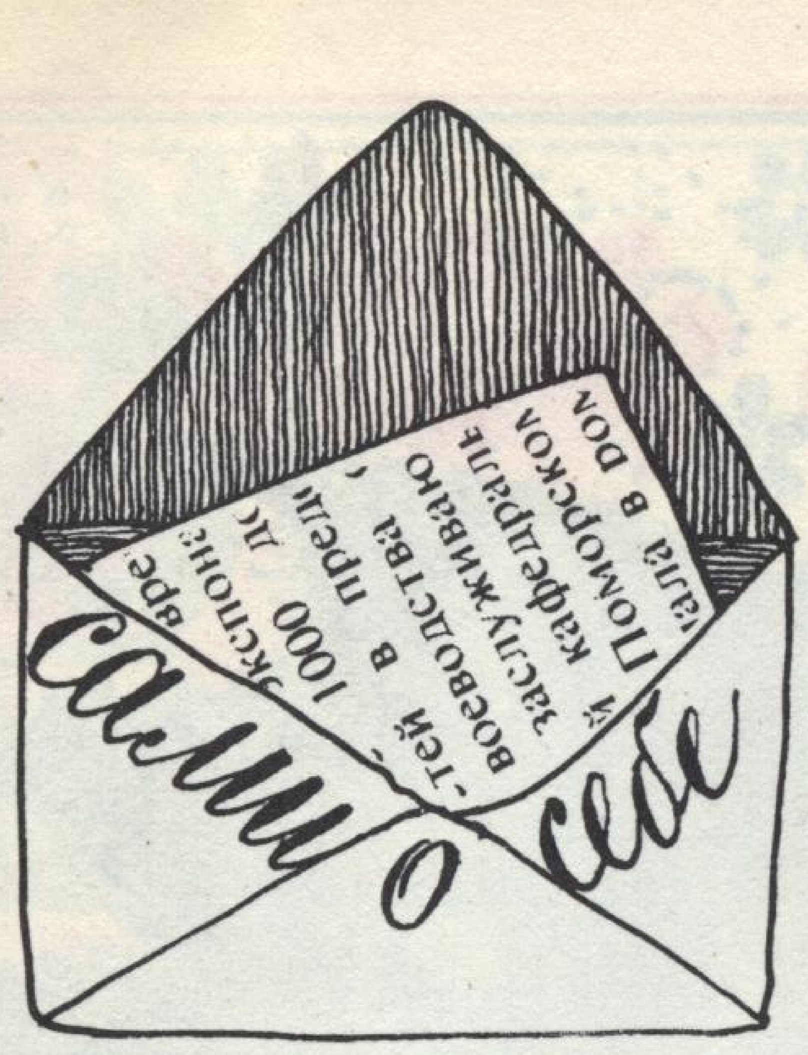
ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 8

Игры деда Буквоеда

Ремонт, букварь, товарищ, корабль, крапива, пескарь, оркестр, утконос, плотина, Айболит, сторона.

Капитан Перо ищет помощника

Новый шифр Карандашей. «Учтите, атака будет с востока в понедельник — пароль «удача». Все гласные заменены цифрами.



Почему я разорвала свой дневник

Однажды я вышла из школы после уроков, и какой-то мальчишка на улице стал дразнить меня. Домой я прибежала со слезами на глазах. Мне захотелось рассказать кому-нибудь о своей обиде, но дома никого не было. Тогда я просто записала свои мысли в тетрадку.

С тех пор я часто стала записывать все, что со мной происходит, не обязательно только плохое. Наконец-то у меня появился друг, которому я могла все-все рассказать.

Как-то раз старшая сестра увидела мой дневник и велела показать, что я пишу. Я кое-как отвертелась, а потом порвала дневник вечером на улице и клочки выбросила. Не потому, что там было что-то стыдное, просто не хотелось, чтобы кто-нибудь прочел мои мысли.

Алла С., г. Челябинск.

Поздравил!

Недавно мне исполнилось тринадцать лет. Было обычное школьное утро. Мои товарищи поздравили меня. Так радостно и весело стало от теплых дружеских слов.

Я шла по школьному коридору, и какой-то мальчишка крикнул: «Эй, длинная! Глядите, какая длинная. И нос, как у Буратино!» Я не знала, куда деваться. Праздничного настроения как не бывало. Я разревелась. Потом на уроках никак не могла сосредоточиться, в ушах все звенели обидные слова.

Света З., г. Иваново.

СОДЕРЖАНИЕ

Память. — С. Иванов. Фотографии В. Арсирия . . 1
Рассказы о Конституции
Ты можешь, ты должен учиться! — М. И. Кондаков 4
Школа умелых хозяев
Учебник — твой друг, береги его! — Рисунки Е. Шабельника 6
Самая нужная в стране книга — учебник. — Т. А. Куценко 8
Секретов нет. — П. Мамонов 8
Школьное окно. Глобус. — Стихи Р. Фархади. Рисунок В. Дудкина 9
Мать и сын. — Рассказ З. Воскресенской. Рисунки С. Трофимова 10
Девятое сентября. — Стихи И. Давыдова 19
Он выстоял, он победил! 20
Огненный рейс. — А. Черцов. Рисунки В. Костицина 22
Новоселье. — Повесть А. Ампелонова. Окончание. Рисунки Е. Медведева 26
Малая пионерская энциклопедия 35
Штаб пионерских активистов «Горн»
Школа пионерского актива. — Н. Рысьева . . 36
«Кораблик» 38
«Чтобы жить честно...» — Б. Сарнов 40
Доброта украшает жизнь. — О. Подъемщикова . . 48
Сумка Гайдара. — Повесть-поиск Б. Камова. Окончание. Рисунки С. Трофимова 50
Звуки, буквы, слова
Смешные слова наречия. — Л. Успенский. Рисунки А. Вовиковой 63
Счастливые приключения ученого. — И. Андреева 66
Советы дяди Иована. Верная примета. — Стихи И. Иовановича-Змая. Перевел с сербскохорватского Л. Яхнин 68
«Я ее сразу узнала». — Л. Кудрявцева 68
«Переменка!» 70
Животные родители. — Рассказ Дж. Даррелла. Рисунки Ю. Родина 73
Поздравляем победителей! 77
Ума палата. — Ответственный дежурный Никита Разговоров. Рисунки А. Вовиковой 78
Сами о себе 80
Два берега. — Слова песни Г. Струмского. Русский текст О. Беликова. Музыка Ю. Чичкова. Рисунок В. Костицина . . . . 3 стр. обл.
На обложке:
Бой за Новороссийск. — Рисунок П. Пророкова.

●

Главный редактор С. А. ФУРИН.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А. Л. АМПЕЛОНОВ, Р. З. БАБЛОЯН (редактор отдела литературы и искусства), **В. А. БЛИЗНЕНКОВА** (редактор отдела внутренней жизни страны), **Т. А. ГАЙДАР, О. И. ГРЕКОВА, А. А. ДЕРКАЧ, Н. В. ИЛЬИНА, Е. Л. КОВАЛЕНКО** (ответственный секретарь), **В. П. КРАПИВИН, Ф. В. ЛЕМКУЛЬ, С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, Л. С. СИМОНОВА** (зам. главного редактора), **Ю. М. ЧИЧКОВ.**

Технический редактор **Е. Г. ЕВДОКИМОВА.**
Макет **Ю. Л. РОДИНА.**

© Издательство «Правда», «Пионер», 1978.

Адрес для писем: **101459, ГСП-4. Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.
Рукописи не возвращаются.

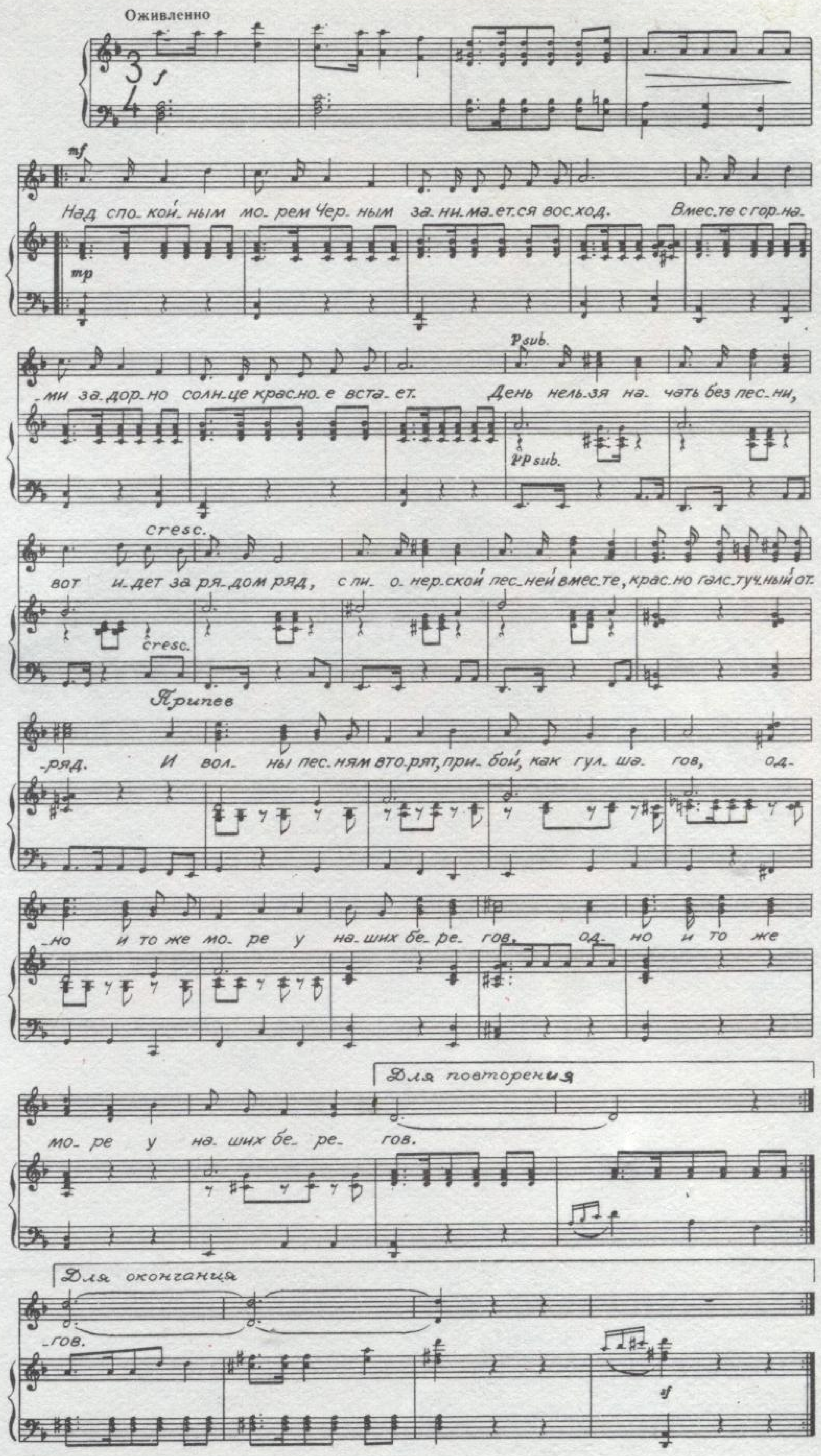
Сдано в набор 30.06.78.
Подписано к печати 01.08.78. А 01439. Формат 84×60 1/8.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 9,33. Учетно-изд. л. 11,24.
Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 2009. Заказ № 2475.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

ДВА БЕРЕГА

Слова Г. СТРУМСКОГО.

Русский текст О. БЕЛИКОВА.

Музыка Ю. ЧИЧКОВА.

Над спокойным морем Черным
Занимается восход.
Вместе с горнами задорно
Солнце красное встает.
День нельзя прожить без песни,
Вот идет за рядом ряд
С пионерской песней вместе
Красногалстучный отряд.

ПРИПЕВ: И волны песням вторят,
Прибой, как гул шагов.
Одно и то же море
У наших берегов.

Поднимается крылато
Песня в синий небосвод,
О ребятах-сентябрятах
Дружно Кранево поет.
А в ответ — как будто эхо
Раскатилось и звенит —
Через море из «Артека»
Песня русская летит.

ПРИПЕВ.

Наши песни разнесутся,
Словно вспышки маяков.
Нас услышав, отзовутся
Дети всех материков.
Чтоб теплей была планета —
Наш большой и добрый дом,
Ради солнца и рассвета
Мы и дружим и поем.

ПРИПЕВ: И волны песням вторят,
Прибой, как гул шагов.
Одно и то же море
У наших берегов.

Рисунок В. КОСТИЦИНА

Цена 25 коп. Индекс 70694.